

Ю. Н. Королев

Чили:

революция

и

**контр-
революция**

Ю. Н. Королев

Чили: революция и контр- революция

**Издательство
„Международные отношения“
Москва · 1976**

Королев Ю. Н.

К68 Чили: революция и контрреволюция. М., «Международ. отношения», 1976.

176 с.

В книге на основе нового документального материала освещаются этапы борьбы чилийского народа за единство демократических и антиимпериалистических сил, которая увенчалась победой на президентских выборах 4 сентября 1970 г. кандидата блока политических партий Народного единства Сальвадора Альенде и созданием народного правительства. Автор показывает созидательную деятельность правительства С. Альенде, анализирует внутренние и внешние аспекты контрреволюционного фашистского переворота. Особое внимание уделяется международному значению опыта чилийской революции.

К $\frac{10605-045}{003(01)-76}$ 6—76

32И

ВВЕДЕНИЕ

«Чили: по ком звонит колокол?» — так назвал одну из своих статей, написанных после контрреволюционного переворота в Чили, французский журналист Марсель Нидерганг. Он полагает, что колокол звонит по жертвам террора, развязанного чилийской реакцией, по павшим в борьбе революционерам, по героически погибшему президенту Сальвадору Альенде. Это верно. Колокол глубокой человеческой скорби звонит по ним, и в этом звоне слышится: «Вечная память героям!»

Но слышен и другой колокольный звон — набат революции. Сальвадор Альенде, сквозь дым и пламя горящего президентского дворца обращаясь к народу, убежденно заявил, что «недалек, близок тот день, когда вновь откроется широкая дорога, по которой пойдет достойный человек, чтобы строить лучшее будущее»¹.

Степень революционного насилия зависит от ожесточенности сопротивления эксплуататоров, защищающих свои классовые интересы. В Чили они пошли на крайние меры: столь же грозной будет ответная реакция революционных масс. Революции не всегда и не сразу завершались победой. Но и из поражений народы извлекали необходимый опыт борьбы, учились побеждать. «Были в Латинской Америке, — отмечал Л. И. Брежнев, — замечательные взлеты освободительной борьбы, героические подвиги и победы, но были и поражения, кровавые расправы с патриотами и революционерами... ничто из уроков прошлого не пропадает даром. И, в частности, опыт прихода к власти Народного единства, несомненно, будет использован борцами за свободу и национальную независимость»².

Коммунисты всего мира, и прежде всего чилийские коммунисты, уже много сделали для глубокого анализа опыта чилийской революции, с тем чтобы он стал достоянием международного коммунистического и рабочего движения. В документах Коммунистической партии Чили и в статьях ее руководителей, опубликованных после фашистского переворота, подвергаются серьезному разбору

как успехи народного правительства и левых сил, так и причины поражения³.

Социально-экономическим и политическим процессам, проходившим в чилийском обществе, был присущ ряд особенностей. Эти процессы проходили в капиталистической стране, зависимой в экономическом отношении от международных монополий. В стране имелся многочисленный и организованный рабочий класс с определившимися революционными традициями и относительно слабым влиянием оппортунизма. Коммунистическая партия Чили во главе с Генеральным секретарем Луисом Корваланом — влиятельная, монолитная и массовая партия рабочего класса выступала в качестве цементирующей и спланивающей силы демократического и антиимпериалистического фронта. Коммунистическая и социалистические партии — основные партии рабочего класса — действовали в многолетнем союзе и пользовались решающим влиянием в профсоюзах. Они сплотили вокруг себя блок демократических и антиимпериалистических сил, включая левое католическое движение. Этот блок пришел к победе в условиях буржуазной конституционности и поставил себе цель перейти к социалистическим преобразованиям мирными средствами. Левые партии, объединившиеся в блок Народного единства, наметили переход к социализму через более или менее длительный этап демократических и антиимпериалистических, антимонополистических и антиолигархических преобразований. Уже на этом этапе мероприятия народного правительства прямо задевали интересы реакционных сил в стране и за рубежом. Реакцию пугало также воздействие примера Чили на другие страны; она боялась, что этот «опыт» будет тщательно изучен в Латинской Америке, особенно в Аргентине, Боливии, Уругвае, Перу. «Коммунисты Чили могут стать маяком для многих...», — писал американский журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт» уже в декабре 1970 года.

«Победа чилийского народа в 1970 году, — отмечали чилийские коммунисты, — явилась кульминацией напряженного периода массовых сражений на всех фронтах социальной борьбы. Эта победа стала возможной благодаря тому, что народное движение сплотилось на основе политической линии, определившей характер чилийской революции. Были точно указаны основные противники: империализм, монополистическая и помещичья олигар-

хия. Это было направление главного удара. Рабочий класс создал социально-политический фронт — Народное единство. Правильная общеполитическая линия позволяла в решающие моменты привлекать к сотрудничеству другие социальные слои, которые совместно с Народным единством выступали против планов реакции. Эта линия дала возможность сформировать правительство, то есть завоевать часть политической власти. С этого народного движения начало преобразования чилийского общества в обстановке острой схватки за власть с прежними господствующими классами»⁴.

Военно-фашистский переворот означал восстановление безраздельной власти чилийских и иностранных монополий, а также финансовой и землевладельческой олигархии. Политическая зрелость чилийского народа не позволила этим группировкам, несмотря на все усилия, создать себе широкую поддержку, поэтому в качестве ударной силы была использована армия. Предварительно она была «очищена» от левых и демократов. На свет были также извлечены воинствующие старцы креольской националистической школы, которым поручили заниматься шовинистической демагогией. В качестве «свежей крови» хунте были приданы последователи Мильтона Фридмана и чикагской экономической школы с их теорией «социальной рыночной экономики» — одной из разновидностей технократической апологетики монополистического капитала. Таким образом, основными составляющими диктатуры стали: реакционеры-геополитики из вооруженных сил, идеологи креольского национализма и технократы-экономисты, тесно связанные с Международным валютным фондом. Компартия Чили, характеризуя этот режим, заявила: «В результате военного переворота в нашей стране установлена фашистская диктатура. Это крайне правый режим, возврат к прошлому, к господству империализма и монополистической помещичьей олигархии, господству, не ограниченному конституцией и законами. Это абсолютная, зверская власть, опирающаяся на силу оружия и исполненная реваншистским духом. Политика хунты — выражение ее классового характера и фашистской идеологии»⁵. В развитие этого тезиса коммунисты отметили как особенность фашизма в Чили «использование вооруженных сил в качестве решающего фактора власти.. В этом смысле можно уточнить определение этой формы фашизма как фашизма военного»⁶

Факты свидетельствуют о том, что фашистская военная хунта оказалась неспособной провести в жизнь планы монополий и создать стабильный режим, который гарантировал бы на продолжительное время защиту их интересов. Правители страны сталкиваются с непреодолимыми и всевозрастающими трудностями: глубоким экономическим кризисом, внутренней и международной политической изоляцией, обостряющимися противоречиями внутри вооруженных сил, ростом сопротивления народных масс.

Авторы «экономической модели», которую взяла на вооружение хунта, ставили перед собой цель добиться резкого оживления экономики за счет притока иностранного капитала и концентрации производства в руках немногих местных монополий; высокая норма прибавочной стоимости в условиях монополизации позволила бы, по мысли этих экономистов, обеспечить быстрые накопления, стимулировать новые капиталовложения; при помощи политики «открытых дверей» для иностранных компаний они надеялись повысить конкурентоспособность местной промышленности. Последствия самых жестоких форм эксплуатации и сверхэксплуатации трудящихся, разорения средних и мелких предпринимателей не беспокоили реакционеров: для этого и была поставлена у власти кровавая хунта Пиночета.

Хунта повела систематическое наступление на все завоевания чилийского народа. В сфере экономики ее главным объектом стал государственный сектор: из 480 предприятий, находившихся в ведении Корпорации промышленного развития (КОРФО), 276 были переданы в частные руки. По заявлению нынешних руководителей КОРФО, государство намерено «временно или постоянно сохранить свое участие лишь в 20 предприятиях». Одновременно распродают принадлежавшие государству акции коммерческих банков, поощряется создание на базе смешанных иностранного и частного капиталов так называемых «банков развития». Хунта передала им принадлежавшее государству право предоставления средней и долгосрочных кредитов. На откуп иностранному капиталу передаются основные богатства страны: медь и другие природные ресурсы. Иностранным компаниям предоставлены особо благоприятные условия для деятельности.

В результате этих мероприятий реальная заработная

плата трудящихся, по данным на октябрь 1974 года, снизилась по сравнению с январем 1973 года на 35,71%. Промышленное производство в период с января по сентябрь 1974 года сократилось на 7% по сравнению с тем же периодом 1972 года. На складах скопились огромные массы нереализованных товаров. Снизилась деловая активность. Промышленники, торговцы, фермеры, не связанные с монополиями, не могут выполнять свои финансовые обязательства; количество опротестованных счетов только за первые 8 месяцев прошлого года оказалось большим, чем за весь 1973 год⁷.

Политика хунты ведет к всевластию иностранного, прежде всего американского, монополистического капитала. Диктатура «узаконила» всякого рода льготы иностранным вкладчикам. Даже профашистский журнал «Ке паса?» в ноябрьском номере за 1975 год вынужден был признать, что «все идет к тому, что каждый раз инициатива иностранного вкладчика будет рассматриваться как специальный случай, то есть ему всегда будет оказываться предпочтение перед местным предпринимателем, проявляющим интерес в той же области». Под флагом «социальной рыночной экономики» началась быстрая концентрация и централизация капиталов и производства. Этому в значительной степени способствовала передача предприятий государственного сектора в частные руки. Тысячи мелких, средних и даже крупных предпринимателей разорились или вынуждены были приостановить свою деятельность. Газета «Меркурио» писала в номере за 27 августа 1975 г., что только в июне 1975 года прекратили свое существование по меньшей мере 7% существовавших в стране мелких предприятий. Уменьшение в 1975 году на 10% валового национального продукта (ВНП) привело к падению дохода на душу населения до уровня, существовавшего в конце 50-х годов. Падение темпов производства сопровождалось перераспределением доходов в пользу небольших привилегированных групп населения. Доля заработной платы в ВНП составила к сентябрю 1975 года 18,7% от уровня января 1973 года. Безработица достигла почти 20%. Таким образом, единственной выигравшей от переворота частью населения являются крупнейшие банкиры и предприниматели, а также иностранные монополии.

Подавляющее большинство населения страны, хотя еще разрозненно, выступает против узоклассовой поли-

тики хунты. В Чили идет, может быть, еще не явная, но неотступная консолидация антифашистских сил. Компартия Чили еще в октябре 1973 года предсказала неизбежность такого развития событий. «Трудящиеся и народные массы, — указала она в обращении «К чилийскому народу», — оправятся от этого удара и, вне всякого сомнения, опять будут распоряжаться судьбой своего отечества»⁹. Сегодня, когда изоляция хунты как в стране, так и за рубежом становится все очевиднее, складываются условия для создания широкого антифашистского фронта, под ударами которого падет диктатура. Главной силой антифашистского фронта является рабочий класс. Его организованность и единство на базе независимых классовых позиций — основа успешного строительства фронта. В то же время рабочий класс не может победить в изоляции, без прочного союза с другими угнетаемыми слоями населения, в первую очередь с крестьянством и широкими средними слоями. «Главной причиной нашего временного поражения, — отмечали чилийские коммунисты в своем анализе опыта Народного единства, — было то, что противнику удалось добиться прогрессирующей изоляции рабочего класса и отхода от него союзников; ему удалось настроить против нас многих из тех, кто занимал нейтральные позиции и даже относился с симпатией к революционному эксперименту правительства Сальвадора Альенде»⁹.

Рабочий класс первым поднялся на борьбу против диктатуры. Первые шаги были трудными: расстреляны строители метро, потребовавшие увеличения заработной платы; убиты или брошены в тюрьмы руководители шахтеров компании «Лоты-Швагер», выступившие против самоуправства властей и за улучшение материального положения рабочих; пулями ответили каратели на выступления крестьян и сельскохозяйственных рабочих в поддержку аграрной реформы. Однако от таких расправ становится не по себе даже генералам. Первые ростки сомнения в «патриотичности» хунты появились среди солдат и офицеров: были случаи, когда офицеры, командовавшие карательными отрядами, убеждались в справедливости требований трудящихся и отказывались применять санкции. Обострились отношения между властями и католической церковью. Даже лидер правого крыла Христианско-демократической партии Э. Фрей, которому Пиночет предложил войти в состав «совета экс-президентов

тов», отказался от этой «честь» и выступил с резкой критикой политики диктатуры. Часть предпринимателей во главе с О. Саэнсом — одним из теоретиков и вдохновителей фашистского путча начала «конструктивно» критиковать хунту. Обострились трения и распри между генералами-главарями. Агенты разведслужб США предприняли зондаж о возможности замены слишком дискредитировавшего себя Пиночета.

Между тем рабочий класс сделал следующий шаг в своей борьбе: 1 мая 1975 г. он отпраздновал как свой классовый праздник, демонстративно игнорируя «официальные празднества», затеянные хунтой. Власти вынуждены были пойти на уступки рабочим Пуэнте-Альто — крупнейшего пролетарского центра страны. Испытанное оружие пролетариата — забастовка все чаще и чаще применялось в этой борьбе. В 1975 году по стране прошли уже десятки выступлений рабочего класса, к которому начинают присоединяться и другие слои общества: студенты, ремесленники, мелкие торговцы. Своеобразные формы приняла борьба против роста цен за аренду жилых помещений: комитеты бездомных выступили совместно с домовыми комитетами и рабочими профсоюзами, выдвинув общие требования. 24 крупнейших профсоюзных объединения страны категорически отвергли попытку хунты навязать параллелизм в профсоюзном движении. Хунта больше не решается на столь откровенные расправы, которые имели место в первое время после переворота, и в этом заслуга в первую очередь рабочего класса. Массовое народное движение стало той преградой, о которую уже начала спотыкаться диктатура. В то же время она легко расправилась с отдельными террористическими выступлениями и даже использовала их для оправдания своей репрессивной политики. Поэтому компартия в своих документах настойчиво подчеркивает, что «антифашистский фронт будет создаваться главным образом в низах, в народных организациях, там, где живет, работает, учится и отдыхает народ»¹⁰.

Чилийские революционеры понимают, что укрепление связей с массами, активизация массовых выступлений против диктатуры, вовлечение подавляющего большинства населения в борьбу являются непереносимыми условиями создания антифашистского фронта. Диктатура не отдаст власть без сопротивления. Чтобы сохранить ее, фашисты могут пойти на гражданскую войну. Это ставит

на повестку дня проблему создания такого политического, а значит и военного, соотношения сил, при котором силы революции получили бы твердые основания для достижения победы. Необходим не только численный перевес, но и технический. Поскольку в современных условиях создать армию революции, способную по своей технической оснащенности противостоять регулярным вооруженным силам, невозможно, следует направить усилия на привлечение военнослужащих на сторону антифашистского фронта. Коммунисты обратили особое внимание на то, что при народном правительстве «необходимая задача укрепления левых идей среди военнослужащих в значительной степени недооценивалась»¹¹.

Но военное соотношение сил само по себе не играет определяющей роли, все решает классовая и политическая расстановка сил. Собственно говоря, соотношение военных сил является органической частью общего соотношения социальных и политических сил. «Как бы там ни было, — указывает КПЧ, — анализ военной проблемы, с тем чтобы извлечь опыт из прошлого и определить правильную политику в настоящем, должен исходить из главного: нет и не может быть такого благоприятного соотношения сил в военном плане, которое гарантировало бы успех революционного процесса, если не создано благоприятное соотношение политических сил, если не удастся объединить вокруг революционных сил большинство социальных слоев и выступить против тех, кого сгруппируют вокруг себя враги народа. Консолидации такого рода мы не смогли добиться в период народного правительства, и в этом была основная причина нашего поражения... Если такая ориентация потерпела поражение, то, во-первых, потому, что соотношение политических сил для народного движения резко ухудшилось, а также потому, что эта генеральная ориентация не внедрялась последовательно революционными силами. Мы не смогли добиться прямого влияния наших позиций в вооруженных силах и противостоять подрывной деятельности фашистов, особенно в тот момент, когда позиции конституционалистов ослабли. Мы преувеличивали возможности конституционалистов в вооруженных силах и влияние в них демократических институтов»¹². Открыто ставя вопрос о необходимости решения военной проблемы, компартия категорически выступает против такой трактовки его ультралевыми, в соответствии с которой главный

упор делается на противоречия между солдатами и офицерами; на создание «собственных» вооруженных сил; на развертывание террористических действий. Военный вопрос, по мнению коммунистов, должен решаться в рамках более широкой борьбы за активизацию участия рабочего класса, крестьянства, средних слоев, студенчества, солдат и офицеров — выходцев из этих слоев народа — в антифашистской деятельности. Военнослужащие не могут не знать проблем той социальной среды, из которой они происходят; антифашистские настроения, охватывающие почти все слои общества, не могут не влиять на военнослужащих. Другими словами, военная политика должна строиться в соответствии с процессом аккумуляции сил в пользу революционных позиций.

Военная диктатура с первых дней встретила оппозицию со стороны прогрессивных сил страны. Эта оппозиция быстро растет и крепнет. Усиливается недовольство средних слоев населения. В конце 1974 года торговцы, мелкие и средние промышленники и ремесленники публично выражали свое недовольство постоянным повышением цен и падением покупательной способности большей части населения. Против хунты начинают выступать даже те, кто первоначально поддержал переворот.

Большинство чилийцев стремятся к свободе и подлинной демократии, выступают за прекращение произвола и преследований, уважение прав человека и гражданина. Глава католической церкви Чили кардинал Рауль Сильва Энрикес заявил в одной из своих проповедей, что нельзя «быть нейтральными и нерешительными в этот решающий час истории». Он потребовал уважения человеческих прав, «жестоко нарушаемых в наши дни... в результате широкого применения пыток, насилий по отношению к невинным жертвам». Право на жизнь, сказал Энрикес, «отнято у миллионов людей, находящихся под угрозой голода», отменены экономические, социальные и политические права, «право участвовать с полной ответственностью в решении своей собственной судьбы, право на свободный доступ к информации, на безопасность во время ареста, право на юридическую защиту», пытки и тюремное заключение грозят людям только за их политические и идейные убеждения. Кардинал выступал перед многотысячной аудиторией, которая встретила овацией его слова.

Растущая изоляция хунты ясно проявляется также в

политическом отношении. Христианско-демократическая партия (ХДП), руководство которой при поддержке правого крыла и пассивности большинства ее членов в первый момент оказало содействие военному перевороту, в настоящее время перешла к публичному осуждению фашистского режима. Таким образом, расширились ряды тех, кто отвергает переворот и диктатуру Пиночета.

ХДП — многоклассовая партия, и в ней сталкиваются разные, иногда противоположные позиции. Однако внутри этой партии, и в особенности среди ее рядовых членов, набирают силу сторонники борьбы против диктатуры, выступающие за совместные действия с левыми партиями. По мере того как фашистский режим наносит новые удары по христианской демократии, стремясь разбить ее, увеличивается число противников хунты в рядах ХДП. Многие члены этой партии находятся в тюрьмах. Некоторым видным ее руководителям отказано в праве проживать на родной земле. События в Чили еще раз доказали, что, начав с преследований и убийств коммунистов и руководителей рабочего класса, фашизм и реакция вскоре обрушиваются с репрессиями на все сколько-нибудь самостоятельные демократические силы и организации народа. В стране ширятся протесты и растет недовольство. Несмотря на террор, борьба против диктатуры приобретает организованные формы.

Хунта предпринимает отчаянные усилия, чтобы найти выход из создавшейся ситуации. Она пытается обеспечить себе поддержку хотя бы какой-то части населения, но встречает все большую изоляцию. «В Чили за вооруженными силами — пустота...», — с горечью вынужден был признать генерал Ли. Однако и это высказывание выглядит излишне оптимистичным: за хунтой нет тех вооруженных сил, какие были в сентябре 1973 года. Во время судебного процесса над 14 военными служащими выяснилось, что подполковник Эфраин Хана отказался отдать приказ о расстреле группы политзаключенных; лейтенант Карлос Перес отказался участвовать в репрессиях, заявив, что он вступил в армию «не для того, чтобы быть палачом»; аналогичные «проступки» совершили и другие подсудимые.

В условиях растущей дискредитации фашистского режима империализм ищет возможности замены военной хунты другой формой правления.

Однако эти попытки заранее обречены на неудачу.

Широчайшие массы чилийского народа приходят в движение. Единственное подлинно патриотическое решение, — заявила Коммунистическая партия, — состоит в создании коалиции, намного более широкой, чем Народное единство, которая объединит все политические, общественные, религиозные и военные организации, а так же людей, которые желают покончить с диктатурой. Теоретическая и практическая работа революционных сил осуществляется с учетом всего прошлого опыта, всех завоеваний рабочего класса и народного движения в целом. Фашизм не может уничтожить народ, его Коммунистическую партию, несмотря на угрозу судебной расправы над Генеральным секретарем компартии Луисом Корваланом и другими видными деятелями партий Народного единства.

Во всем мире ширится волна протеста против фашистского режима чилийской хунты. XXV съезд КПСС принял заявление «Свободу узникам империализма и реакции!», в котором он «провозглашает свою братскую, нерушимую солидарность с коммунистами, со всеми борцами против империализма и реакции...». На состоявшейся в Берлине в июне 1976 года Конференции коммунистических и рабочих партий Европы ее участники также выступили за «освобождение всех чилийских демократов и патриотов, томящихся в застенках фашистской хунты, за усиление международных кампаний в поддержку борьбы чилийского народа, за восстановление прав человека и демократических свобод Чили».

В результате переворота империализм, местные монополии, финансовая и землевладельческая олигархия отказались от использования буржуазно-демократических институтов, перешли к методам открытой диктатуры. Таким образом, социально-экономические задачи революционного движения не претерпели коренных изменений. «Поражение народного движения, — подчеркивают чилийские коммунисты, — не изменяет, разумеется, характера преобразований, требуемых объективным развитием Чили. Фашистский режим возник как последнее средство американского монополистического капитала и внутренней реакции в стремлении ликвидировать революционное движение и обеспечить таким образом продолжение эксплуатации страны на долгий период. Фашизм — специфическая форма господства реакции, в зависимой стране он является прежде всего выражением

господства монополистического капитала империалистической метрополии, в нашей стране — североамериканских монополий»¹³.

Борьба за создание антифашистского фронта развивается на основе опыта Народного единства и с учетом новых явлений. Анализ, проведенный как чилийскими коммунистами, так коммунистами и учеными других стран, показал, что народное движение не всегда твердо придерживалось выработанной программы. «Была ли правильной для своего времени программа Народного единства? — писал В. Тейтельбойм. — На наш взгляд, она была правильной в своей основе. Проблема состоит в том, что она не всегда точно выполнялась, а выполнение самых кардинальных пунктов было нередко парализовано различными идущими изнутри движения толкованиями этой программы, стремлением забежать вперед в ее выполнении, перескочить через этапы, неправильной оценкой исторического момента со стороны отдельных деятелей или групп...»¹⁴ В работе советского исследователя Е. А. Косарева конкретизированы некоторые отклонения от программы, имевшие место в экономической области. Так, он отмечает некоторое отступление от предвыборной программы «в трактовке вопроса о трехсекторной экономике». Некоторые группы в левом лагере, используя левацкие лозунги, отказались от сотрудничества в рамках многосекторной экономики. Они предлагали увеличивать государственный сектор не за счет роста производства в нем, а за счет перевода в госсектор все новых и новых предприятий. Тем самым создавалась иллюзия дальнейшего укрепления экономической базы народного правительства, хотя средние и мелкие предприятия, подключаемые к государственному сектору, не могли оставаться рентабельными: рушилась система патронажа и взаимозависимости, позволявшая им ранее поддерживать высокий уровень эксплуатации живого труда и компенсировать тем самым низкий уровень своей технической оснащенности. Е. А. Косарев отмечает также «несоблюдение во многих случаях провозглашенного права „собственности“, что затронуло интересы значительной части населения»¹⁵.

Давали себя знать и теоретические недоработки, в частности недостаточная разработка основ социально-экономических преобразований в деревне. Экономические затруднения вызвало также то, что народное правитель-

ство придавало проблемам потребления и распределения несколько большее значение, чем проблемам производства. Недостаточно разработанными оказались и чрезвычайно сложные при развитии революции по мирному пути проблемы управления.

Поучительны политические и идеологические аспекты опыта чилийской революции. Чилийская революция, пишет М. Ф. Кудачкин, «подтвердила марксистско-ленинское положение о том, что, каким бы путем ни победила революция, мирным или немирным, вооруженным или невооруженным, — ее дальнейшее развитие связано с поляризацией политических сил, с резким обострением классовой борьбы, которая принимает самые разнообразные формы. Учитывать их, видеть, анализировать и предвидеть возможные исторические повороты должна партия или партии, как это было в Чили, возглавляющие борьбу рабочего класса, трудящихся масс»¹⁶. Чилийские и советские исследователи отмечают, что одной из основных причин поражения революции явились разногласия внутри Народного единства, «отсутствие... среди его ведущих партий — коммунистической и социалистической, — несмотря на наличие общей, единой программы, полного, необходимого в условиях острой классовой борьбы, единства, общей политической линии по завоеванию не только части, а всей полноты власти и, наконец, единого по тактике и стратегии политического руководства революционным процессом»¹⁷.

Среди вопросов, вызывавших разногласия между коммунистами и социалистами, были такие кардинальные, как вопрос о привлечении союзников, в частности ХДП, о масштабах и темпах национализации, об отношении к вооруженным силам, средним слоям и др.

Все эти проблемы в целом привели к переходу революционных сил Чили сначала к обороне, а затем к отступлению. «Переворот 11 сентября, — указывает Рене Кастильо, — совершился потому, что империализм и внутренняя реакция сумели создать широкий фронт, выступивший против народного правительства. С классовой точки зрения этот фронт выглядел следующим образом: помимо монополистической буржуазии и аграрной олигархии, составлявших его реакционное ядро, в него входили подавляющее большинство средней и мелкой буржуазии, большинство средних слоев, отсталая часть других социальных слоев. С политической точки зрения

путчисты привлекли на свою сторону, помимо явно реакционных партий, большинство ХДП во главе с сеньором Фреем и правые элементы, отколовшиеся от радикальной партии. С военной точки зрения противник сумел привлечь к участию в перевороте подавляющее большинство вооруженных сил и карабинеров, практически исключить какое-либо их участие в защите демократического строя»¹⁸.

Несмотря на допущенные ошибки и просчеты, трехлетняя история нахождения у власти Народного единства — «это не только и не столько история его просчетов и ошибок, сколько прежде всего история огромных достижений»¹⁹. Доказана возможность прихода к власти широкого революционного блока левых партий в результате борьбы на выборах на основе действующей конституции; доказана верность тезисов Маркса, Энгельса и Ленина о желательности и возможности при определенных условиях мирного, невооруженного развития революции; подтверждена правильность вывода международного коммунистического движения об увеличении в современную эпоху возможностей для такого развития.

Естественно, что опыту Народного единства, деятельности народного правительства уделяли и уделяют большое внимание представители всех народных и революционных сил. Они стремятся извлечь необходимые уроки из поражения и осветить все положительное, что внесла практика чилийского революционного движения в борьбу народных масс за преобразование общества, за демократию, социальный прогресс и социализм. Во многих оценках партий Народного единства, в первую очередь Социалистической партии, наблюдается совпадение позиций с КПЧ. Так, Генеральный секретарь Социалистической партии Чили Карлос Альтамирано обращает внимание на позитивные аспекты чилийского опыта: глубину совершенных преобразований, рост классового сознания и творческой активности рабочего класса и других слоев трудящихся — отвергает попытки «некоторых поверхностных наблюдателей приклеить реформистскую этикетку» чилийскому революционному процессу. К. Альтамирано считает, что в момент переворота рабочий класс страны не был изолирован, что часть средних слоев и крестьянства продолжала оставаться в союзе с ним. Тем не менее он признает неспособность руководства народного движения «разработать соответствующую поли-

тику по отношению к средним слоям». Руководитель СПЧ подчеркивает фашистский характер военной хунты и указывает на то, что установление фашистского режима в стране было «ответом на силу народного движения, на революционный характер процесса и на глубину преобразований». Так же как и руководство КПЧ, К. Альтамирано отмечает «отсутствие четко определенной политики власти», из-за чего революционные силы «были не в состоянии привлечь на нашу сторону те слои, которые расширили бы нашу социальную базу... В отношении этих слоев мы проиграли идеологическое сражение, которое почти и не вели... С другой стороны, нет никакого сомнения в том, что отчуждению некоторых колеблющихся слоев способствовали эксцессы бюрократизма, сектантства, дававшего о себе знать в наших рядах, и волюнтаристские и незрелые вылазки ультралевых». Среди прочих слабостей процесса К. Альтамирано называет ту, что революционное руководство не увидело вовремя радикального изменения тактики и стратегии противника: «Классовую борьбу уводила из области институционности как раз буржуазия. В этих условиях механическое сохранение такой институционности означало отказ от наступления и увеличение опасности поражения. Поскольку постепенно пресекались возможности правительства использовать законность, чтобы оказать сопротивление начавшемуся яростному наступлению, и поскольку стала ясной неминуемость вооруженного конфликта, революционному руководству следовало бы предпринять шаги к изменению форм борьбы... Мирный путь к победе революции предполагает крайнюю эластичность в использовании форм борьбы». Непонимание этого привело к тому, что инициатива в области идеологической борьбы была предоставлена врагу. При этом следует подчеркнуть, что если общее направление идеологической и пропагандистской работы противника охватывало средние слои целиком, то своим острием оно было нацелено на вооруженные силы. «Нам не удалось, — пишет К. Альтамирано, — разработать соответствующую политику в области массовой информации. Нам не удалось использовать также те незначительные средства, которые оказались под нашим контролем. В качестве вывода можно указать на то, что на уровне научно-технического прогресса невозможно развивать идеологическую борьбу, не ограничив контроля буржуазии над средствами информации».

Рассматривая перспективы борьбы против диктатуры, К. Альтамирано подчеркивает необходимость создания более прочного единства под руководством пролетариата. Основой этого единства является союз коммунистической и социалистической партий, который существует уже на протяжении многих лет. «В ходе этого сотрудничества приходилось преодолевать трудности и препятствия, — замечает руководитель социалистов, — но то, что нас объединяло в историческом революционном процессе, всегда было значительнее и важнее наших расхождений. Наш союз принципиален. Он упрочен исторической ответственностью за построение социализма... Народное единство должно и впредь быть центральным боевым ядром борьбы против диктатуры... Наш долг — бдительно охранять и развивать это единство, так как только на его базе возможно формирование широкого антифашистского фронта, создаваемого в ходе массовой борьбы. В рядах этого фронта должны найти свое место общественные силы, стремящиеся к построению новой и более передовой демократии, готовые подчинить свою судьбу исторической задаче разгрома фашизма»²⁰.

Тема преодоления трудностей и ошибок и укрепления Народного единства, а на его базе — антифашистского фронта звучит и в работе Генерального секретаря Рабоче-крестьянской партии МАПУ Хайме Гасмури «Изучать уроки прошлого ради построения будущего». «Народное движение, — пишет он, — под политическим руководством Народного единства оказалось способным противостоять репрессиям, провести реорганизацию в новых условиях и положить начало демократическому и антифашистскому сопротивлению. Уже в мае 1974 года Народное единство поставило вопрос о необходимости предпринять усилия для создания широкого социально-политического антифашистского фронта, способного мобилизовать страну на борьбу против диктатуры и ее политики... Демократический и антифашистский фронт сможет развиваться на основе общих антифашистских действий и общей программы»²¹. Критический анализ опыта Народного единства и перспектив развития революции, проделанный руководителем этой партии, в основном совпадает с анализом КПЧ, СПЧ и других партий Народного единства²².

«Молчаливым Вьетнамом» называл свою страну Сальвадор Альенде. Он имел в виду непрекращающиеся сра-

жения на невидимых фронтах, которые вел чилийский народ против империалистических монополий и разведывательных служб США, поставивших целью свержение правительства Народного единства. Важные аспекты этого опыта рассмотрены в книге члена Левой христианской партии, бывшего дипломата Армандо Урибе «Черная книга американского вмешательства в Чили»²³.

В развитии взаимоотношений между американским империализмом и Чили Народного единства А. Урибе усматривает два периода: с ноября 1970 по март 1973 года и после мартовских выборов в чилийский парламент до сентября 1973 года. И если стратегическая линия США с самого начала состояла в курсе на свержение правительства С. Альенде, то в отношении тактики она претерпела серьезные изменения. В первый период упор делался на экономический саботаж, международную изоляцию, организацию блокады Чили, создание социально-экономического и политического хаоса в стране (хотя не исключались и насилие, диверсии, отдельные террористические акты). После мартовских выборов, когда усилившееся влияние левых сил на народные массы показало тщетность попыток вызвать такими методами «естественное» падение правительства, основным упор был сделан на развязывание террора, насильственных вооруженных действий, диверсий на транспорте, в области энергоснабжения, покушений на руководящих деятелей правительства, то есть был взят курс на вооруженное свержение правительства (хотя не исключались все остальные методы антиправительственной деятельности, они лишь отходили на второй план).

А. Урибе считает, что принятие решения о свержении правительства С. Альенде шло по двум направлениям: политическому, которое определялось задачами глобальной политики США в мире (неприемлемость для них успеха чилийского эксперимента мирного перехода к социализму и необходимость дать урок тем странам Латинской Америки и Европы, в первую очередь Франции и Италии, где такой опыт мог быть в той или иной форме повторен), и экономическому, связанному с размерами и формами компенсации американским компаниям, имущество которых подверглось национализации. Это последнее направление также носило двойственный характер. С одной стороны, оно приобрело международное значение, так как факты национализации множились с каж-

дым годом, а с другой — чисто финансовое, так как «пострадавшие» компании обращались в государственную Корпорацию по частным вкладам за границей, которая гарантирует компаниям риск капиталовложений за рубежом. Выплачивая потерпевшим огромные суммы компенсаций, корпорация берет на себя дело защиты этих компаний перед соответствующими правительствами, осуществившими национализацию, в результате чего конфликт между американской компанией и правительством той или иной развивающейся страны превращается в конфликт между этим правительством и правительством США. А. Урибе не считает этот путь воздействия компаний на правительство единственным; он подчеркивает, что взаимоотношения между монополиями и правительством чрезвычайно сложны. «Для стран Латинской Америки и всего мира, — указывает он, — насущной проблемой является выявление тех механизмов давления, которые используются многонациональными компаниями для оказания воздействия на свое правительство, с тем чтобы заставить его действовать в их интересах, ставя интересы этих компаний впереди и выше государственных интересов»²⁴.

Анализ опыта чилийской революции в исторической перспективе имеет важное значение особенно в нынешних условиях, когда на народные силы, на Коммунистическую партию и на политику правительства С. Альенде ведутся атаки как справа, так и слева. Враги стремятся перечеркнуть все положительное, что внесла чилийская революция, Коммунистическая партия Чили, все революционные силы в теорию и практику международного коммунистического движения, в тактику и стратегию борьбы рабочего класса и трудящихся за преобразование общества. Опыт и уроки чилийской революции, ее успехи, ее слабости и ошибки являются поучительными для всех отрядов революционного и национально-освободительного движений.

После временного поражения революционного движения Чили в Латинской Америке и во многих странах мира развернулась полемика о путях развития революционного процесса, роли рабочего класса и коммунистических партий в антиимпериалистическом освободительном движении. Представители различных экстремистских, троцкистских группировок, «теоретики» левацкого толка используют факт поражения революции в Чили в качестве

доказательства невозможности завоевания власти невооруженным путем. Они отрицают руководящую роль рабочего класса и его авангарда — коммунистических партий в борьбе трудящихся за свое освобождение.

Опыт развития чилийского революционного процесса подтвердил необходимость разоблачения буржуазного реформизма и усиления борьбы с ним. Его сторонники становятся на сторону реакции, превращаются в резерв неофашизма. Выразителем буржуазного реформизма в Чили явилась Христианско-демократическая партия, правые круги которой стали претендовать на роль «спасителей страны от коммунизма».

«За границей, — указывают чилийские коммунисты, — очень широко, сотнями изданий и на многих языках распространяется, переполняя книжные магазины капиталистических стран, литература, которая содержит клевету на президента Альенде, Народное единство, и в особенности на Коммунистическую партию Чили. Небольшая часть этих изданий носит откровенно реакционный характер, однако огромное большинство этих книг имеет ультралевую, маоистскую, троцкистскую и анархистскую подоплеку. Как правило, они ссылаются на антикоммунистические измышления организации Левого революционного движения (МИР), а иногда и непосредственно вдохновляются ими. Необходимо без промедления дать им надлежащий ответ»²⁵.

По пути революционных преобразований

Чили вступила на путь капиталистического развития в конце прошлого века. Ее экономика находилась в сильной зависимости от международного монополистического капитала — сначала британского, а затем, после первой мировой войны, американского. Характерной чертой экономики Чили была также ее многоукладность.

Весь послевоенный период развития капитализма в Чили был отмечен все углубляющимся кризисом экономической структуры. Он проявлялся, во-первых, в непрерывном сокращении темпов экономического развития. Вторым показателем кризиса было неполное использование производственных мощностей предприятий. Не менее важным признаком кризиса, в-третьих, был все увеличивавшийся внешний и внутренний долг страны. Четвертый показатель — финансовый и валютный кризис, проявлявшийся в непрерывной инфляции, росте стоимости жизни, утечке валюты, недостатке средств в государственной казне. Еще одним показателем кризисного состояния экономики был высокий процент неграмотных в стране. Застой в сельскохозяйственном производстве, безземелье и разорение побуждали массы сельского населения перемещаться в города, где они, не имея никакой квалификации, не могли найти себе места в производственном процессе. Недостаток средств, обусловленный медленными темпами развития и зависимостью от иностранного капитала, не позволял ни организовать обучение этих масс трудящихся, ни обеспечить более широкую занятость.

К 1970 году Чили достигла уже относительно высокого уровня индустриализации (на долю добывающей и обрабатывающей промышленности, строительства и об-

щественных работ в 1969 году приходилось 49,3% валового национального продукта против 7,5%, составлявших долю сельского хозяйства и рыболовства), однако в стране был слабо развит сектор производства средств производства и потребительских товаров длительного пользования. В связи с этим происходило растущее проникновение иностранного капитала в крупные отрасли экономики.

Иностранные капиталовложения, сосредоточенные вначале в медных, селитряных и железных рудниках, через посредство национальных филиалов империалистических монополий внедрились во все динамичные отрасли промышленности. Иностранцам принадлежало 18% всего промышленного капитала, причем 94% иностранного капитала были вложены в добывающую промышленность и 6% — в обрабатывающую промышленность. Однако в 20 крупнейших акционерных обществах обрабатывающей промышленности иностранный капитал составлял уже 33%.

Прямые капиталовложения, произведенные в Чили крупными многонациональными компаниями между 1960 и 1969 годами (с одобрения правительств Алессандри и Фрея), составили 900 млн. долл. Влияние международных монополий осуществлялось через смешанные компании, которые ими полностью контролировались благодаря многообразным финансовым связям. Кроме того, происходило постепенное «отчуждение» различных промышленных и финансовых фирм посредством покупки иностранными компаниями чилийских предприятий, а также путем их слияния, объединений и т. д.

Для обеспечения финансирования в иностранной валюте импорта капитального оборудования, сырья и полуфабрикатов, которого требовала динамика процесса индустриализации, Чили располагала одним богатством — медью. Продажа меди за границей составляла 80% всего чилийского экспорта. Следовательно, от цены на медь, добыча и производство которой контролировались крупными многонациональными компаниями, зависело и экономическое развитие Чили.

Чили имело самую большую внешнюю задолженность в мире. К моменту прихода к власти правительства Альенде в 1970 году она достигала 3 млрд. долл. Все крупные отрасли народного хозяйства были охвачены кризисом. Средний уровень безработицы по всей стране состав-

лял 6%, не считая частичную безработицу, от которой страдала половина сельского и городского населения

В сельском хозяйстве 3% крупных земельных собственников владели 73% обрабатываемой площади. Из общего дохода страны 42% присваивались всего 3,3% населения. Заработок 67% рабочих был меньше прожиточного минимума. Быстро росла инфляция. Массы безземельных и безработных крестьян бежали в город, пополняя окружающие столицу трущобы. Почти 600 000 семей не имели жилья. Смертность среди населения достигала 8,9 на 1 тыс., а детская — 88 на 1 тыс.

Капиталовложения крупных землевладельцев были сведены до минимума, так как растущий разрыв цен на сельскохозяйственные и промышленные продукты не стимулировал развитие производства.

В обрабатывающей и добывающей промышленности средний прирост продукции в 1965—1970 годах составлял всего соответственно 3,8 и 4,3%.

Промышленная структура Чили была деформирована деятельностью иностранного капитала. Страна не имела тяжелой промышленности. Чрезвычайно высокой была степень монополистической концентрации: 1,2% предприятий, принадлежавших 130 крупнейшим акционерным обществам, получали 35% прибыли всей обрабатывающей промышленности. Такое же положение существовало в оптовой и розничной торговле. На долю 12 крупнейших оптовиков приходилось в 1967 году 44% всей оптовой торговли, 4,6% рознично-торговых фирм осуществляли 26% всех продаж.

Продукция государственного сектора составляла в 1969 году 14,1% ВВП, а доля государственных капиталовложений в общих инвестициях — 74,8%. Прямые государственные капиталовложения (66%) использовались главным образом для укрепления инфраструктуры (транспорт, связь, жилищное строительство, электричество и т. д.), не прямые — для фактического субсидирования крупных горнорудных и промышленных компаний, крупных землевладельцев. Государство покрывало свои растущие расходы путем инфляционного финансирования. Налоговая политика покровительствовала крупным предприятиям.

После сентябрьских выборов 1970 года правые силы начали кампанию экономического и финансового террора: массовое изымание вкладов, вывоз за границу иност-

ранной валюты, забой скота, бойкот со стороны крупных монополий и т. д.

В таких условиях правительство Народного единства начало осуществлять свою программу.

На первом этапе эта программа предусматривала осуществление ряда мероприятий, призванных покончить с зависимостью от империалистического капитала, экономической отсталостью и нищенским положением трудящихся. Главными из них были национализация медно-рудных и других предприятий, принадлежавших американским компаниям, перевод в государственный сектор местной крупной промышленности и банков, проведение аграрной реформы, призванной покончить с латифундизмом.

«Отношение к этим трем основным вопросам и другим начинаниям правительства, — писали коммунисты Чили в журнале «Принсипиос», — определяло позиции, с одной стороны, сил, выступающих за прогресс и революционные преобразования, а с другой — тех немногочисленных секторов, которые стремились сохранить свое привилегированное положение. Речь идет о столкновении в новых условиях с североамериканским империализмом, финансовой и латифундистской олигархией, которые несут ответственность за разграбление наших природных богатств, экономический застой и лишения нашего народа».

По мнению компартии, единственным реальным способом лишить империализм и олигархию возможности вернуться к власти было подорвать и окончательно разрушить их экономическое могущество, при помощи которого реакции удавалось прямо и опосредованно подкупать целые политические партии, профсоюзных лидеров, широкие круги технической интеллигенции, мелкой и средней буржуазии, крестьянства, определенной части рабочего класса; содержать и поддерживать огромную сеть органов массовой информации, постоянно проводивших широкую и продуманную политику дезориентации масс.

Не все в левом блоке правильно понимали первоочередные задачи революционных сил. Многим казалось, что с завоеванием исполнительной власти борьба закончилась, и поэтому партия подчеркивала, что «в отличие от того, что иногда высказывается в результате поверхностных суждений, великой политической задачей было и остается разгромить реакционные силы, так как именно

они в первую очередь пытаются нанести удары народным силам и правительству».

Отнять у реакции одно из ее самых мощных орудий — контроль над экономикой, действуя при этом в рамках конституции, было задачей, требовавшей самого прочного единства рабочего класса, перед которым стояла цель не только разрушения экономической мощи эксплуататорских классов, но и развития государственного сектора. Луис Корвалан говорил: «Научный социализм и революционный опыт учат нас, что социалистическая революция не может свершиться без диктатуры пролетариата. Пусть меняется форма этой диктатуры, пусть она будет поделена между различными политическими силами — ничто не снимает ее необходимости. Она пробьет себе дорогу признанием необходимости участия рабочего класса в решении политических и экономических вопросов. Именно в рамках борьбы за производство она обретает весь свой смысл. Это не просто «техническая» борьба. В обстановке, когда реакция организует саботаж, экономическое капитулянтство, когда американский империализм стремится нанести удар национальной экономике, борьба за производство приобретает значение великой политической битвы за то, чтобы рабочий класс взял на себя руководство делами страны»¹. Действительно, успешное развитие государственного сектора экономики означало бы не только доказательство преимущества этой формы над капиталистическим предпринимательством. Оно означало бы расширение возможностей для опережающего развития этого сектора по сравнению с частнокапиталистическим, увеличение его веса в производстве, обеспечивало бы его решающую и руководящую роль, превратило бы его в интегрирующий фактор всей экономической структуры страны.

Таким образом, «битва за производство», начало которой было провозглашено левыми силами 1 мая 1971 г., не была чисто технической задачей. Речь шла об укреплении экономической базы революции, усилении роли организованного пролетариата в жизни страны, то есть о создании предпосылок для упрочения и утверждения его роли гегемона революции. Кроме того, «битва за производство» рассматривалась как возможное оказать материальную поддержку крестьянству, получившему от правительства землю, что должно было привести к созданию базы единства рабочего класса и крестьянства. Коммуни-

сты рассматривали эти меры не как временную кампанию, а как постоянную задачу, как решение в области экономики основных задач революции, связанных в рассматриваемый исторический период в первую очередь с завоеванием всей полноты власти. «Битва за производство, — подчеркивали коммунисты — составляет часть социального и политического сражения, направленного на уничтожение старых эксплуататорских классов и на то, чтобы приход рабочего класса, крестьян и средних слоев... к руководству страной с целью окончательного решения антиимпериалистических и антиолигархических задач, открывающего путь к социализму, стал необратимым»².

«Битва за производство» была прямо связана с такими задачами, как установление рабочего контроля и управления на предприятиях, массовое участие рабочих в профсоюзах и других организациях трудящихся, повышение политического сознания рабочего класса, разъяснение глубокого стратегического содержания каждого очередного шага в развитии революции.

Уже 7 декабря 1970 г. народное правительство подписало с Единым профсоюзным центром трудящихся Чили (КУТ) соглашение, официально признававшее право КУТ на представительство в органах планирования, экономического и социального развития, в руководстве национализированных предприятий и смешанных компаний, в Совете социального страхования, в комиссиях по заработной плате. Это было первое в чилийской истории соглашение, признававшее руководящую роль рабочего класса во всех делах по управлению государством. Роль КУТ чрезвычайно возросла, и его влияние значительно усилилось. Профсоюзы стали активным элементом управленческого аппарата. Одновременно они оказывали давление на частнокапиталистический сектор, устанавливая контроль над производством и прибылями и создавая на предприятиях комитеты бдительности. На предприятиях государственного сектора были созданы административные советы, в которые наряду с пятью представителями правительства входили пять представителей трудящихся, избранных в результате прямого и тайного голосования на общем собрании рабочих. Массовое участие рабочего класса во всех начинаниях правительства компартия считала решающим. «Так как сопротивление оказывается не только в «верхах», а на всех уровнях, — под-

черкивал Л. Корвалан, — то и борьба за претворение в жизнь программы не может быть делом только главных штабов; она требует активного участия масс... Нужно наказывать тех, кто организует саботаж, спекуляцию валюты, нехватку продовольствия. Проявленная твердость в защите основных интересов чилийского народа позволит объединить его вокруг правительства. Эта твердость является также условием формирования новой общественной дисциплины, так как трудящиеся не поняли бы, почему от них требуют усилий в борьбе за повышение производительности, оставляя безнаказанными нарушителей»³.

Одной из важнейших экономических задач, которые ставили перед собой левые силы, была задача улучшения положения трудящихся масс путем увеличения реальной заработной платы, сдерживания роста цен на продукты первой необходимости, борьбы против инфляции и постоянного приведения заработной платы трудящихся в соответствие с курсом национальной денежной единицы — эскудо.

Необходимость действовать в рамках буржуазной конституции заставляла правительство придерживаться такого порядка осуществления всех этих мероприятий, который позволял бы, не теряя времени, начать выполнение программы. Национализация месторождений меди была требованием номер один всех левых сил, но для этого требовалось провести через парламент поправки к существовавшей конституции и подготовить проект национализации. Так же обстояло дело и с вопросом о национализации предприятий местных монополий и банков. Парламент, настроенный в основном враждебно по отношению к правительству, не был склонен ускорять процедуру утверждения правительственных проектов. В связи с этим на первом этапе преобразований (ноябрь 1970 г. — октябрь 1971 г.) правительство стремилось использовать некоторые имеющиеся законодательные возможности для проведения в жизнь своей программы. Для этого были выбраны три основных направления: аграрная реформа, проведение которой было возможно на основе принятого в 1967 году закона, улучшение материального положения трудящихся и взятое под контроль государства отдельных предприятий на основе законов 1932 года о социальных конфликтах. Одновременно разрабатывались проекты законов о национализации банков,

иностранных компаний, крупной местной промышленности.

Правительство повысило минимум заработной платы, увеличило на 35—66% пенсии по старости, на 50—100% пособия неимущим семьям. Дети до 12 лет стали бесплатно получать пол-литра молока в день. Вдвое было расширено жилищное строительство. Реальная заработная плата трудящихся увеличилась к 1972 году на 18%. С ноября 1970 года по октябрь 1971 года доля заработной платы в национальном доходе увеличилась с 51 до 59%. Рост покупательной способности народных масс выразился в увеличении потребления мяса, молока, масла, хлеба, овощей и фруктов, а также многих товаров легкой промышленности. Осуществление программы жилищного строительства, изменение системы кредитования привели к росту общественного потребления приблизительно на 13%. Возрастание спроса стимулировало производство. Его общий рост превысил 8%. Безработица снизилась с 8% в 1970 году до 3,8% в 1971 году.

Быстрыми темпами осуществлялась аграрная реформа. В целом за два года правительство Народного единства экспроприировало у латифундистов около 6 млн. га земли. В сельском хозяйстве был создан довольно сильный государственный сектор: в августе 1972 года насчитывалось 27 государственных ферм, созданных в некоторых бывших крупных лесоводческих и животноводческих имениях.

Аграрная программа Народного единства в отличие от соответствующей программы ХДП делала упор на расширение участия крестьянства в проведении преобразований путем укрепления его организаций, которые были прямо представлены в органах, осуществлявших преобразования в деревне. При создании новой системы землевладения и землепользования программа отдавала предпочтение кооперативным формам.

Характерным явлением в чилийской аграрной реформе было создание нового типа крестьянского кооператива — центра аграрной реформы. Центры создавались наряду с уже существовавшими со времен правительства христианских демократов *асентамьентос* (капиталистические кооперативы), членами которых могли быть только главы крестьянских семей, работавших до реформы в поместье латифундиста. Сельскохозяйственные рабочие в эти кооперативы не входили; те *асентамьентос*, кото-

рые смогли окрепнуть после реформы, активно использовали наемный труд. Государство старалось сохранить известный контроль над деятельностью асентамьентос, поэтому наряду с пятью выборными руководителями от крестьян в правление кооператива входили два чиновника от государственной Корпорации аграрной реформы (КОРА). КОРА предоставляла кооперативу землю, техническую помощь, выделяла средства на приобретение скота, семян, удобрений и сельскохозяйственного инвентаря. Асентамьентос должны были отчислять в фонд КОРА от 10 до 25% своих доходов; оставшаяся сумма делилась между членами кооператива соответственно вкладу каждого. Согласно законодательству, через 35 лет кооператив мог быть распущен по желанию его членов.

Центры аграрной реформы объединяли в кооператив не только крестьян, но и сельскохозяйственных рабочих, причем равные права приобретали все лица старше 16 лет. Руководила центром ассамблея, в которую входили все члены кооператива. Ассамблея избирала председателя, контрольный комитет и комитет социального благосостояния, а также подчиненный ему производственный комитет. Центры аграрной реформы были более передовыми и демократическими организациями, чем асентамьентос. Они несли важную политическую нагрузку: преодоление разобщенности и противоречий между крестьянством и сельскохозяйственным пролетариатом, что, в свою очередь, было шагом вперед для практического решения задачи укрепления единства рабочего класса и крестьянства.

Наряду с асентамьентос, центрами аграрной реформы и государственными хозяйствами в деревне важную роль продолжали играть мелкие индивидуальные хозяйства и индейские общины. В их руках оставались 30% земли и производство 25% продукции. Правительство оказывало мелким крестьянам значительную помощь в форме кредитов и других видов финансирования: в 1970 году на сумму около 125 млн. эскудо, в 1971 — до 295 млн. эскудо, за первую половину 1972 года — 150 млн. эскудо. Увеличилось и число крестьян, получивших помощь: с 75 тыс. в 1970 году до 190 тыс. в 1971 году.

Более успешному развитию аграрной политики правительства мешал саботаж реакционеров в конгрессе: только в 1972 году парламент уменьшил бюджетные ассигнования министерству сельского хозяйства почти на

400 млн. эскудо, а государственному объединению по закупке сельскохозяйственных продуктов — на 100 млн. эскудо. Сильный удар по животноводческой базе сельского хозяйства страны нанесли крупные скотоводы, перенесшие около 250 тыс. голов крупного рогатого скота в соседнюю Аргентину.

В августе 1972 года, подводя итоги деятельности правительства и Народного единства, Луис Корвалан заявил на очередном Пленуме ЦК КПЧ: «Пройденный этап был далеко не легким... Экономическая политика, которую правительство начало проводить с того дня, когда оно взяло судьбы Чили в свои руки, дала положительные результаты. Мы начали использовать имеющиеся возможности в промышленности, произвели существенное перераспределение доходов, добились значительного увеличения промышленного производства, снизили процент безработицы...»⁴. Тем не менее Чили стояла перед большими экономическими трудностями. Только в 1972 году страна должна была выплатить более 200 млн. долл. в счет погашения долгов предыдущих правительств. Падение цен на медь на мировом рынке и повышение цен на традиционно импортируемые товары, прежде всего продовольственные, ухудшили финансовое положение страны. К тому же США урезали кредиты, а падение курса доллара негативно отразилось на положении чилийского эскудо. Все это вынуждало правительство пересматривать планы, составленные в 1970 году. Так, например, если бесплатная выдача детям молока требовала вначале ассигнования 10 млн. долл. в год, то в 1972 году — уже 54 млн. долл. «Прежние хозяева, — указал Пленум коммунистов, — все еще обладают значительной финансовой мощью, широко используя ее для спекуляций на «черном» рынке, для контрабанды, что привело к немалым осложнениям... Отказ реакционного большинства в парламенте финансировать государственные расходы наряду с дефицитом на предприятиях государственного сектора вследствие замораживания цен вынудил выпустить в обращение большее количество денежных знаков».

В связи с этим правительство вынуждено было внести некоторые изменения в проводимую им экономическую политику. Был изменен обменный курс доллара: установлен более низкий курс для операций по импорту продовольственных товаров, сырья и горючих материалов и более высокий — для операций по импорту предметов

роскоши. Эти меры должны были содействовать производству сельскохозяйственных и промышленных товаров и развитию национальной экономики, а также валютным накоплениям. Одновременно были введены некоторые изменения в налоговую систему с целью стимулирования мелких торговцев и предпринимателей. Изменения в экономической политике соответствовали ее классовой направленности, но не смогли подорвать деятельность валютных дельцов на «черном» рынке и даже в некотором смысле подтолкнули их к усилению активности.

К августу 1972 года с латифундизмом было практически покончено. Однако это был только первый шаг. «Теперь наступает самый серьезный, самый трудный этап, — подчеркивали коммунисты. — Он в конечном итоге имеет наибольшее значение. Это — организация нового сельского хозяйства, причем главной задачей должно быть увеличение сельскохозяйственной продукции и повышение благосостояния крестьянства». Необходимо было решить целый ряд неотложных задач, касающихся производства, долгосрочного и краткосрочного планирования, массового участия крестьянства в решении задачи снабжения всего населения продуктами питания.

В 1971—1972 годах размеры посевных площадей в целом несколько увеличились. Однако рост сельскохозяйственного производства оставался чрезвычайно медленным — 2% в год — и отставал от темпов роста населения. Компартия сделала некоторые тревожные выводы: «Когда крестьяне обрабатывают землю первый год, — отмечали коммунисты Чили, — производство на экспроприированных землях значительно увеличивается. Земледельцы, освободившись от хозяина, трудятся с энтузиазмом, все силы отдают работе, расширяют площади обрабатываемых земель. По прошествии первого года наблюдается тенденция к спаду производства, хотя нельзя утверждать, что оно возвращается к низкому уровню обработки земли, который был при латифундизме». Анализируя ситуацию, КПЧ пришла к выводу, что ни формы проведения аграрной реформы при демохристианском правительстве (создание асентамьентос), ни центры аграрной реформы не удовлетворяют крестьян полностью. Партия поставила задачу пересмотреть все эти формы организации с учетом мнения и интересов крестьян и при их активном участии. Коммунисты были «готовы подхватить любую идею, которая возникнет у крестьян», и счи-

тали необходимым «помочь крестьянам уяснить стоящие перед ними проблемы и повысить уровень их политического сознания».

В качестве первоочередной задачи КПЧ выдвинула задачу создания системы учета и контроля. На отдельных сельскохозяйственных предприятиях эта система успешно функционировала, но в целом задача не была решена. «Главная ответственность за эти недостатки, — говорилось на Пленуме ЦК КПЧ, — лежит не на крестьянах, а на нас самих: мы ослабили внимание к деревне. До сегодняшнего дня мы считали, что аграрная реформа — дело крестьян и их организаций. А это не так. Это — национальная задача, касающаяся всей страны, всего народа, и в первую очередь рабочего класса города и деревни».

В сельское хозяйство были направлены лучшие представители партий, созданы ударные бригады и образцовые хозяйства, которые должны были показывать пример остальным. Коммунисты опирались на окрепшие крестьянские организации, которые объединяли более 300 тыс. сельскохозяйственных рабочих и крестьян. В сельских районах были созданы комитеты и советы крестьян, которые все более энергично принимались за решение насущных задач сельскохозяйственного производства и социальных проблем. С помощью социалистических стран началась перестройка сельского хозяйства с целью перевода его на современные рельсы. Были заключены соглашения о поставках 10 тыс. тракторов и других сельскохозяйственных машин. Одновременно с усилиями по налаживанию производства в тех хозяйствах, которые подверглись аграрной реформе, большое внимание было уделено единоличным и средним крестьянским хозяйствам и фермерам. Народное правительство увеличило им кредиты, предоставило гарантии собственникам, владевшим менее чем 40 га орошаемой земли.

Народное единство приняло действенные меры по улучшению работы закупочных организаций, расширив их полномочия и положив начало более гибкой политике цен. Эти меры привели к тому, что среди крестьян возросло доверие к правительству, хотя и не решили полностью проблем, связанных с утечкой значительной части продукции на «черный» рынок.

«Аграрный вопрос, — отмечали чилийские коммунисты, — самый сложный во всей революции. На преобразо-

вания в деревне влияют сотни факторов и проблем. Их столько, что мы даже не смогли их все охватить, а с некоторыми лишь недавно ознакомились». И тем не менее революционные силы страны находили правильные пути решения возникавших проблем. Не всегда эти решения полностью устраняли имевшиеся трудности. Ошибки использовала реакция, которая раньше фактически безраздельно господствовала в деревне и сохраняла многие старые связи и позиции. Мешал саботаж на транспорте, приводивший к задержкам поставок оборудования, машин, семян и удобрений, к порче продуктов на складах. Но тем не менее левые партии, пусть не так быстро, как этого хотелось бы, все более укреплялись в чилийской деревне, их усилия приносили положительный плод. Все более массовое участие крестьянства в аграрной реформе было гарантией того, что трудности в будущем должны были быть преодолены. В 1973 году ожидалось значительное увеличение сельскохозяйственного производства.

Узловым пунктом экономической зависимости Чили от империализма была ее горнорудная промышленность, прежде всего добыча и переработка меди.

Чтобы вернуть Чили богатства ее недр, правительство разработало проект конституционной реформы, который законодательно утверждал верховное право государства на все, чем богата чилийская земля. 11 июля 1971 г. новые положения конституции были единогласно одобрены конгрессом.

Еще до этого правительство приняло ряд мер, которые ограничили господство американских компаний. В феврале 1971 года был аннулирован контракт с американской медной компанией «Анаконда», осуществлявшей основные торговые операции по продаже чилийской меди. Начиная с апреля 1971 года такие торговые операции перешли в ведение государственной корпорации меди — «Коделько», которая создавала свою торговую сеть непосредственно в странах-покупателях, ликвидировала монополию американских компаний по сбыту меди на мировом рынке.

Наиболее важным и принципиальным вопросом национализации иностранных компаний был вопрос о компенсации, так как по законодательству США и многих других капиталистических стран отказ от «справедливой» компенсации позволял применение экономических санкций. Огромный внешний долг Чили и зависимость (не

только финансовая, но и технологическая) от США придавали этому вопросу особую остроту.

Правительственный проект о национализации иностранных компаний определял новый порядок компенсации, который впоследствии получил название «доктрины Альенде». В соответствии с этим порядком из общей суммы возмещения компаниям вычиталась та часть, которая была определена как сверхприбыли. Сверхприбылями считались прибыли, превышавшие 10% на капитал и резервы за период в 15 лет, то есть с 1955 года.

Подсчеты показали, что в этом случае многие компании не только лишались права на получение какого-либо возмещения, но еще оставались должны чилийскому государству значительную сумму денег. Согласно данным правительственных экспертов, американские медные компании «из своих 30 млн. долл. первоначальных капиталовложений извлекли 4,5 млрд. долл. прибыли». Например, «Анаконда» получала в 1955—1970 годах среднюю прибыль, равную 21,5%, тогда как средняя прибыль той же компании в других странах не превышала 3,6% в год. «Кеннекотт» в течение того же периода получала еще более высокую прибыль — 52% в год, а в отдельные годы эта прибыль достигала прямо-таки фантастических уровней: 106% в 1967 году, 113% в 1968 году и свыше 200% в 1969 году. В годы правления Э. Фрея эти компании финансировали расширение своих предприятий, заключая соглашения с соответствующими международными организациями и записывая свои долги на счет чилийского правительства. Эти долги ко времени национализации достигли 727 млн. долл.

Конституционная реформа 11 июля 1971 г. касалась не только месторождений меди, но и всех природных богатств страны. В государственный сектор перешли железные рудники Эль-Ромераль, принадлежавшие «Бетлехэм компании», Санта-Барбара, Санта-Фе, угольные шахты компании «Лота-Швагер», селитряные месторождения на севере страны.

Одновременно правительство выделило значительные кредиты для мелких частных предприятий, занимавшихся добычей полезных ископаемых.

Осуществление экономической политики, разработанной правительством Народного единства, требовало перестройки всей системы кредитования. С этой целью были предприняты шаги по установлению государственного

контроля над существовавшими в стране частными банками.

Процесс концентрации банковского капитала и его слияния с промышленным зашел в Чили довольно далеко. Всего 2% акционеров владели 75% акционерного капитала. Они же потребляли примерно половину всех кредитов. Монополии получали основную прибыль не собственно от процентов с банковского капитала, а используя контроль над банками для переброски капиталов и получения сверхприбылей при помощи монополизации определенных отраслей экономики и соответствующей политики цен. Интересы страны в этом случае очень часто жестоко страдали.

Чилийское правительство переводило банки под контроль государства, используя традиционные методы приобретения контрольного пакета акций. Установив свой контроль над пятью иностранными банками, правительство к 30 октября 1971 г. сосредоточило в своих руках 85% всего кредита и вкладов. Новая политика кредитования была направлена в первую очередь на укрепление общественного сектора экономики, помощь крестьянам, получившим землю в результате аграрной реформы, мелким и средним предпринимателям. Не приходится говорить о том, что это было сильным ударом по позициям монополий и вызвало их крайнее озлобление, тем более что у них не было оснований обвинить правительство в «незаконных» действиях. Идеологам монополий пришлось ограничиться сетованиями на то, что правительство якобы стремится подчинить себе получателей кредитов и что национализация банков была проведена «недемократично».

Методы приобретения контрольного пакета акций правительство использовало и в отношении отдельных крупных предприятий. Кроме того, использовались некоторые положения законодательства, позволявшие государству взять в свои руки контроль над предприятиями или реорганизовать их при определенных условиях: падение производства, длительное бездействие, неспособность уладить конфликт между рабочими и предпринимателями и т. д. Таким образом в государственный сектор или под контроль государства перешли текстильные монополии, цементные заводы, сталеплавильная и каменноугольная промышленность, предприятия рыбной промышленности и др.

Для того чтобы положить конец валютно-финансовым спекуляциям и остановить утечку валюты за границу, правительство распорядилось, чтобы с апреля 1971 года все частные банки прекратили обмен валюты и начали ликвидировать свои авуары в иностранной валюте. Операции с конвертируемой валютой полностью взяли на себя банки, контролируемые государством. Из общей суммы банковского кредита, составлявшей приблизительно 10 млрд. эскудо, на нужды государственного сектора экономики было выделено 8 млрд. эскудо. В результате кредиты пошли на первоочередные потребности общенационального развития, расширение программы жилищного строительства и производство товаров первой необходимости.

В целом в течение 1971 года в государственный сектор экономики перешли важнейшие отрасли: меднорудная, металлургическая, угольная, селитряная, цементная, электроэнергетическая, воздушный и железнодорожный транспорт и т. д. Доля промышленных предприятий государственного сектора в национальном производстве возросла с 10% в 1970 году до 30% в 1971 году. На его долю приходились более 70% валового национального продукта.

Уже в 1971 году государственный сектор превратился в важный фактор производственной жизни страны—экономическую базу революции. Но обозначились и некоторые слабости этой базы: недостаток средств и отсутствие эффективного контроля над распределением (даже в 1973 г. правительство контролировало только 30% оптовой торговли). Правительство увеличивало закупки, стремясь обеспечить стабильные поставки для государственного сектора и мелких и средних предпринимателей, но так и не смогло вырвать распределение из рук монополий. Монополии тщательно сохраняли свой контроль над распределением, так как именно здесь они извлекали максимальные доходы.

Отсутствие твердого контроля над распределением стало одной из причин ускорения темпов инфляции. Крестьяне часто продавали сельскохозяйственные продукты частным оптовикам, так как те, спекулируя на «черном» рынке, платили за них больше, чем правительство. Это привело к повышению оптовых цен на продукты сельского хозяйства: на 32% в 1971 году и на 80% в 1972 году, что подрывало одно из главных направлений экономиче-

ской политики правительства — повышение жизненного уровня трудящихся.

1972 год был трудным годом для экономики страны. Доходы от экспорта меди сократились из-за падения цен на мировом рынке. В частном секторе быстро сокращались капиталовложения, росли цены на продукты питания, а ограниченность в средствах препятствовала импорту продовольствия, сократились темпы роста производства. Усиление империалистической блокады привело к сокращению более чем вдвое суммы международных займов. Вместо намеченного увеличения государственных капиталовложений произошло их вынужденное сокращение почти на 10%. Саботаж предпринимателей, торговцев и владельцев транспортных средств, а также распространение экономистских настроений среди части трудящихся причинили огромный экономический ущерб, исчисляемый в сотнях миллионов долларов. Тем не менее перечисленные трудности вовсе не означали наступление экономического хаоса или краха. По большинству показателей промышленность и сельское хозяйство находились в значительно лучшем состоянии, чем при правительстве Э. Фрея. Так, производство меди в 1972 году было выше примерно на 5%; сельскохозяйственное производство — примерно на 10% и т. д. Трудности положения объяснялись прежде всего многоплановостью социально-экономических задач, стоявших перед правительством, и крайним обострением классовой борьбы в стране.

С первых дней существования народного правительства империализм начал наносить удары по чилийской экономике, возведя первые барьеры будущей экономической блокады. Межамериканский банк развития и Международный банк реконструкции и развития отказались предоставить обещанный ранее заем на 80 млн. долл. Управление международного развития США поступило точно так же в отношении займа в 50 млн. долл. Частные американские банки одновременно приостановили выдачу краткосрочных кредитов на сумму 250 млн. долл. США полностью прекратили займы государственному сектору чилийской экономики. Отказ в предоставлении этих средств принес много осложнений, так как лишил страну возможности пополнять производство техникой и запасными частями к приобретенным в США установкам по традиционным каналам, пользуясь кредитами. В новых

условиях за средства производства, приобретаемые в США, приходилось платить вперед в валюте, что вело к истощению валютных запасов страны. В результате начался рост цен на импортные товары. Падение цен на медь на мировом рынке привело к еще большему сокращению валютных резервов. Рост заработной платы трудящихся и контроль государства над ценами на товары первой необходимости приводили к сокращению прибыли на капитал, сдержанности предпринимателей в отношении новых капиталовложений, стремлению последних обменять эскудо на более устойчивую валюту. Начали возникать валютный «черный» рынок, спекуляция дефицитными товарами: запасными частями, некоторыми видами продовольственных товаров и бытовой техники.

В ответ на четко выраженный классовый характер экономической политики правительства местный и иностранный монополистический капитал принял ряд мер экономического и в определенном смысле социального характера. Эти меры предусматривали: 1) объединение и координацию действий внутри страны; 2) согласованность действий в международном плане; 3) объединение всего частнокапиталистического сектора против государственного сектора экономики.

Несмотря на то что Народное единство смогло взять в свои руки важные рычаги управления экономикой, многие решающие ее узлы находились в руках крупного капитала. Если государство в основном овладело тяжелой промышленностью, инфраструктурой и другими отраслями, имеющими жизненно важное значение с точки зрения стратегии экономического развития, то монополии сохраняли свое господство в отраслях, производящих продукты питания и товары первой необходимости. Здесь при наличии около 14 тыс. акционерных обществ 40% капитала контролировала одна группа, объединявшая примерно 1 тыс. обществ (7%). В промышленности 17 обществ контролировали около 80% капитала частного сектора. В отдельных отраслях монополизация была еще более высокой: например, в цементной промышленности одна монополия держала в своих руках более 60% акций. В сфере распределения 9 компаний контролировали свыше 30% всей торговли. Объединяя свои усилия в борьбе против правительства, монополии получали могучие средства экономического воздействия на мелких и средних предпринимателей. Важным также было то обстоятельство,

что государственный сектор, владея многими стратегическими отраслями промышленности, не мог получать быструю отдачу от вкладываемого капитала, так как тяжелая промышленность, требуя больших единовременных капиталовложений, начинает давать прибыль лишь спустя годы. Легкая и пищевая промышленность быстро приносили прибыль контролирувавшим ее компаниям, что позволяло им широко использовать ресурсы для экономического саботажа, маневрировать на рынке, использовать в своих интересах «черный» рынок и вести успешную игру против правительства как в социальном, так и в политическом планах. Мелкие и средние предприниматели, подключившиеся к этому механизму, могли урывать крохи со стола монополий и все больше действовали в одном строю с антиправительственными силами. Даже испытывая враждебность к монополиям и понимая идущую от монополий опасность, мелкие буржуа по самой своей природе не могли отказаться от очевидной, пусть временной и роковой для национальных интересов страны, выгоды.

Обладание не стратегическими, а лишь тактическими преимуществами в экономике определяло формы борьбы реакции против Народного единства: она не могла позволить, чтобы «чилийский эксперимент» длился продолжительное время. В этом случае капиталовложения в отрасли промышленности группы А, в основном контролируемые правительством, начали бы давать результаты. Развитие этой группы привело бы к подавляющему преобладанию государственного сектора в общем объеме производства и в количестве занятых рабочих рук. Такое положение дел заставляло крупный капитал идти на крайние формы борьбы, ставя ближайшей целью свержение правительства, то есть особенно активно использовать свои позиции в области политики.

В противоположность монополиям средняя и мелкая буржуазия, а также средние слои города в силу своего экономического положения и интересов не видели необходимости в немедленном свержении правительства. Им импонировали многие мероприятия Народного единства, прежде всего национализация иностранных компаний и проведение аграрной реформы, расширение возможности получить образование и изменение политики кредитования. Мелкие и средние торговцы выиграли от увеличения покупательной способности беднейших слоев населения.

В то же время рост инфляции и расширение «черного» рынка позволяли мелкому предпринимателю и торговцу заниматься спекуляциями, греясь у зажженного монополиями пожара.

Если силы революции, с одной стороны, а империалистической буржуазии — с другой, каждые по-своему, но в принципе правильно, понимали смысл происходящей битвы, то мелкие и средние предприниматели и их политические партии рассчитывали воспользоваться обострением ситуации, чтобы пожать плоды таких важных свершений Народного единства, как национализация и аграрная реформа.

Именно в этом контексте следует рассматривать вынесение Христианско-демократической партией 14 октября 1971 г. на обсуждение конгресса проекта конституционной реформы о секторах экономики. Проект предусматривал создание четырех форм собственности в промышленности и сельском хозяйстве: частной, смешанной, государственной и так называемых «предприятий трудящихся». Государство, по мнению ХДП, должно было контролировать горнорудную промышленность, страховые компании, железнодорожный, воздушный и морской транспорт, почту и телеграф, электроэнергию, газовую и нефтяную промышленность, производство стали, цемента, йода, тяжелой химии и вооружения. Проект предлагал проводить национализацию или экспроприацию новых предприятий и перевод их в государственный сектор только после обсуждения и утверждения парламентом. Кроме того, предлагалось отменить декрет № 520 от 1932 года и распоряжение министерства экономики № 338 от 1945 года, дававшие возможность правительству осуществлять контроль над предприятиями без одобрения парламента. Декрет от 1932 года позволял государству взять под свой контроль и затем экспроприировать предприятие, владелец которого не обеспечил его нормальное функционирование или отказывался выполнять обязательства перед государством: несоответствие продукции необходимому качеству, низкая производительность, неумение обеспечить выполнение заказа и т. д. Проект ХДП предлагал принять ряд постановлений, которые давали бы гарантии мелким и средним предпринимателям против национализации. Так, не должны были подвергаться национализации предприятия, принадлежащие одной семье и только ею обслуживаемые. Проект предлагал считать незаконными все экс-

проприации, проведенные правительством после 14 октября 1971 г.

Возражения левых партий вызвали в первую очередь пункты об утверждении парламентом всех национализаций и экспроприаций, а также тезис о «народных предприятиях».

Под «народными предприятиями» ХДП понимала такие предприятия, которые управлялись бы представителями рабочих и служащих, избираемых в административные советы. Прибыль, которую получало бы такое предприятие, делилась бы между его работниками. Роль государства ограничивалась бы предоставлением кредитов, взиманием налогов, участием в планировании и определении цен на продукцию, хотя представитель государства мог бы входить в административный совет предприятия. ХДП считала, что таким образом рабочие избавятся от «эксплуатации государством».

Социально-политическим смыслом такого предложения было добиться разобщения рабочего класса на отдельные конкурирующие группы, объединенные в заводские, в лучшем случае отраслевые коллективы. Такая система благоприятствовала бы рабочим только тех отраслей, которые производили наиболее конъюнктурный товар. ХДП предлагала в данном случае типично реформистский проект, опасность которого состояла в том, что, однажды введенный, он при попытке отмены вызвал бы сильное сопротивление тех отрядов рабочего класса, которые были поставлены в привилегированное положение.

В целом проект, представленный ХДП, выражал интересы средних слоев, а также мелкой и средней буржуазии, боявшейся расширения экспроприаций и национализаций и стремившейся создать себе конституционные гарантии, против чего в принципе Народное единство не возражало.

19 октября 1971 г. правительство внесло в конгресс свой проект, который предлагал создание в Чили трех производственных секторов — государственного, смешанного и частного, причем «движущей силой национальной экономики должен быть государственный сектор, в который войдут предприятия, имеющие особенно важное значение для страны». Экспроприации подлежали, согласно проекту, все предприятия, капитал которых превышал на 31 декабря 1969 г. 14 млн. эскудо (примерно 1 млн. долл. по существовавшему курсу). В стране имелось примерно 250 таких предприятий, из которых 40 уже перешли в ру-

ки государства. Законопроект предусматривал широкие формы участия трудящихся в управлении и контроле над производством. Во время обсуждения в парламенте были в принципе одобрены оба законопроекта, но правительственный проект подвергся таким изменениям, что стал мало чем отличаться от демохристианского: в него были включены пункты о «предприятиях трудящихся», непременно одобрении конгрессом всех национализаций и экспроприаций, а также о том, чтобы считать незаконными установления государственного контроля и экспроприации, осуществленные после 14 октября 1971 г. В июне 1972 года президент Альенде наложил вето на проект. Переговоры, проведенные руководителями Народного единства с ХДП, не дали никаких результатов.

Провал проекта о секторах производства привел к окончательному разрыву между Народным единством и ХДП, от которого выиграли крайне правые силы и монополии. Политически это означало, что средняя и мелкая буржуазия, уже подготовленная соответственно прессой монополий и не получившая твердых экономических гарантий, начала склоняться вправо.

Резко обострились также противоречия и споры внутри блока левых сил. Но если, как писал в тот период Л. Корвалан, «различные оценки не имеют важного значения, поскольку они по-разному выражают одну общую цель: найти пути завоевания всей полноты власти — экономической, политической и идеологической»⁵, то помимо борьбы такого рода приходилось усиливать борьбу и с лево- и правооппортунистическими уклонами, которые препятствовали достижению единства. Самый факт идеологической и политической борьбы внутри Народного единства неизбежно порождал два явления: использование этих разногласий правыми и дезориентацию и рост недоверия к правительству среди различных отрядов трудящихся. К этому примешивался элемент соперничества, который разжигали некоторые сектантски настроенные группы среди левых сил. Особенно активно в этом плане выступала группа из Радикальной партии, возглавляемая Л. Боссаем и А. Бальтрой. Еще в начале 1971 года они выступили с проектом образования секторов экономики, который в принципе мало отличался от проекта ХДП. Правда, в августе 1971 года на XXV съезде Радикальной партии Л. Боссай и А. Бальтра были отстранены от руководства партией, а съезд поддержал проект

С. Альенде. Однако прежние руководители партии, продолжая свою политику, спровоцировали раскол и создали новую, Левую радикальную партию. Эта группа все больше сближалась с ХДП, пока, как раз после провала в конгрессе законопроекта о трех секторах, она окончательно не порвала с Народным единством.

Экономисты Народного единства уже в 1971 году понимали, что в борьбе за преобладание в сфере экономики наступает такой предел для наступления революционных сил, перешагнуть который можно лишь заручившись массовой поддержкой, средних слоев и крестьянства. Можно было проводить дальнейшее расширение государственного сектора, используя некоторые пункты чилийского законодательства, но принципиальное решение проблемы было или в контроле над промышленностью группы В и сферой распределения, или в том, чтобы выстоять несколько лет, когда развитие государственного сектора приведет к столь явному его преобладанию, что сможет чисто экономическими средствами заставить предпринимателей признать его ведущую роль. В связи с тем что монополии сделали ставку на быстрее свержение правительства, появилась необходимость незамедлительно принять действенные меры. В тогдашней обстановке единственным путем было проведение соответствующего проекта через парламент. Однако в рядах левых сил возникли серьезные разногласия. Часть руководителей требовала дальнейшего расширения государственного сектора путем экспроприаций, чтобы таким образом получить перевес в экономике. На деле это не могло ничего изменить в соотношении сил, но подрывало доверие средних слоев, без поддержки которых нельзя было решить вопрос. Такая позиция означала фактически пассивное ожидание результатов предпринятых ранее шагов. Не понимая важности выигрыша во времени, сторонники таких действий обрекали рабочий класс на изоляцию. С другой стороны, среди некоторых сторонников Народного единства возникло некое «головокружение от успехов»: они считали, что главное уже сделано и надо переходить к строительству социализма.

Луис Корвалан в одном из интервью подчеркивал опасность такого отношения к проблемам. «Некоторые забывают, — отмечал он, — что политическая борьба еще не закончена. Нам приходится бороться даже в рядах сторонников Народного единства. Некоторые думают, что

мы достигли уже всего; другие полагают, что мы ничего не добились. Эти внешне противоположные точки зрения на деле лишь дополняют друг друга, так как обе они ведут к политике ожидания»⁶.

Выступая на проходившей в начале октября 1971 года Национальной конференции Коммунистической партии Чили, Л. Корвалан особенно подчеркивал необходимость крепить единство демократических и антиимпериалистических сил страны. «Сегодня, — говорил Генеральный секретарь КПЧ, — должно быть особенно прочным единство рабочего класса и народных масс города и деревни. В массовых организациях должно господствовать классовое единство, уважение прав каждой группы населения, единство действий. сторонников нынешнего правительства и всех тех, кто выступил за преобразования, поддерживая прежнее правительство, а также взаимопонимание на демократической основе во имя осуществления самых сокровенных чаяний народа»⁷. Широкое единство действий против монополий и империализма было главной задачей момента.

В плане экономической политики перед правительством стояла задача выступить с такой инициативой, которая выбила бы у монополий их главные козыри. Однако противоречия внутри блока помешали этому.

Важной проблемой, с которой столкнулось правительство, была подготовка собственных кадров специалистов всех уровней: квалифицированных рабочих и техников, инженеров и руководителей производства; механизаторов в сельском хозяйстве, зоотехников, агрономов и др. Зависимость от империализма в сфере образования была огромной. Система образования как в государственных университетах и институтах, так и в частных и католических ориентировалась на освоение в первую очередь американской техники и технологии. Экономистов готовили исходя из задач нормального функционирования национальной экономики как придатка общей системы связей с империалистическими монополиями. Все это приводило не только к тому, что техническая интеллигенция чувствовала себя органически связанной с капиталистической экономикой, но и к возникновению определенного комплекса неполноценности в ее среде, как только ей приходилось решать задачи собственно национального развития. Отсюда рождалось суждение, что правительство ставит неразрешимые задачи. Критикуя его деятельность, часто

даже не сознавая этого, с проимпериалистической точки зрения, техническая интеллигенция и те, кто умело пользовался ее настроениями, находили определенный отклик у привыкших доверять ее мнению. Таким образом искажалось мнение о политике правительства не только внутри страны, но и за рубежом. Даже те, кто с симпатией относился «к чилийскому эксперименту» в целом, были склонны повторять доводы «закомплексованной» национальной технической интеллигенции и экономистов. И если они были против капитализма, то оказались и против социализма.

Столкнувшись с растущей оппозицией старых специалистов, которые от первоначального осторожного нейтралитета стали переходить к открыто враждебной деятельности и саботажу, правительство вынуждено было срочно решить эту проблему. Левые силы стали действовать по двум основным направлениям: реформировали систему образования и стремились мобилизовать рабочий класс, широкие массы народа для активного и конкретного участия в революционном процессе.

В первый же год своего нахождения у власти народное правительство увеличило ассигнования на нужды образования. В стране имелось около 12% неграмотных, причем если в городе этот процент падал до 6—8, то в сельской местности возрастал до 37—40. На проходившем в 1971 году Национальном конгрессе работников образования было принято решение ликвидировать неграмотность в стране и расширить прием в высшие учебные заведения детей рабочих, крестьян и других слоев населения, в отношении которых прежде проводилась политика дискриминации и возводились непреодолимые экономические барьеры. Уже в 1972 году почти все дети школьного возраста пошли в школу. Успешно проводилась кампания по борьбе с неграмотностью среди взрослых.

Между КУТ, Государственным техническим университетом (УТЕ) и правительственным Институтом подготовки кадров (ИНАКАП) было заключено соглашение, в соответствии с которым около 4 тыс. рабочих на предприятиях смогли начать посещение занятий на курсах по повышению квалификации и подготовке специалистов среднего и высшего звена, более 2,5 тыс. были приняты в УТЕ в 1972 году, и такое же число рабочих поступило туда в марте 1973 года. Медицинский факультет Чилийского университета открыл курсы, на которые было при-

нято около 300 учащихся для подготовки по специальностям: медицинская техника, акушерство и др.

В марте 1973 года министерство образования рассмотрело проект перестройки системы подготовки специалистов во всех областях, так называемый Доклад об унифицированной национальной школе. Речь шла о претворении в жизнь идеи «национальной системы постоянного образования и просвещения в обществе, идущем к социализму». Проект касался только государственной сети образования, частные и католические учебные заведения не затрагивались.

Проект был выдвинут на обсуждение всей страны.

Буржуазная пропаганда исказила смысл государственного проекта, представив его как покушение на демократические свободы, ликвидацию частных учебных заведений и сети школ и институтов католической церкви. Пропаганда в печати и при помощи других средств массовой информации была столь интенсивна, что реакции искусственно удалось создать атмосферу острого политического конфликта между исполнительной властью и конгрессом, а также левыми партиями и партиями оппозиции, причем на сторону последней были привлечены федерации учащихся средних школ. По этому вопросу впервые открыто против правительства высказались представители церковной иерархии.

В тот же период в конгрессе обсуждались ещё три законопроекта о создании так называемого национального фонда капиталовложений. Свои предложения в конгресс направили правительство, ХДП и Национальная партия (НП). Смысл правительственного проекта, поступившего на обсуждение в мае 1971 года, сводился к предоставлении главе государства права на создание специального фонда для финансирования проектов промышленного развития, имеющих национальное значение. Решения по вопросам, связанным с определением важности того или иного проекта, предполагалось передать на усмотрение экспертов из КОРФО. Фонд финансировался путем отчисления 15% с доходов предприятий, капитал которых на 31 декабря 1970 г. превышал 2 млн. эскудо.

Контрпроекты ХДП и Национальной партии при всех их различиях имели то общее, что стремились устранить контроль государства над фондом. По замыслу ХДП, первоочередное право на финансирование получали «предприятия трудящихся». Политическим же замыслом реак-

ции при обсуждении законопроекта в конгрессе было подорвать финансовые возможности правительства, лишить его возможности проводить свою экономическую политику. Особенно очевидно этот замысел проявился при обсуждении проекта закона о национальном бюджете на 1972 год.

Впервые за полувековую историю страны конгресс отверг 44 статьи бюджета из имевшихся 69. Бюджет был сокращен на 2 млрд. эскудо (из общей суммы в 50 млрд. эскудо, т. е. на 4%) и на 6 млн. долл. (из общей суммы 252 млн. долл., т. е. на 2,4%), причем главный удар был нанесен по государственному сектору экономики и организациям, осуществлявшим аграрную реформу. Так, бюджет КОРФО был сокращен на 1,2 млрд. эскудо и почти на 6 млн. долл., КОРА — более чем на 550 млн. эскудо, Организации по торговле продуктами сельского хозяйства (ЭКА) — на 100 млн. эскудо и т. д. Оппозиция объясняла свое решение тем, что бюджет, представленный в конгресс, был завышен и не соответствовал реальным возможностям страны, что принятие такого бюджета приведет к значительной эмиссии, что дефицит в 1972 году вместе с дефицитом 1971 года составит примерно 23 млрд. эскудо. Однако подлинной целью оппозиции, и в частности ХДП, было и в данном случае оказать политическое давление на правительство с тем, чтобы заставить его отказаться от проведения своей политики. Об этом свидетельствует тот факт, что накануне обсуждения бюджета представители ХДП предложили правительству свою поддержку в конгрессе, поставив условием увольнение ряда руководителей Народного единства и внесение определенных изменений в статьи бюджета. В частности, они потребовали отмены практики скупки акций, которую проводила КОРФО (именно поэтому этой организации, осуществлявшей руководство всем государственным сектором, был более всего урезан бюджет). Но при постоянной обструкции в парламенте отказ от использования тех возможностей, которые предоставляло старое законодательство, означал бы на практике капитуляцию и отказ от выполнения программы Народного единства.

Замораживая основные механизмы функционирования экономической системы страны, оппозиция ясно дала понять, что она намерена любым путем добиться срыва программы левых сил: «конституционным» давлением (ХДП) или свержением правительства (Национальная партия).

Коммунистическая партия Чили раскрыла эти замыслы врагов революции. На Пленуме ЦК КПЧ, проходившем в марте 1972 года, партия заявила: «Внутренняя реакция, поддерживаемая империализмом, ориентируется на свержение правительства... Не все, кто находится в оппозиции, руководствуются этим стремлением. Многие надеются на завоевание власти через демократические каналы. Однако... штаб оппозиции... прилагает усилия к тому, чтобы создать невыносимую обстановку...»

В 1973 году наметился экономический подъем. Широкую помощь Чили оказали социалистические страны. Уже в декабре 1970 года в Сантьяго было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве между СССР и Чили. В мае 1971 года во время визита в СССР министра иностранных дел Чили К. Альмейды был подписан документ об оказании Чили содействия в строительстве промышленных предприятий и других объектов и о предоставлении на эти цели кредита.

Помимо займов и кредитов СССР поставил в Чили примерно на 200 млн. долл. различных материалов. В июле 1973 года в Вальпараисо было доставлено 750 тракторов из Советского Союза. Болгария, Венгрия, Румыния и Чехословакия также предоставили Чили свою помощь.

Быстрое повышение цен на медь стимулировало увеличение ее производства и позволило надеяться на некоторое смягчение финансовых проблем страны. Для иностранных кредиторов (в первую очередь европейских, так как подход США к проблемам Чили был не только экономическим, но и политическим, и идеологическим) увеличение цен на медь означало, что Чили может платить, и они положительно отнеслись к просьбам о финансовой помощи. Займы согласились предоставить Швеция, Финляндия, Дания, Испания, ФРГ*. В августе 1973 года добыча меди на руднике в Чукикамате побила все рекор-

* Французский экономист Ф. Ланжер в «Монд дипломатик» (октябрь 1973 г.) отмечал, что повышение цен на медь на мировом рынке, начавшееся с апреля 1973 года, принесет Чили по меньшей мере 200 млн. долл. дополнительно. В июле — августе 1973 года Испания, Швеция, Финляндия и Дания предоставили заем на 350 млн. франков. ФРГ решила предоставить гарантии немецким фирмам, экспортирующим свои товары в Чили. В августе чилийское правительство получило долгосрочные кредиты от западногерманской фирмы «Сименс» и голландской «Филипс» на импорт медицинского оборудования. Итальянское правительство также благожелательно отнеслось к просьбе Чили о предоставлении помощи.

ды. 4 сентября 1973 г. С. Альенде сообщил стране, что крестьяне за один лишь год вдвое увеличили площадь возделываемой земли. Американский исследователь проблем Латинской Америки, профессор Калифорнийского университета Брэдфорд Бернс на основании собственных наблюдений и анализа событий в Чили сделал весьма важный вывод, который в корне расходится с мнениями многих буржуазных органов печати. «Тот факт, — пишет он, — что правительство Народного единства добилось определенного роста производства, сам того не желая, признал не кто иной, как адмирал Хосе Торибิโอ Мерино, член военной хунты, которая свергла Альенде. «Наша страна обанкротилась и разорена не потому, что она мало производит. Она обанкротилась потому, что плоды производства разворовывались жуликами», — заявил он. Делая такой вывод, адмирал вряд ли дает научное объяснение новой системе распределения товаров, введенной правительством Альенде, но он по меньшей мере не повторяет избитых и сомнительных заявлений о том, что в годы пребывания Альенде у власти все производство сократилось. Средние и высшие классы, видимо, ближе подошли бы к истине, если бы вместо того, чтобы жаловаться на сокращение объема производства, стали выражать недовольство системой распределения, поскольку товары больше не текли непрерывным потоком в дома привилегированных. Им уже приходилось делиться плодами производства с низшими классами. Они так и не привыкли к новой системе распределения и без конца жаловались на трудности, от которых страдает Чили. Зарубежная печать вторила им, редко утруждая себя проверкой подобных утверждений. Тем временем большее число чилийцев, находившихся на низших ступенях экономической лестницы, пользовалось благами новой системы распределения, но эти факты не нашли своего отражения на страницах зарубежной печати»⁸.

Либеральный ученый более объективно и серьезно разобрался в том, что произошло в Чили, чем те «теоретики» ультралевизны, которые, прикрываясь революционной фразой, грубо извращают смысл чилийской революции, называют революционный процесс в Чили реформистским, не видят подлинно классового содержания политики Народного единства.

Ультралевые всех оттенков с 1970 по 1973 год и после падения правительства С. Альенде фактически поддержи-

вали организованную империалистической прессой кампанию дискредитации экономических мероприятий правительства Народного единства и вместе с правыми твердили о крахе. В этом свете особенно интересными представляются признания достигнутых народным правительством успехов со стороны ряда буржуазных экономистов, которые в целом далеко не симпатизировали «марксистскому эксперименту» в Чили. Так, директор института по изучению проблем развития Сассекского университета Великобритании Дадли Сизрз отмечал в одной из своих статей: «Ряд реформ был успешно реализован... В экономике страны наметился сдвиг к лучшему: в результате принятых мер реальные доходы населения в 1971 году возросли... В целом 1971 год можно считать во многом удачным для правительства С. Альенде». Он даже предупреждал ХДП, что, если они «загонят Альенде в угол настолько, что военный переворот станет неизбежным, их планы (стать конституционными преемниками Народного единства — Ю. К.) могут быть разрушены». Он, кроме того, отмечал, что «промышленникам уже подрезаны крылья, и с каждым месяцем им все труднее восстановить свое экономическое и политическое господство»⁹.

С вопросом о том, потерпела ли крах экономическая политика Народного единства или нет, тесно связан и другой вопрос: было ли поражение народных сил неизбежным? Полный экономический крах, естественно, привел бы к падению правительства, особенно в чилийских условиях. Но, как мы видели, экономического краха не было; имела место острая классовая и политическая борьба по вопросу о том, каким путем пойдет Чили в своем развитии. Следовательно, никакой фатальной неизбежности поражения чилийской революции и избранных ею форм не было. Х. Файвович, заместитель министра транспорта в правительстве Народного единства, пишет: «Наше поражение не являлось неизбежным. Мы потерпели поражение как из-за заговора, организованного империализмом и чилийской буржуазией, так и из-за собственных ошибок... Мы были слишком поглощены тем, чтобы идти вперед и претворять в жизнь программу правительства. Мы продвигались вперед и даже завоевывали позиции, не ослабляя и не дезорганизуя наших противников, которые осторожно отступили, с тем чтобы перегруппироваться и перейти в наступление»¹⁰.

К выводу о том, что не экономический крах «принудил» реакцию совершить государственный переворот, приходит и французский экономист Серж-Кристоф Колм, который наряду с жесткой критикой некоторых экономических решений правительства С. Альенде пишет: «Все эти замечания ни в коем случае не являются объяснением и оправданием путча, „совершенного с целью спасти страну от экономического хаоса“... Если и была экономическая причина переворота, так она состояла в перераспределении собственности. Поэтому народные массы не были сообщниками переворота»¹¹.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ экономической политики правительства Народного единства, мы здесь попытались показать объективный ход событий и некоторые экономические начинания правительства С. Альенде. Уже такое приближение к проблеме со всей очевидностью показывает, что вовсе не неудачи в экономической политике Народного единства (хотя они, конечно, имели место) привели к реакционному путчу в сентябре 1973 года. Причины лежат в политическом направлении этой экономической политики, в тех задачах по перестройке всего чилийского общества, которые решались революционным правительством Чили. Битва шла за обладание властью в области экономики, и происходила она между монополиями и крупным капиталом и народными массами, прежде всего рабочим классом. Реформисты, пытавшиеся найти «третьи» решения в этом сражении, неизменно каждым своим действием способствовали одной или другой реальной силе. В конечном итоге буржуазия, подчиняясь своим классовым инстинктам, полностью перешла в лагерь империализма, потащив за собой значительные массы средних слоев, так до конца полностью и не осознавших, на что они идут.

В течение трех лет, когда Народное единство находилось у власти, его программа подверглась серьезнейшей проверке практикой, выявившей жизненную необходимость глубокой разработки экономической политики.

Правительство Народного единства осуществило глубокие экономические преобразования революционного характера, представившие, говоря словами Ленина, «громадный шаг к социализму», после которого «при условии сохранения полной демократии... без неслыханных насилий над массами»¹² нельзя повернуть вспять.

Проводившийся Народным правительством курс дол-

жен был обеспечить осуществление коренных преобразований для дальнейшего движения вперед по пути искоренения причин отсталости и нищеты, существовавших в стране в начале 70-х годов. Это предполагало нанесение сильных ударов по традиционному господству в стране империалистических монополий, местных экономических кланов и земледельческой олигархии и одновременное проведение конкретной экономической политики в интересах угнетаемого большинства населения. Жизнь доказала правильность правительственной программы: до октября 1972 года, когда страну захлестнули открытые подрывные действия реакции, экономические показатели были высокими, а экономика в основе своей здоровой.

Однако это не снимает необходимости тщательного анализа экономической деятельности самого правительства Народного единства.

Главной слабостью Народного единства было отсутствие согласованного руководства. Это делало невозможным столь необходимое централизованное руководство экономической жизнью страны, а следовательно, использование всех тех экономических рычагов, которые находились в руках государства и которые позволили правительству контролировать большую часть хозяйственного аппарата. Возникали препятствия в установлении необходимого соответствия между формами и методами руководства экономикой и характером и уровнем производительных сил. Отсутствие согласованного руководства и планирования вело к тому, что старые методы и навыки оказывали значительное влияние на функционирование государственного аппарата, не претерпевшего радикальных изменений.

Правительство не смогло организовать по-новому руководство экономикой и полностью использовать благоприятные возможности, созданные в результате преобразований.

В связи с этим распространились экономистские тенденции. Выдвигая требования, трудовые коллективы не учитывали ни реального положения в стране, ни интересов рабочего класса в целом. Они не могли или не желали понять, что дальнейшее улучшение условий жизни народа должно было осуществляться, как это понимали наиболее сознательные слои пролетариата, на основе увеличения производства и производительности труда.

Важным уроком можно считать выявление и другого крупного недочета. Многие ответственные лица в хозяйственном аппарате на практике недооценивали объективные экономические законы и принципы, что привело к весьма сильным проявлениям волюнтаризма и субъективизма. Примером этого может служить пренебрежение к финансовым вопросам, что делалось под предлогом необходимости уделять основное внимание непосредственно производительным отраслям экономики. За этим скрывалось пренебрежение к законам развития экономики, в которой рынок продолжает играть эффективную роль. Не уделялось должного внимания борьбе, которую решительно вели коммунисты, за увеличение производства и производительности труда. В результате на предприятиях не уделялось внимания их рентабельности. Руководство предприятий не заботилось о правильном использовании ресурсов с учетом перспектив развития всей экономики. Предприятия общественного сектора экономики во многих случаях не только не давали прибыли, но покрывали свой финансовый дефицит за счет государства. В одних случаях это было связано с мерами центрального руководства, в других — с конкретным ведением дела на предприятиях. Немало трудностей возникло из-за неправильного распределения нагрузки между собственно партийным аппаратом и кадрами, выдвинутыми для работы в правительстве. В этом отношении были предприняты важные и позитивные шаги. Одним из замечательных примеров преодоления таких трудностей было создание специальной комиссии партии, возглавлявшейся Луисом Корваланом и оказавшей большую помощь правительству. Ее деятельность облегчила выработку плана посевных работ на 1973—1974 годы. План учитывал мнения крестьянских организаций и специалистов по сельскому хозяйству и включал различные аспекты: календарное расписание и сроки сева, поставки всего необходимого, кредиты, машинный парк, стимулы производства, формы соревнования и т. д. Этот план, как показали результаты сельскохозяйственного года, выполнялся достаточно успешно, показав скрытые в народе возможности добиться успеха в битве за производство.

Обострение классовой и политической борьбы

Осуществление программы коренных социально-экономических и политических преобразований находилось в прямой связи с особенностями положения революционных антиимпериалистических и антиолигархических сил в системе политической власти Чили.

Как мы видели, в 60-е годы в Чили сложилось такое положение, когда существовавшие производственные отношения стали серьезным тормозом для развития производительных сил. Налицо был кризис самого экономического базиса, который отражался на всех институтах политической надстройки.

В политике правящих классов явственно обозначились две тенденции. Первая, консервативная, состояла в установлении союза между иностранными монополиями и землевладельческой и финансовой олигархией. По мере усиления демократического и антиимпериалистического движения иностранные монополии стали искать более широкую социальную опору для сохранения своего господства. Возник «Союз ради прогресса». В рамках его программы реформистская буржуазия составляла свои планы преобразований. В 1964 году президентом страны был избран лидер Христианско-демократической партии Э. Фрей. Смысл его политики сводился к слиянию государственного, частного национального и иностранного монополистического капитала и к буржуазным реформам в сельском хозяйстве.

Попытка реформистов решить экономические проблемы страны успеха не имела. Реформизм, как и консерватизм, показал свою неспособность вывести страну из кризиса. Планы реформистов наталкивались на сопротивление самих же правящих классов страны. В этом проявились расхождения, существовавшие в среде чилий-

ской буржуазии, по вопросу о путях развития (или сохранения статус-кво). Противоречия внутри правящих классов затрудняли их способность бороться против революционного движения в стране.

Благодаря высокой политической активности и организованности чилийского рабочего класса, его самоотверженной борьбе и достигнутым завоеваниям в Чили сложились условия, когда демократические институты, созданные конституцией, и возникшие на их основе демократические традиции значительно окрепли и стали нормой общественной жизни для подавляющего большинства чилийцев. Расширились избирательные права граждан. В 1969 году чилийский парламент принял поправки к конституции, в соответствии с которыми все граждане страны старше 18 лет получали избирательные права. На позициях защиты конституции, демократических завоеваний народных масс стояла в Чили влиятельная часть военных.

Политическим выражением крепнущего единства рабочего класса, а также основой создания широкого союза революционных антиимпериалистических сил был союз Коммунистической и Социалистической партий. В рамках профсоюзного движения эти партии приобретали опыт совместных действий, учились находить главное, что требовалось для развития массового движения трудящихся. С 1956 года коммунисты и социалисты координировали свою работу через созданный ими политический блок — Фронт народного действия (ФРАП), который уже с конца 50-х годов располагал твердой поддержкой трети чилийских избирателей.

В процессе многолетней совместной борьбы коммунисты и социалисты разрабатывали и совершенствовали положения своих программ. Обе партии достигли единства точек зрения в определении характера чилийской революции, ее движущих сил, руководящей роли рабочего класса, места и роли союзников пролетариата в революции. Путь к единству не был гладким и легким. Революционный подход к оценке национальной действительности, практическое участие в борьбе рабочего класса и всех демократических сил, борьба против буржуазных теорий классового сотрудничества, против оппортунизма и сектантства заложили фундамент этого союза.

В условиях экономической многоукладности и дефор-

мированного характера развития капитализма в Чили помимо основных классов капиталистического общества — пролетариата и буржуазии — в социальной структуре существовали многочисленные промежуточные слои. Конкретные социально-политические задачи, стоявшие перед этими слоями — борьба против эксплуатации, нищеты, против империалистического господства, крупного капитала и латифундистов, за демократию и глубокие социально-экономические преобразования, — совпадали с задачами пролетариата. Во второй половине 60-х годов в революционную борьбу активно включилось чилийское крестьянство. Создавался широкий фронт народной борьбы против империализма, за глубокую перестройку общества.

Складывалась обстановка, в которой буржуазное правительство не могло управлять страной, опираясь на демократические институты, созданные самой буржуазией. Поэтому оно в нарушение конституции бросало войска против бастовавших рабочих меднорудных компаний, против бездомных и безземельных, занимавших пустовавшие земельные участки и жилища. Партии, постоянно выступавшие защитниками буржуазного порядка, прежде всего реакционная Национальная партия, стали искать возможности для неконституционного изменения создавшегося положения. Ими была подготовлена попытка реакционного переворота в октябре 1969 года. И тут опять со всей силой проявился кризис политической надстройки в стране, ее неустойчивость и внутренняя противоречивость. Чилийская армия, созданная как главный аппарат подавления эксплуатируемых классов, но воспитанная на принципах уважения демократических свобод и конституции, выступила в своем большинстве против заговорщиков. Кризис проник во все поры чилийского общества и его институтов. Он проявился как кризис экономического базиса, который назревал в течение многих лет существования в стране капиталистических производственных отношений, отягощенных рядом докапиталистических форм производства и эксплуатации, а также зависимостью от империализма, и как кризис всей системы политической и идеологической надстройки, начавшийся во второй половине 60-х годов. Это нашло свое отражение в обострении классовой борьбы, в радикализации широких масс трудящихся, руководимых рабочим классом, что совпало с усилением проти-

воречий внутри правящих классов по вопросу о путях решения экономических и политических проблем, о методах защиты и сохранения капиталистических отношений. Раскол в рядах правящих классов был настолько глубок, что они не смогли объединиться даже перед угрозой поражения силами революции.

К 1970 году в стране сложилось мощное, единое профсоюзное движение, в котором были представлены все основные политические партии. Переход масс чилийских трудящихся на позиции революционной борьбы, на позиции антиимпериализма и глубоких социально-экономических преобразований оказал сильное влияние на те круги центристских партий (Радикальной и Христианско-демократической), которые были связаны с рабочим движением. Под влиянием сдвигов в идейно-политической позиции профсоюзов в этих партиях произошел раскол, в результате которого образовались новые политические партии, выступившие за национализацию принадлежавших империалистическим компаниям предприятий по разработке природных богатств, за глубокую перестройку социально-экономической структуры, широкие демократические преобразования, за строительство бесклассового общества. И если в отношении Коммунистической и Социалистической партий можно утверждать, что усиливалось их влияние на рабочее движение, то в отношении центристских партий следует отметить рост влияния на них рабочего и профсоюзного движения. Неслучайно как в ХДП, так и в Радикальной партии ядром левого крыла был профсоюзный сектор в аппарате партии.

С 1964 по 1970 год в народном движении Чили все очевиднее проявляется тенденция к созданию такого фронта демократических и антиимпериалистических сил, в который вошли бы все классы и социальные группы, чьи интересы противостоят интересам иностранных монополий, крупных национальных капиталистов и латифундистов, антидемократическим устремлениям правых. В течение всего этого времени в народных массах шел процесс единения. Он характеризовался привлечением все большего числа избирателей к левым партиям, углублением противоречий в центристских партиях и их расколом. Изменение политической ориентации Радикальной и других партий, появление новых организаций, ставивших во главу угла проблемы антиимпериалистиче-

ской борьбы и революционного преобразования общества, выдвинули на повестку дня вопрос о политическом союзе этих партий и организаций.

В ноябре 1969 года очередной XIV съезд Коммунистической партии Чили глубоко проанализировал создавшуюся в стране ситуацию. В программе КПЧ, принятой на этом съезде, указывалось, что Чили — капиталистическая страна, находящаяся в зависимости от американского капитала. Отмечался быстрый процесс концентрации капитала в руках небольшой группы монополистов, использовавших в своих классовых интересах государственный аппарат и государственный сектор экономики. В силу этого главной целью революции оставалась ликвидация империалистического господства и экономической и политической власти монополий и помещиков. «Мы, коммунисты, — говорилось в Программе, — боремся за объединение большинства страны, чтобы повести его на первом этапе антиолигархической революции и в ходе проводимых ею преобразований открыть путь новым производственным отношениям — социализму... Движущие силы революции — пролетариат и передовые элементы крестьян, студентов, интеллигенции и широких кругов средних слоев... Рабочий класс — главная движущая сила чилийской революции»¹.

Перед революционными партиями Чили встал вопрос о политической власти и формах ее завоевания.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что революционный класс будет применять самые разнообразные формы и методы борьбы за власть. Говоря о необходимости для рабочего класса бороться за политическую власть, К. Маркс в то же время указывал: «Но мы никогда не утверждали, что добиваться этой цели надо повсюду одинаковыми средствами»². Развивая это положение, В. И. Ленин писал, что марксизм «признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения». В. И. Ленин подчеркивал необходимость «внимательного отношения к идущей массовой борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения»³.

Рабочий класс и его партия ведут подготовку к социалистической революции, сражаясь с буржуазией на трех фронтах — экономическом, политическом и идеологическом. Формы этой борьбы зависят, с одной стороны, от уровня экономического развития страны, соотношения политических сил, уровня организованности и сознательности пролетариата, масштабов влияния партии рабочего класса, формы государственного правления и развития демократических институтов и др., а с другой — от международной обстановки в целом, размаха международного революционного движения, прочности связей с революционными силами других стран и т. д. Сочетание внутренних и внешних факторов создает ту конкретную ситуацию, которая и определяет выбор форм и средств борьбы.

При всем многообразии форм революционной борьбы их можно разделить на две группы — вооруженную и без применения вооруженной силы. Марксизм-ленинизм не абсолютизирует ни ту, ни другую формы, и история коммунистического движения постоянно сопровождалась острой идеологической борьбой с правыми и левыми оппортунистами, догматически отрицавшими какую-нибудь из этих форм. К. Маркс писал: «Восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем»⁴. В. И. Ленин внимательно исследовал возможность мирного завоевания власти пролетариатом. Он указывал на существование такой возможности в России после Февральской революции и в сентябре 1917 года после разгрома корниловщины. «Рабочий класс, — писал он, — предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть...»⁵. В то же время Ленин указывал, что марксисты нисколько не отрицают в принципе насилия и террора, но они за такие формы насилия, которые рассчитаны на непосредственное участие массы и обеспечивают такое участие⁶. Действительно, революционное насилие необходимо и неизбежно при любой форме, которую примет социалистическая революция, так как утопичным было бы предположить, что господствующие классы добровольно откажутся от своих привилегий и собственности на средства производства. Но какие формы примет это насилие, зависит не от революционеров, а от степени и форм, которые примет сопротивление эксплуататоров. «Без революционного насилия, — писал В. И. Ленин, — направленного на прямых врагов

рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров»⁷.

Чилийские коммунисты считали, что невооруженное завоевание власти возможно по мере решения двуединой задачи: укрепления единства рабочего класса и трудящегося крестьянства, усиления поддержки революционных сил со стороны средних слоев города и деревни, прогрессивной интеллигенции и студенчества, мелких и средних предпринимателей, с одной стороны, и создания политического блока всех демократических партий и организаций, стоящих на позициях антиимпериалистической борьбы и глубоких социально-экономических и политических преобразований, — с другой.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан, анализируя путь, пройденный революционными силами страны до победы в 1970 году, писал: «Чилийский пример показывает, что пути и формы революционного процесса имеют особенности в каждой стране. Поэтому далеко не беспочвенным является тезис, выдвинутый XX съездом КПСС и взятый на вооружение коммунистическим движением на Совещании 1960 года, о том, что в борьбе рабочего класса и других сил за социализм вооруженный путь завоевания власти и осуществления революционных изменений не является неизбежным». Л. Корвалан указывает на три основных урока, усвоенных чилийскими коммунистами из опыта борьбы. Первый состоит в том, что «совместные действия трудящихся и народа, независимо от их политических и религиозных взглядов, являются тем горнилом, в котором выковываются взаимопонимание и единство различных народных течений». Второй важный момент — идеологическая борьба. «Наряду с совместными действиями масс, — отмечал Л. Корвалан, — одним из факторов сплочения демократических сил, необходимым элементом народного единства в борьбе против основных врагов — империализма и олигархии является отпор идеологическим диверсиям буржуазии, в особенности различным проявлениям антикоммунизма и антисоветизма, а также сектантским и правым тенденциям». И третий урок — «овладение искусством межпартийных отношений...»⁸. Таким образом, опыт чилийских коммунистов еще раз подтвердил правильность марксистско-ленинского учения о революции, показав важность творческого его применения в каждой конкретной обстановке, в соот-

ветствии с исторически сложившимися особенностями каждой страны. В то же время, «внимательно изучая опыт, накопленный международным коммунистическим движением, Компартия Чили обогатила его практической работой в массах, новым опытом борьбы за единство рабочего класса и сплочения всех слоев народа вокруг пролетариата во имя решения задач антиимпериалистической, антиолигархической революции, за единство действий социалистов, коммунистов и других левых партий. КПЧ нашла свои формы, свои методы подвода масс к революции, к решению назревших социальных и политических задач, стоящих перед чилийским народом»⁹.

Возможность мирного развития социалистической революции получила глубокое теоретическое обоснование в документах Совещаний коммунистических и рабочих партий 1957, 1960 и 1969 годов. На международном Совещании 1969 года отмечалось: «Коммунистические и рабочие партии проводят свою деятельность в весьма разнообразных, специфических условиях, которые требуют соответствующего подхода к решению конкретных задач. Каждая партия, руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, учитывая конкретные национальные условия, полностью самостоятельно разрабатывает свою политику, определяет направления, формы и методы борьбы, выбирает в зависимости от обстоятельств мирный или немирный путь перехода к социализму, а также формы и методы строительства социализма в своей стране»¹⁰.

Творчески анализируя ситуацию в стране, чилийские коммунисты пришли к выводу, что в условиях Чили сложились возможности для перехода власти в руки народа без вооруженной борьбы. Это, как писал В. И. Ленин, *крайне редкая и крайне ценная возможность*¹¹.

В результате победы на выборах в 1970 году революционные силы завоевали политическую власть только частично. С. Альенде получил 36,3% голосов избирателей. Народное единство не располагало большинством в конгрессе страны. Основная часть средств информации находилась в руках правой оппозиции. Первоочередной задачей стало завоевание всей полноты политической власти.

В первый период (до середины 1971 г.) после прихода к власти правительства Народного единства можно было говорить о наличии в стране трех политических блоков: левых партий, в той или иной степени поддерживаемых

не вошедшими в Народное единство организациями Народно-социалистического союза, МИР и др.; Христианско-демократической партии, в которой разлад между левым и правым крылом создал ситуацию неопределенности и неустойчивости; правых партий во главе с Национальной партией. ХДП поддержала Народное единство при утверждении конгрессом президентом республики С. Альенде 24 октября 1970 г. В политическом плане в этот период ХДП выступала самостоятельно.

Такие мероприятия Народного единства, как решительное наступление на латифундизм, национализация предприятий, принадлежавших иностранным компаниям, установление государственного контроля над банками, повышение среднего прожиточного минимума трудящихся, выделение дополнительных средств на образование и социальные нужды, находили поддержку не только рабочего класса, но и широких средних слоев. Это отразилось на результатах муниципальных выборов в апреле 1971 года, когда Народное единство добилось поддержки более 50% избирателей.

Следует учесть и те силы, которые внутри ХДП смотрели с симпатией на действия правительства, но по соображениям партийной дисциплины голосовали за кандидатов своей организации. На расширенном пленуме Христианско-демократической партии в мае 1971 года председатель молодежной организации ХДП Луис Бадилья подверг резкой критике руководство своей партии. «ХДП,— заявил он,— постепенно превращается в омертвевшую политическую организацию... Если мы окажемся неспособными вести христиан по революционному пути, которого требует страна, мы не только вынуждены будем отказаться от идеи революции, мы откажемся также от идеи христианства». Под давлением левых пленум принял резолюцию, явившуюся первым в истории ХДП официальным документом, в котором утверждалось, что партия борется за социализм. Однако на деле правое руководство ХДП не намеревалось менять свою политику. Напротив, все очевиднее становилось его стремление найти общий язык с правыми силами, прежде всего с Национальной и Радикально-демократической партиями.

В то же время левые христианские демократы настойчиво подчеркивали, что между ними и правыми политическими организациями нет и не может быть ничего общего. Важно отметить, что они выступали против тех

сил в ХДП, которые стремились занять центристские позиции, заявляя, будто одинаково не приемлют как социализм, так и капитализм. Левые христианские демократы считали, что ХДП должна ясно определиться как левая, революционная партия, готовая вместе с другими революционными силами бороться за построение социалистического общества.

Левые демохристиане надеялись, что им удастся убедить руководство партии принять их точку зрения, тем более что высказываемые ими положения вошли в официальные партийные документы.

Однако на дополнительных выборах (июнь 1971 г.) депутата парламента от второго по значению промышленного и культурного центра страны — Вальпараисо руководство ХДП пошло на сговор с правыми партиями. Реакция выступила единым фронтом против Народного единства и провела своего кандидата. Аналогичная ситуация сложилась в январе 1972 года на дополнительных выборах в сенат от провинций О'Хиггинс и Кольчагуа и в палату депутатов — от Линареса.

Переход ХДП в лагерь правой оппозиции в середине 1971 года был в значительной степени верхушечным, волюнтаристским решением правого руководства. То, что это решение было поддержано в тот период значительными силами профессионалов в партии, объясняется в первую очередь тактическими соображениями: если бы христианские демократы и Национальная партия выступали разрозненно, то Народное единство постоянно наносило бы им поражения как в массовых кампаниях, так и в парламенте, где левые имели большую поддержку, чем Национальная и Христианско-демократическая партии в отдельности. Рядовые христианские демократы не сразу пошли за своими лидерами: так, на выборах от провинций Чилоэ, Айсен и Магальянес оппозиция потеряла 12% избирателей по сравнению с 1970 годом, в Вальпараисо — 16%, в О'Хиггинсе, Кольчагуа и Линаресе — 12%. Победа правых далась ценой больших потерь со стороны христианских демократов.

Возмущенные двурушничеством правых лидеров, левые христианские демократы, в том числе часть руководства ХДП, вышли из партии. Из ХДП вышли 60 руководителей университетских федераций одного только Сантьяго, 11 студенческих руководителей Католического университета, по мнению которых ХДП «перестала быть

политическим инструментом для революционного вклада христиан в строительство нового общества в Чили». К середине августа из партии официально вышли 10 тыс. активистов, в том числе 8 депутатов парламента.

Вскоре была создана новая политическая организация — Левая христианская партия. Генеральным секретарем и председателем исполнительного комитета ЛХП был избран лидер левого крыла демохристиан Боско Парра. В конце 1971 года Левая христианская партия вступила в Народное единство как полноправный член.

Переход левых демохристиан к открытой поддержке Народного единства отражал процесс идейно-политического размежевания в массах чилийского народа под воздействием глубоких социально-экономических преобразований, которые происходили в обществе. Однако процесс поляризации сил уже в тот момент таил в себе опасность, связанную с тем, что на каждом полюсе собирались весьма разные социальные силы, имевшие не только общие интересы.

В июле 1971 года группа ультралевых из так называемого Организованного авангарда народа совершила убийство одного из правых лидеров ХДП, бывшего министра внутренних дел в правительстве Э. Фрея Переса Суховича, о котором известно, что он был одним из виновников репрессий против народных организаций, а также косвенно замешан в убийстве генерала Шнейдера. Однако сам факт убийства, то есть, как его интерпретировала правая пресса, акта политического террора со стороны левых сил, подействовал на средние слои города так же, как убийство Шнейдера в 1970 году. Тогда они отошли от правых, сейчас — от Народного единства. Другая экстремистская организация — Революционные вооруженные силы (ФАР) совершила покушение на генерала в отставке, бывшего начальника генерального штаба вооруженных сил Т. Гомеса. К тому же с ФАР оказался связан один из руководителей Социалистической партии Наум Кастро, бывший генеральный директор управления железных дорог. И хотя Н. Кастро был исключен из СПЧ, а все левые организации вплоть до Левого революционного движения осудили эти действия экстремистов, с июля 1971 года среди средних слоев начинает распространяться недоверие к правительству, старательно подогреваемое средствами массовой информации оппозиции.

Отрицательное воздействие на мелких и средних предпринимателей оказали также необоснованные захваты ультралевыми группами крестьянских усадеб и не подлежавших экспроприации предприятий и торговых точек в городе. Сами по себе эти факты не были ни столь значительными, ни решающими. Но каждое такое происшествие раздувалось реакционной прессой до масштабов национальной катастрофы. Правые газеты запугивали мелкую буржуазию угрозой «экономического тоталитаризма», уничтожения демократических свобод, порядка и уверенности в завтрашнем дне. Чтобы подкрепить эти измышления, правые силы в массовом масштабе развернули по всей стране диверсионные акты, саботаж на предприятиях, покушения на руководителей левых сил, нападения на мелкие лавочки и мастерские, заявляя в то же время в печати о хаосе, неспособности правительства руководить страной. Реакции, в частности, удалось спровоцировать в 1971 и 1972 годах забастовки рабочих, подбить их на выдвижение заведомо нереальных требований повышения заработной платы. Революционные партии столкнулись с известным непониманием новых задач частью рабочего класса, с разрывом между авангардом и отсталой частью трудящихся. В. И. Ленин указывал, что пролетарская партия не может и не должна подделываться под отсталые настроения. «Некоторая „реакционность“ профсоюзов, в указанном смысле, — писал В. И. Ленин, — неизбежна при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий *перехода* от капитализма к социализму»¹². Даже частичное завоевание политической власти и проведение мероприятий в интересах всех трудящихся вызывает оппозицию в отдельных отрядах трудящихся. Это ставит новые задачи перед революционными партиями в отношении профсоюзов. «...Партии приходится, — подчеркивал В. И. Ленин, — еще более и по-новому, а не только по-старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими, вместе с тем однако не забывая, что они остаются и долго останутся необходимой „школой коммунизма“ и подготовительной школой для осуществления пролетариями их диктатуры, необходимым объединением рабочих для постепенного перехода в руки рабочего *класса* (а не отдельных профессий), и затем всех трудящихся, управления всем хозяйством страны»¹³.

Революционные партии Чили, прежде всего коммуни-

сты и социалисты, сделали правильные выводы из сложившейся ситуации, развернули активную воспитательную работу среди масс, одной из форм которой было вовлечение трудящихся во все сферы управления общественным производством на всех уровнях.

На проходившем в сентябре 1971 года совещании профсоюзных работников-коммунистов была подчеркнута необходимость самого широкого участия трудящихся в управлении производством. В сельском хозяйстве возникли крестьянские советы и центры аграрной реформы, созданные на подлинно демократических началах. В обстановке революционного энтузиазма и активной работы по перестройке общества проходил в конце 1971 года VI съезд Единого профсоюзного центра трудящихся Чили. Он принял решения в поддержку политики народного правительства и наметил основные мероприятия по подъему производства в стране, более широкому охвату трудящихся профсоюзами, активизации участия рабочего класса в строительстве нового общества. К VI съезду КУТ насчитывал в своих рядах около 1 млн. трудящихся, а в 1972 году численность членов профсоюзного центра превысила эту цифру.

В создавшейся обстановке особенно остро встал вопрос о прочном единстве партии рабочего класса как первом условии завоевания всей политической власти.

В программе Народного единства указывалось, что все партии, входящие в блок, сохраняют свою собственную философию, свой собственный политический облик и структуру. Каждая партия продолжала борьбу за укрепление своих рядов, за усиление своего влияния на массы, доказывала правильность своих идейно-политических и философских концепций.

Коммунистическая партия как одна из самых сильных и влиятельных партий коалиции, которая явилась главной силой сплочения всего демократического и антиимпериалистического движения и которая вместе с Социалистической партией представляла главную движущую силу революции — рабочий класс, несла основной груз задач, связанных с укреплением Народного единства. Одновременно партия должна была проводить работу по усилению своей организации, отстаивать правильность своих позиций по каждому вопросу, возникавшему в ходе развития революционного процесса в стране.

Деятельность коммунистов в течение трех лет народ-

ной власти была направлена на решение государственных задач: укрепление союза левых партий и борьбу против левого и правого уклона, сплочение профсоюзного и массового движения в поддержку революции, борьбу против идеологических противников, ультралевизны, правого экстремизма, в защиту демократии, работу по укреплению партии.

Коммунистическая партия, став правящей партией страны, предъявила к членам своей организации жесткие требования во всем, что касалось партийной дисциплины, работы в государственных органах и на производстве, моральному облику коммунистов. Выступая на Пленуме ЦК КПЧ в марте 1972 года, Луис Корвалан констатировал: «Партия в целом не осталась пассивной, не пошла на сделки, не впала в апатию, в бюрократизм, не оторвалась от масс; она смогла понять новую обстановку и определить новые задачи»¹⁴.

Коммунисты, назначенные на государственные посты и получавшие относительно высокое вознаграждение, ежемесячно передавали для Национального совета детских садов более 200 млн. эскудо в виде отчислений с заработной платы. Члены партии, работавшие на государственных предприятиях, отчисляли всю сумму сверх установленного ЦК уровня заработной платы в пользу этих предприятий. Партия запретила всем своим членам, состоявшим на государственной службе, пользоваться государственными автомобилями, улучшать жилищные условия или получать какие-либо другие блага, которые предоставлялись по прежней традиции людям, занимавшим их положение. Ни один коммунист, будь то депутат парламента, сенатор или директор предприятия, не мог получать более, чем квалифицированный рабочий. «Партия была и будет непреклонна в проведении в жизнь этих норм»¹⁵, — говорилось на Пленуме ЦК КПЧ.

Одной из важных задач, стоявших перед партией, было найти правильное сочетание между деятельностью внутри коалиции и борьбой за укрепление собственных рядов. «Внутри самого блока Народного единства, — писал в 1971 году Л. Корвалан, — каждая политическая сила занята укреплением своего собственного влияния... Продолжает играть роль конкуренция, и никто не сможет на нее пожаловаться, если она будет идти в одном направлении: пусть каждый приложит больше энергии и способностей для выполнения общей программы, и та-

кое соперничество пойдет на пользу всему народу. Одновременно должно быть сохранено равновесие между партийной деятельностью и деятельностью внутри блока...»¹⁶.

Пленум ЦК КПЧ, проходивший в конце ноября 1970 года, поставил в качестве главной задачу успешного осуществления программы. «Нет ничего более важного в эти дни, — заявили коммунисты, — нет ничего более революционного, чем способствовать всеми силами успеху народного правительства...»¹⁷. Коммунистическая партия через своего представителя в правительстве министра финансов Америко Соррильи представила стране программу выхода из тяжелого экономического положения, борьбы с нищетой и безработицей, решения аграрной проблемы и освобождения от иностранной зависимости.

Партия подчеркивала решающую роль рабочего класса в осуществлении задач революции. «На рабочий класс ложится, — говорил, выступая на Пленуме, Луис Корвалан, — новая и высокая ответственность. Его численность, его политическое сознание, уровень развития и прочность его организаций, его ключевые позиции в жизненно важных центрах экономики делают возможным и обязывают его действовать дисциплинированно, по-боевому и творчески, чтобы быть способным оказать решающее влияние на весь ход событий. Правительство, которое возглавляет товарищ Сальвадор Альенде, является прежде всего завоеванием рабочего класса. Его социальный состав и выдвинутая программа делают реальной возможность двигаться к социализму, который положит конец эксплуатации человека человеком. Поэтому есть смысл в том, чтобы рабочий класс в союзе с крестьянством и другими слоями трудящегося населения поддерживал начинания правительства. Выполнение этой роли требует в отдельных случаях изменения образа мыслей и позиции, отказа от аполитичности, экономизма и узкой цеховщины, полного понимания замечательных перспектив, которые открываются в настоящий момент».

Перед рабочим классом встал целый ряд важных задач. Необходимо было добиться классового единства, что в организационном плане должно было выразиться в увеличении числа членов профсоюзов с 35 до 70%, а в идейно-политическом — в росте классового сознания и революционной активности. Рабочему классу предстояло

найти формы и методы установления контроля над производством, научиться участвовать в управлении предприятиями, которые переходили в государственный сектор или под контроль правительства. Наконец, именно рабочий класс как самый сознательный отряд трудящихся был призван проявить инициативу в укреплении широкого единства народных масс в поддержку революции.

Изменения социального законодательства, предложенные правительством, позволяли рабочему движению перестроить организационную структуру, найти новые, более эффективные формы организации. Одновременно коммунисты подчеркивали, что возникавшие в ходе революционного процесса новые формы массовой организации, объединявшие не только рабочий класс, но и другие слои населения, которые выступали в поддержку Народного единства, не должны смешиваться с чисто классовой организацией пролетариата. Так, например, в ходе избирательной кампании по всей стране возникли комитеты Народного единства (КУП), число которых к 1970 году достигло 15 тыс., и некоторые политические круги вне коалиции и внутри нее начали выдвигать эти организации на роль особых революционных органов, призванных не только сменить прежние формы организации, но и стать зародышем новой демократии. Не преуменьшая действительного значения КУП, сыгравших важную роль в достижении победы на президентских выборах, коммунисты разоблачали несостоятельность попыток тех, кто это значение явно пытался преувеличить. Сектантство сторонников превращения КУП в некое подобие Советов в России после Февральской революции состояло в том, что, не понимая действительной сущности Советов в тот исторический период, они переносили на почву Чили и на одну из возникших форм массовой организации роль Советов как органов народной власти. Но КУП не были органами народной власти, а были лишь базовыми организациями Народного единства, коалиции левых сил, победившей с относительным большинством только на президентских выборах в условиях буржуазной демократии, когда «правила игры» полностью сохранялись и большинство народа верило еще в эти правила, когда единственная вооруженная сила — армия поддерживала эти правила (тогда как в России эта сила распалась, демократизировалась, перешла на сторону противников продолжения

империалистической войны, повернула оружие против сторонников ее продолжения и большевики имели на своей стороне часть армии).

КУП можно было охарактеризовать как проводников и пропагандистов идеи создания новой формы единства народных масс в их борьбе за глубокие социально-экономические и политические преобразования, за освобождение от империалистического господства и одновременно как низовые организации Народного единства, потенциально способные укрепить путем ежедневной практики совместных действий единство внутри коалиции.

На Национальной конференции КПЧ, проходившей в октябре 1971 года, партия подвела итоги первого года. В обращении к народу, принятом на конференции, говорилось: «Все, что было сделано правительством до сегодняшнего дня, показывает, что в нашей стране произошло изменение основного направления развития. Проведено революционное преобразование общества в интересах всего народа». Партия разоблачала действия врагов революции и предупреждала, что все слабости и ошибки, совершаемые левыми силами, реакционеры ловко используют. «Враги Чили,— заявили коммунисты,— стремятся сорвать этот процесс, подавить свободы и свергнуть правительство». Но не только империализм готовился покончить с чилийской революцией. Правые партии, пресса монополий разжигали среди обывателей ненависть к Народному единству. Страну лихорадило от экономических диверсий, саботажа, валютных афер. Ультра как справа, так и слева разворачивали террористическую деятельность. «Враг хочет расколоть народ,— предупреждали коммунисты.— Он стремится использовать традиционные противоречия политического характера, столкнуть между собой различные социальные силы. Он прибегает к интригам и обману, спекулирует на любом проявлении сектантства, правых и левых уклонов».

Национальная конференция коммунистов предложила конкретный план действий для того, чтобы справиться с возникшими трудностями: увеличить выпуск продукции, сделать действительным участие трудящихся в руководстве всеми предприятиями государственных учреждений; организовать комиссии по снабжению населения, в которых приняли бы деятельное участие профсоюзы, центры матерей, соседские комитеты, домохозяй-

ки и торговцы каждого района и населенного пункта; создать центры по проведению аграрной реформы; подготовить VI съезд Единого профсоюзного центра трудящихся; усилить бдительность на предприятиях и в учреждениях бытового обслуживания; покончить с бюрократической волокитой и саботажем враждебно настроенных чиновников.

Компартия поставила также задачу усилить пропагандистскую работу средств массовой информации, поддерживавших левые партии. Коммунисты указывали на то, что правая пресса более мобильно и агрессивно действует, чем левая, что она в проводимой ею антиправительственной кампании пересиливает более сдержанную левую печать. «Завоевание власти,— говорил Л. Корвалан,— не происходит по мановению волшебной палочки..., и мы не скрываем, что имеются отставания, например, в средствах массовой информации: прессе, радио, телевидении. В связи с этим существуют две проблемы. Первая заключается в разрыве между политическим представительством Народного единства и средствами его выражения. Этот разрыв должен быть сокращен. Но это не имеет ничего общего с пропагандой только наших идей... Здесь встает вторая проблема: до каких пор можно терпеть распространение ложных слухов, вызывающих панику, до каких пор можно терпеть статьи в прессе, призывающие к экономическому саботажу?»¹⁸.

В условиях координированного наступления реакции внутри страны и империалистических монополий из-за рубежа все очевиднее становилась необходимость широкого массового участия трудящихся и всего народа в процессе революционных преобразований. С самых первых дней народного правительства компартия подчеркивала необходимость развития инициативы масс. Особенно остро эта проблема встала после реорганизации правых сил и частичного перехода их в контрнаступление в начале 1972 года. На Пленуме ЦК КПЧ, состоявшемся в марте 1972 года, коммунисты подчеркивали, что «определенные империалистические круги делают упор на применение плана, направленного против народного правительства и независимости нашей родины... Те, у кого в руках нити заговора, стараются выглядеть борцами за демократию, конституцию и закон... На деле они ищут пути к возвращению утраченных позиций и к защите привилегий, которые они еще незаконно удерживают».

В связи с этим Пленум выдвинул в качестве главных задач левых сил на текущий момент: углубить и расширить революционный процесс; добиться рентабельности общественного сектора экономики; увеличить производство и производительность; наладить экономическое планирование; затормозить развитие инфляции; обеспечить снабжение населения; добиться повышения дисциплины на предприятиях; бороться с бюрократизмом и проявлениями нечестности и халатности в управлении производством и в государственном аппарате. Эти задачи коммунисты выдвигали как задачи масс. «Главное,— говорилось на Пленуме,— заключается в более эффективном и широко вовлечении народа в весь процесс социальных преобразований; в участии трудящихся в управлении предприятиями, в борьбе за производство, в улучшении работы сферы обслуживания и распределения и включении потребителей в борьбу за снабжение и против спекуляции».

По мере осуществления программы Народного единства все большее значение приобретали вопросы управления экономикой. Национализация значительной части промышленных предприятий и банков, а также перераспределение в пользу крестьянства земли выдвигали на первый план управленческие задачи. Необходимо было менять устаревшее оборудование, механизировать сельское хозяйство, обеспечить точное выполнение государственным аппаратом, в котором было много враждебно настроенных по отношению к левым силам чиновников, распоряжений правительства. Решить все эти задачи могло только массовое участие всех трудящихся в выполнении революционных задач на каждом участке народного хозяйства. «Главная установка, — говорил Л. Корвалан на Пленуме ЦК КПЧ,— заключается в том, чтобы бросить всю партию сверху донизу на борьбу за выполнение конкретных задач чилийской революции и вместе с другими партиями Народного единства работать для того, чтобы рабочий класс, все трудящиеся, весь народ активно включились в эту борьбу».

Пленум показал, что коммунисты добились больших успехов: на многих предприятиях были созданы комитеты, наблюдавшие за ходом работы на предприятиях и решавшие проблемы снабжения населения. Такие же комитеты были созданы на уровне районов и провинций. «Однако так было не повсюду, — отметил Пленум. —

А речь идет о том, чтобы повсеместно партия, ее районные и местные руководящие органы постоянно думали об этих вопросах, ибо они составляют сегодня один из главных фронтов революционной борьбы...» Пленум указал на те сектапские ошибки, которые имели место на некоторых участках, на попытки администрирования или понижения роли профсоюзов, которые, как подчеркнули коммунисты, призваны играть ведущую роль в мобилизации трудящихся.

Пленум заявил о необходимости выработать «новый стиль управления», «открыть все двери, создать всевозможные каналы для участия трудящихся, чтобы они активно действовали в разрешении своих проблем, чтобы они почувствовали, что положение действительно изменилось, и сегодня они работают не только ради хлеба насущного, но и содействуют общему прогрессу страны. Речь идет о том..., чтобы открыть путь новым производственным отношениям, создать новую трудовую дисциплину...»

Вопрос, который выдвинула КПЧ на повестку дня, был чрезвычайно актуальным. Многие увлеклись деятельностью по перестройке общества и, встречая непонимание или неверие в рядах трудящихся, вместо настойчивого убеждения и разъяснения целей политики народного правительства применяли бюрократические методы решения проблем. И хотя коммунисты на Пленуме говорили только о собственных ошибках и недостатках, их самокритика имела прямое отношение ко всем партиям блока, а особенно касалась тех его участников, которые все более впадали в разного рода отклонения от последовательного выполнения программы, в правый и левый уклон, экономизм, авангардизм, совершенно отходя от работы с массами, что на деле являлось самым настоящим капитулянтством.

Эти капитулянтские тенденции выразились в первую очередь в выходе из Народного единства части радикалов, перешедших в оппозицию правительству, а также в захвате ряда мелких и средних предприятий в промышленности и не подлежащих реформе имений в сельском хозяйстве.

Народное единство и правительство проводили невиданные в Чили по глубине и революционности преобразования, на глазах менявшие социально-экономический облик страны. Эти преобразования отвечали нуждам

огромного большинства населения. Однако завоевание масс на сторону левых сил шло относительно медленными темпами. Выступая на мартовском Пленуме ЦК КПЧ, Л. Корвалан говорил: «Ясно, что нет должного соответствия между революционными преобразованиями, проводимыми правительством, между его политикой, направленной на удовлетворение интересов народа, и политической поддержкой, которой правительство располагает... Причины этого явления различны. Они связаны с ошибками сектантского порядка.., с отсутствием настоящего и полного участия народа в решении всех задач и на всех уровнях, а также с нашими слабостями в идеологической и политической борьбе против классового врага и ультра, которые ему помогают».

Коммунисты выделяли два рода проблем, порождавших такое положение. Первый был связан с тем, что буржуазия и проимпериалистические круги располагали еще обширными финансовыми ресурсами, мощными органами массовой информации, политической властью. Используя свои позиции, реакция могла воздействовать на массы, искажая подлинный смысл мероприятий правительства. Так, в начале 1972 года газета «Меркурио» опубликовала серию фальшивок, стремясь обвинить коммунистов в подрывной деятельности в армии.

Возникновению другого рода проблем способствовали недостатки в деятельности самих левых сил. «Правительство и Народное единство,— говорил Л. Корвалан,— не используют лучшим образом средства, которыми они располагают... Правительственная пресса слаба, и в некоторых случаях ею занимаются люди неспособные, равнодушные... Они с презрением относятся к деятельности народа, к усилиям трудящихся на производстве, к славным свершениям молодежи в добровольном труде и ко всему новому и творческому, что существует и возникает в борьбе за новое общество. Более того, имеются такие центры распространения, как предприятие «Киманту», принадлежащее государству, где руководящие посты используются во зло, где доходят до такой крайности, что издают книги вопреки мнению нашей партии и явно враждебные такой дружественной нам стране, как Советский Союз».

Новые задачи, которые встали перед страной, показали, что не только специалисты, подготовленные на потребу иностранных монополий, не способны с ними спра-

виться, но и активисты левых сил часто оказывались неподготовленными к новой ситуации. Там, где нужно было решать конкретные проблемы, связанные с производством в промышленности или сельском хозяйстве, в сфере распределения, с необходимостью разъяснить трудности со снабжением или ответить должным образом на очередную фальшивку реакции, у местных руководителей, да и не только местных, не хватало аргументов, знания вопроса. Между политическими партиями и организациями Народного единства недоставало координации, согласованности действий. Поэтому КПЧ ставила вопрос о необходимости учиться и подготавливаться к тому новому, что возникает по мере развития революционного процесса.

Вопрос стоял о том, что нельзя уходить от проблем, какими бы трудными они ни были; чаще всего именно отказ от решения той или иной проблемы, неспособность решить ее порождают лево- или правооппортунистический уклон. Оппортунизм в создавшихся условиях проявлялся именно в отходе от решения главных и конкретных — «мелких» — задач. Л. Корвалан говорил: «Надо объяснять причины тех или иных нарушений в системе снабжения и указывать народу пути их преодоления. Это требует от каждого революционера умения разбираться в этих вопросах, знать их досконально, быть вооруженным аргументацией, достаточной для того, чтобы убедить людей...».

Фактически основной сутью возникавших проблем было отношение между руководящей силой революции и всеми участвовавшими в ней массами. Коммунистическая партия, ее союзники и передовые отряды рабочего класса понимали задачи революции и видели то, что необходимо было сделать для ее успешного продвижения. Обладая исполнительной властью, они в значительной степени располагали необходимым аппаратом и силой для того, чтобы частично решить задачи путем прямого администрирования. Однако такой путь лишь отдалял массы от правительства. Другой путь был более медленным, но единственно правильным: обеспечить полное и широкое участие трудящихся в каждом шаге революции; и успех, и поражение в таком случае в одинаковой степени стали бы революционной школой масс, их собственным успехом или поражением. Это не означало, что весь процесс должен быть пущен на самотек,

наоборот, его надо направить на активную работу с массами, разъяснение им смысла каждого шага, его подлинного содержания.

«Наша обязанность, — указывалось на мартовском Пленуме ЦК КПЧ, — политически воспитывать, направлять и руководить рабочим классом, а не впадать в оппортунизм; быть авангардом означает стремиться поднять сознание трудящихся масс до уровня сознания членов партии и не быть сбитым стихийностью на ошибочные позиции».

Компартия выступила против стихийности и неподготовленности наступления на позиции реакции. Она резко осудила деятельность ультралевых, которые стремились, используя незрелые в политическом отношении слои населения, создать так называемую левую оппозицию правительству. «По нашему мнению, — заявил по этому поводу Л. Корвалан, — главное — это идеологическая борьба против позиций ультралевых, наносящих вред правительству Народного единства. Прошлый опыт показал, что эта борьба была необходима и полезна. Необходимость и польза ее остаются злободневными также и сегодня». Некоторые партии Народного единства не считали актуальной и первостепенной задачу идеологической и политической борьбы против ультралевизны, полагая, что свою деятельность ультралевые направляли против общего врага — монополий и реакции. Они не видели, что эта деятельность не протекала в общем русле борьбы революционных и антиимпериалистических сил, а была направлена против стратегии этих сил и таким образом шла вразрез с их политикой, нанося удар единству. В этом сказывалось непонимание частью организаций левой коалиции содержания единства демократических и антиимпериалистических сил, которое они продолжали рассматривать как временное соглашение, а союзников в борьбе за социализм как «временных попутчиков». Из этих ошибочных положений и проистекали неверная оценка и примиренческое отношение к ультралевым, которых некоторые были склонны рассматривать как союзников «в ближайшем будущем», когда начнется «настоящее» строительство социализма.

Мощное демократическое и антиимпериалистическое движение в Чили, опиравшееся на профсоюзное единство рабочего класса, охватило массы трудящихся, средних слоев, интеллигенции, крестьянства, часть которых не

вполне сознательно участвовала в революционном процессе, часто подключалась к нему под воздействием эмоций или солидаризировалась с ним по одному или нескольким программным пунктам, не осознавая всего комплекса целей и задач. Отсюда неустойчивость этих слоев населения в периоды спада, неудач, поражений. Именно в трудные для революционного движения моменты от революционных партий откалывались небольшие группки, которые использовали свои формы организации и воздействия на неустойчивые в политическом и идеологическом отношении слои населения.

Некоторые из этих организаций и течений называли себя марксистскими, некоторые — католическими революционными, некоторые — революционными «беспартийными». Различалась и тактика борьбы, выдвигавшаяся этими группами. Одни считали путь вооруженной борьбы единственно возможным в чилийских условиях. Другие отказывались действовать совместно с существующими в стране революционными партиями, обвиняя их в оппортунизме и призывая создать новую, «подлинно революционную» организацию. Предварительным условием создания такой организации являлся переход на революционные позиции подавляющей части трудящихся под руководством новой, не Коммунистической и не Социалистической (и вообще ни одной из существующих), партии. Третьи фактически находились на позициях анархизма и анархо-синдикализма, иногда испытывали влияние маркузианства в местной интерпретации. Общим для всех этих направлений было отрицание руководящей роли Коммунистической партии Чили в революционном процессе и гегемонистские устремления.

В условиях сложной идеологической борьбы, развивавшейся в Чили, где имелись большие массы мелкобуржуазных слоев, попытались развернуть свою деятельность различные троцкистские группировки.

Напряженной борьбой против троцкистов и анархистов отмечена история Единого профсоюзного центра трудящихся Чили. В 1953 году на учредительном съезде КУТ анархисты и троцкисты получили около 12% голосов делегатов съезда. В последующие годы влияние анархистов резко падает и фактически сходит на нет на IV съезде КУТ в 1965 году. Троцкисты продолжали пользоваться небольшой, но довольно устойчивой поддержкой примерно 1% делегатов съезда. Выступая еди-

ным фронтом против Коммунистической партии, они проводили политику «энтризма» (проникновения) в другие политические партии и организации страны, в первую очередь в Социалистическую партию, Движение единого народного действия (МАПУ), Левую христианскую партию и МИР. Серьезные усилия они прилагали также для проникновения в профсоюзы и студенческие организации. Провокационная деятельность троцкистских групп приводила к расшатыванию внутривластной дисциплины, фракционности, расколам. Так, в результате выступления троцкистских групп в МАПУ в мае 1972 года эта партия пережила глубокий кризис, приведший в конце 1972 года к расколу. «Заслугой» этих групп явилось и раскольническое выступление в Консепсьоне в мае 1972 года. Троцкисты предпринимали грубые атаки против правительства Народного единства, называя его буржуазно-реформистским и характеризуя его как «сознательно контрреволюционное правительство, сформированное для того, чтобы не допустить слома буржуазного государства». Используя свои международные связи, троцкисты пытались опорочить Народное единство в глазах мирового общественного мнения.

Хотя троцкисты имели в Чили несколько своих организаций (Революционная рабочая партия, Бандера роха, Америка роха, Революционная марксистская организация, Коммунистическая лига Чили и др.), их политическая и организационная слабость, а также отсутствие социальной опоры вынуждали использовать для расширения своего влияния уже имевшиеся организации, мелкобуржуазные в своей основе. Особым покровительством троцкистов пользовался МИР и его Фронт революционных трудящихся (ФТР), который ультралевые пытались противопоставить Единому профсоюзному центру трудящихся Чили. Уже на первом своем съезде в ноябре 1971 года ФТР выступил против участия КУТ в разработках и решениях правительства. Идеологом создания «революционного фронта», то есть сектантской организации в противовес Народному единству, был известный в Латинской Америке троцкист Луис Витале. Троцкисты составляли таким образом основу ультралевизны в Чили. Они предлагали разрозненным и противоречивым левацким течениям некое подобие «общей идеологической платформы», несмотря на отличавшую ее эклектичность, грубый схематизм, метафизичность.

Революционная рабочая партия — чилийская секция IV Интернационала — в отличие от других троцкистских групп на словах поддерживала правительство С. Альенде. Однако на деле она проводила ту же сектантскую и раскольническую политику. Революционная рабочая партия выступала за «окончательную ликвидацию капитализма», за создание «рабочего государства» в Чили. С этой целью, по мнению ее руководителей, нужно было полностью и без компенсации национализировать все частные предприятия, отказаться от уплаты внешнего долга, экспроприировать без возмещения земельные угодья размером свыше 40 га, провести огосударствление внешней торговли, передать всю власть на местах крестьянским и рабочим советам, распустить парламент и заменить его народной ассамблеей, создать по всей стране комитеты защиты революции. Эти требования в условиях Чили представляли собой все тот же авангардизм, лишенный всякого понимания реального положения в стране и расстановки классовых сил, и их выдвижение объективно означало провокацию против единства революционных и антиимпериалистических сил, играло на руку реакции и путчистам.

Характерной особенностью троцкизма в Чили было его искусственное насаждение. Если мелкобуржуазный революционизм, ультралевые уклоны рождались из национальной социально-экономической структуры чилийского общества и отражали нетерпение значительных масс обездоленных людей, чье политическое сознание находилось на относительно низком уровне, то идеологическая и политическая платформа троцкизма была антиреволюционной и враждебной пролетариату и лишь маскировалась ультралевой фразеологией. «Современные троцкистские «герои на час» ведут борьбу против мирового социализма, коммунистических и рабочих партий, против единства всех антиимпериалистических сил. И эту их деятельность буржуазия охотно использует в своих интересах. В этом — главная опасность и главный вред современного троцкизма»¹⁹. В данном случае речь идет не об искренне заблуждающихся людях, а об опытном и изворотливом политическом противнике рабочего класса и его партий. Даже в тех случаях, когда отдельные троцкистские организации присоединяются к революционному движению, они ведут в нем раскольническую деятельность.

Важной чертой троцкистской тактики в Чили являлся широкий социально-политический диапазон деятельности: профсоюзные и массовые организации, националистические группировки (особенно те, из них, которые проповедовали так называемый региональный, или латиноамериканский, социализм), социал-христианские течения. Все они становились объектом внимания троцкистов.

Основным элементом стратегии троцкистов был и остается подрыв единства демократических и антиимпериалистических сил, устранение коммунистов от руководства рабочим классом и создание «революционного фронта», то есть параллельной сектантской организации.

Упор троцкистов на новые формы массовой организации, поиски и выдумывание этих новых форм отражают отсутствие у них подлинной социальной базы, являются следствием усилившегося влияния Коммунистической партии, которое уже не оставляет «щелей» и «лазеек», необходимых для существования троцкизма.

Раскольническая деятельность в народном движении не ограничивалась одними троцкистами. Здесь действовали также другие группы, называвшие себя марксистскими и занимавшие сектантские позиции в революционном движении. К ним относилось, например, Левое революционное движение, которое организационно оформилось в 1965—1967 годах.

В ноябре 1971 года МИР выступило против основных положений программы Народного единства и выдвинуло в противовес ей собственную программу. Поводом для выступления было заявление министра внутренних дел, осуждающее незаконные захваты земель, проводившиеся под руководством МИР. Генеральный секретарь МИР М. Энрикес обвинил «самые неустойчивые круги» Народного единства в сговоре с помещиками, а правительство — в развязывании репрессий против трудящихся и в том, что оно не представило своего проекта аграрной реформы, а ограничилось реализацией демохристианского проекта. МИР было намерено добиваться роспуска парламента и создания ассамблеи народа. Несмотря на серьезные разногласия с Народным единством, МИР все же не считало, что оно должно идти на окончательный с ним разрыв.

Но на практике все чаще оказывалось, что острие своей атаки «миристы» направляли против Коммунистической партии. М. Энрикес заявлял о поражении «стра-

тегической политической линии.., являющейся в первую очередь линией КПЧ...» Луис Корвалан писал, что без идеологической и политической борьбы против МИР коммунисты «не смогли бы добиться народной победы в 1970 году»²⁰.

«В то время как трудящиеся сосредоточивают свое внимание и усилия на выполнении подлинно революционных задач текущего момента, — говорил он, выступая на Пленуме ЦК КПЧ в августе 1972 года, — Левое революционное движение впадает в инфантилизм, способствуя организации карикатурных народных ассамблей, которые лишь вносят сумятицу и сбивают с толку трудящихся... Опыт нашей страны и международный опыт говорят о той объективно контрреволюционной роли, которую играют ультралевые, и о частом проникновении в их ряды агентов ЦРУ. Этот опыт свидетельствует о том, что антикоммунизм — знамя империализма и реакции, которое используется для того, чтобы расколоть народ. Примыкая к антикоммунистам, МИР играет на руку правым, врагам правительства и чилийской революции».

Коммунисты делали упор на конкретные жизненные задачи революции: углубление социально-экономических преобразований и организацию управления новых секторов экономики; укрепление контроля рабочих над предприятиями; упрочение союза левых партий, прежде всего коммунистов и социалистов. «Несмотря на провокации, — говорил Л. Корвалан, — мы не теряем и не потеряем из виду ни наших главных врагов, ни конкретных, конструктивных задач революции». Коммунистическая партия Чили в своем обращении от 11 октября 1973 г. отмечала: «Очень серьезный ущерб работе правительства Народного единства нанесли деятельность левацких элементов и реформистские тенденции». Действия лево- и правооппортунистических сил способствовали переходу мелкобуржуазных слоев в лагерь правой оппозиции, сужали социальную базу Народного единства.

Чили переживала антиимпериалистический, антиолигархический, демократический этап революции. Успешное осуществление этого этапа открыло бы перспективу социалистического строительства. Руководители Народного единства понимали, что для осуществления поставленных задач необходимо наличие широкого союза демократических и антиимпериалистических сил. В условиях Чили особое значение имело достижение союза между рабочим

классом как главной движущей силой революции и средними слоями, которые составляют 38% экономически активного населения страны. В течение первого года существования правительства Народного единства средние слои поддерживали его или занимали нейтральные позиции. Это особенно важно в связи с тем, что подобных позиций придерживалась и часть офицерского корпуса чилийских вооруженных сил. После убийства генерала Р. Шнейдера армию возглавил генерал Карлос Пратс, сторонник «доктрины Шнейдера», заключавшейся в том, что вооруженные силы не должны вмешиваться в политическую жизнь и призваны охранять законность, конституцию, выполнять волю народа.

Реакция придавала большое значение роли средних слоев и армии в политической жизни страны и делала на них главную ставку. Крупная буржуазия и латифундисты при поддержке иностранных монополий, используя оставшиеся в их руках мощные рычаги экономической власти, искусственно создавали в стране нехватку тех или иных товаров, способствовали развитию «черного» рынка. Им удалось подчинить своему влиянию ряд федераций мелких и средних предпринимателей. Спекулируя на трудностях в снабжении, реакционеры через контролируемые ими средства массовой информации во всем обвиняли правительство Народного единства. К сентябрю 1972 года реакция, надеясь на то, что экономические трудности создали необходимые условия для выступления, готовила государственный переворот, не последняя роль в осуществлении которого отводилась военным. Однако правительство своевременно разоблачило «сентябрьский план»; с документами и материалами этого плана были детально ознакомлены руководители вооруженных сил. Армия, во главе которой стояли в тот момент демократически настроенные офицеры, не поддержала заговорщиков.

В первой половине 1972 года в ходе выборов руководства Единого профсоюзного центра трудящихся, проходивших в обстановке острой политической борьбы, реакции удалось спровоцировать несколько забастовок, самые крупные из которых произошли на предприятиях медно-рудной промышленности в Чукикамате, Эксотике, Антофагасте. Христианские демократы и ультраправые призывали трудящихся требовать от правительства все нового и нового повышения заработной платы. ХДП выдвинула лозунг создания так называемых «народных предприятий»,

которые принадлежали бы не государству, а коллективам трудящихся. Этот лозунг нашел поддержку среди части рабочего класса. Рост инфляции, нехватка определенных товаров, саботаж торговцев и предпринимателей также способствовали усилению влияния христианских демократов среди членов профсоюзов, хотя большинство рабочих, поддерживавших ХДП, продолжали выступать за глубокие социально-экономические преобразования, за демократию и социализм, требовали от руководства партии порвать с реакцией. Эта позиция рабочих отчетливо проявилась и во время октябрьских событий 1972 года.

Октябрьские события с самого начала приняли острый классовый характер. 9 октября владельцы грузовиков на юге страны объявили забастовку, требуя отмены решения правительства о создании государственной транспортной компании. Под нажимом руководства правых профсоюзов и владельцев грузовиков в забастовку включалось большинство шоферов и торговцев. Вызванные забастовкой беспорядки заставили правительство ввести чрезвычайное положение в двух провинциях на юге. Призывы правых организаций поддержать забастовку привели к распространению саботажа, диверсий, обострению обстановки. 12 октября чрезвычайное положение было распространено на десять провинций, 17 октября — на 24 из 25 провинций Чили.

Именно в этот момент империалисты предприняли очередное наступление на экономические позиции чилийского государства. В середине октября 1972 года по требованию американской компании «Кеннекотт», владевшей ранее медными рудниками в Чили, в ряде европейских стран было наложено эмбарго на партии чилийской меди, поставляемой в соответствии с заключенными контрактами. Империалисты отказались предоставлять традиционные кредиты. Чилийская реакция воспользовалась этими обстоятельствами: 18 октября 1972 г. оппозиционные партии призвали своих сторонников к всеобщей забастовке. Помимо транспортников и торговцев, забастовали врачи, адвокаты, инженеры, пилоты гражданской авиации, то есть те категории населения, к руководству профессиональными объединениями которых пришли к тому времени реакционные деятели, близкие к Национальной партии и правому крылу ХДП.

Организации, поддержавшие забастовку, создали руководящий центр «Командо насьональ», который предъ-

явил правительству целый список требований, свидетельствовавших о политической направленности забастовочного движения: возратить владельцам предприятия, находившиеся под контролем государства; утвердить конституционную реформу, запрещающую экспроприацию предприятий без санкции конгресса; упразднить народные комитеты обеспечения, созданные для борьбы со спекуляцией; снять цензуру со 155 частных радиостанций, установленную военными властями после введения чрезвычайного положения, и т. д. Кульминационным пунктом октябрьских событий было выдвижение Национальной партией 19 октября обвинения против президента республики в нарушении конституции. Если бы $\frac{2}{3}$ членов конгресса поддержали это обвинение, президент должен был бы уйти со своего поста. Однако ХДП отказалась поддержать обвинение. Реакция пыталась также спровоцировать выступление армии против правительства. Но генерал К. Пратс в письме сенату сообщил о своей лояльности по отношению к избранному правительству.

Рабочий класс страны в целом не поддержал забастовочного движения, принявшего по мере его развития ярко выраженный реакционный политический характер. Даже в самых худших случаях, например в провинции Курико, работу прекратили только 2,5% рабочих. 40 тыс. рабочих и студентов вызвались заменить бастовавших на рабочих местах. Действия заговорщиков не нашли поддержки среди основной массы крестьянства, студенчества, деятелей церкви.

Широкая поддержка правительства С. Альенде со стороны чилийского народа вызвала известные разногласия в кругах христианской демократии: в то время как Э. Фрей допускал резкие выпады против правительства и левых партий, Р. Томич призывал «не терять голову», считая, что «если события повлекут за собой институционный разрыв», это приведет к «необходимости навязывать стране порядок и дисциплину железной рукой». В конце октября забастовка пошла на спад. Генерал Пратс, назначенный министром внутренних дел, заявил о намерении правительства принять меры в отношении мятежников, угрожавших продолжать забастовку в провинции Курико. Оценивая результаты столкновения сил реакции и сил революции в октябре 1972 года, Генеральный секретарь КПЧ Л. Корвалан заявил: «Народное единство вышло окрепшим из недавнего испытания».

После октября 1972 года реакция не отказалась от свержения правительства Народного единства, но временно изменила тактику. Правые силы надеялись, что в результате предстоящих в марте 1973 года выборов в конгресс позиции Народного единства будут ослаблены и удастся добиться смещения правительства конституционным путем. В связи с этим велась усиленная обработка избирателей с использованием всех находившихся в руках правых сил средств массовой информации. Получив на выборах свыше 43% всех голосов, Народное единство сорвало планы реакции, продемонстрировав возросшую поддержку своей политики со стороны народных масс, в том числе и со стороны крестьянства, бывшего еще совсем недавно оплотом реакции и клерикалов.

На проходившем в марте 1973 года Пленуме ЦК КПЧ чилийские коммунисты приняли решение о подготовке к XV съезду, созыв которого был намечен на осень. Пленум одобрил тезисы, которые подлежали обсуждению в первичных организациях партии. Отметив, что осуществленные преобразования знаменуют новый этап в развитии страны, партия коммунистов указала: «Наша борьба имеет революционно-патриотический, национальный и интернациональный характер. В общей картине мира она является частью борьбы, которую ведут народы против империализма, за мир, демократию и социализм». Содержанием чилийской революции являлась борьба «за окончательное освобождение от империалистической зависимости, полный национальный суверенитет, за право свободно определять свой образ жизни и систему правления, за прогресс родины и продвижение к социализму, против попыток реакционных кругов и империализма, открыто попиравших конституцию и демократические завоевания народа, развязать гражданскую войну, чтобы помешать дальнейшему продвижению революции; против растущей фашистской опасности». «Нашей первой обязанностью, — говорилось в тезисах, — является защита... правительства любой ценой, чтобы сорвать планы империализма и реакции, направленные на его свержение или ослабление его революционной деятельности». Компартия предупреждала, что «если реакционеры добьются своих целей, они потопят страну в крови, нанесут тяжелейший ущерб нации и постараются свести на нет все завоевания, достигнутые борьбой не одного поколения чилийцев...»²¹.

КПЧ считала, что возможность мирного перехода к со-

циализму «продолжает оставаться в силе». Реальная сила и потенциальные возможности классов и социальных слоев, являвшихся сторонниками перемен, по мнению коммунистов, оставались преобладающими. Народное правительство пользовалось поддержкой огромного большинства рабочего класса и крестьянства, а также части средних слоев. Партия ставила задачу усиления политической и идеологической работы среди рабочих, крестьян и служащих, особенно в тех кругах, где буржуазные партии продолжали сохранять влияние. По мнению коммунистов, необходимо было привлекать к активной работе беспартийных, являющихся сторонниками преобразований, и всемерно укреплять и развивать союз рабочего класса и крестьянства, уделяя больше внимания и оказывая поддержку ремесленникам, мелким предпринимателям в промышленности, сельском хозяйстве и торговле. Партия подчеркивала необходимость делать упор «на классовой политике, которая позволила бы объединить большинство чилийцев на базе их социального положения», что требовало тщательно продуманных шагов «по расширению взаимопонимания между всеми народными слоями, учитывая их социальные интересы». Расширение социальной базы позволило бы ускорить выполнение программы народных сил, завоевать новые позиции в государственной власти и обеспечило бы создание в 1976 году «нового, народного революционного правительства».

Достижение этих целей было возможно лишь в случае все растущего активного участия масс в революционном процессе, в решении каждой из насущных проблем, связанных с работой, жилищной проблемой, здравоохранением, образованием и т. д. Необходимо было также решающее участие масс в борьбе против торговцев и спекулянтов, за расширение общественного и смешанного секторов экономики, за улучшение государственного распределения продуктов, в борьбе против экономического саботажа, кампании клеветы и искажений политики правительства, против бюрократизма в государственных учреждениях.

Таким образом, речь шла о новом важном этапе в развитии революционного процесса: необходимо было сломать начавшееся контрнаступление реакции и перейти в решающее наступление в социально-экономической, политической и идеологической областях. Партия ставила задачу поднять мобилизацию масс на такую высоту, чтобы

враги революции находились постоянно под давлением революционного народа, чтобы правая оппозиция в конгрессе, реакционные судебные чиновники, саботажники в государственном аппарате находились под постоянным огнем критики. «Эта боевая деятельность масс, — считали коммунисты, — должна в конечном счете вылиться в соответствующие преобразования, которые позволили бы государственному аппарату служить делу социальных преобразований».

Коммунисты считали, что последовательная политика Народного единства и правительства ясно показала, что народной коалиции и поддержке правительства «нет никакой другой альтернативы». Они решительно выступили против попыток ультралевых создать левую оппозицию правительству, провозглашенную под демагогическим лозунгом «народной власти», которая на деле была сектантской попыткой вырвать руководство процессом преобразований из рук левых партий и пуститься на авантюры троцкистского толка.

«Народное единство, — указывали коммунисты, — создавалось в открытой борьбе против классового врага и ультралевых позиций. Без этой непримиримой борьбы невозможно было бы добиться победы. Сегодня залогом успеха продвижения вперед является постоянная борьба против главных врагов, идеологическая и политическая борьба против псевдореволюционеров, намеревающихся противопоставить друг другу партии, входящие в Народное единство, и подорвать саму основу правительства, выдвигая в качестве альтернативы ему пресловутую народную власть».

Первостепенной задачей революционных сил являлось укрепление Народного единства, которое пытались подорвать враги чилийской революции. «Грандиозность задачи и ответственность, — подчеркивали коммунисты, — диктуют необходимость большего политического единства...». Не затрагивая особенностей каждой партии, их самостоятельности и независимости, КПЧ настаивала на том, чтобы не только некоторые, но все партии блока прилагали усилия для укрепления единства, чтобы в первую очередь постоянно учитывались и превалировали общие установки и точно выполнялись на всех уровнях совместно принятые левыми партиями решения.

Рабочий класс возложил особую ответственность за осуществление революции на Коммунистическую и Соци-

алистическую партии, партии пролетариата, выступавшие авангардом рабочего класса страны. Отсюда вытекала насущная необходимость укрепления и углубления взаимопонимания между коммунистами и социалистами на всех уровнях. Это взаимопонимание должно было найти свое проявление на всех фронтах борьбы.

Важнейшим из них КПЧ считала экономику. Здесь, по ее мнению, единство левых партий должно было проявиться в едином, централизованном руководстве. Именно экономические проблемы реакция использовала для того, чтобы спровоцировать недовольство народа политикой правительства, вызвать экономический хаос, подорвать позиции правительства и добиться его падения. Единое руководство экономикой, требовало согласованной политики с ясно выраженной классовой ориентацией. Необходимо было наладить планирование производства, обеспечить точное выполнение поставленных задач и строгий учет на каждом производственном предприятии. Борьба за производство все более превращалась в борьбу за производительность, то есть за лучшую организацию работы предприятий, использование механизмов, земель, экономию сырья. Нужны были финансовые накопления для упорядочения политики заработной платы, осуществления эффективных капиталовложений, уменьшения эмиссии денег и ценных бумаг, борьбы с бюджетным дефицитом. КПЧ определила основное направление усилий в области экономики: увеличение производства в меднорудной промышленности и сельском хозяйстве. Именно эти отрасли оставались «узкими местами» в народном хозяйстве. Преодоление трудностей в производстве меди и сельскохозяйственных продуктов дало бы большие возможности для борьбы против империалистической блокады, внутреннего саботажа и валютных затруднений. Компартия подчеркивала решающую роль профсоюзов в выполнении этих задач. «Профсоюзы и профсоюзные руководители, — указывалось в тезисах к XV съезду КПЧ, — совместно с исполнительными органами должны полностью взять на себя руководство промышленными предприятиями».

Профсоюзы Чили с их высокой организацией и боевой классовой позицией, с их большим авторитетом среди трудящихся должны были без проявлений сектантства и бюрократизма взяться за выполнение экономических задач. Никто лучше рабочих и технических специалистов не

мог знать всех возможностей каждого предприятия. «Участие трудящихся, — считала КПЧ, — это прежде всего их участие в разработке планов и их контроль над выполнением этих планов. Это также правильный путь к демократическому руководству производственным процессом». Коммунисты поставили вопрос о необходимости укрепления дисциплины на производстве, без которой невозможно выиграть «битву за производство». Однако это должна быть новая форма дисциплины, основанная не на страхе увольнения и санкций со стороны руководителей производства, «она должна возникнуть из участия во всем процессе производства и основываться на значении того, как идут дела предприятия, на сочетании коллективной и индивидуальной ответственности, личных и общественных интересов». Возникновение авангардистских и капитулянтских настроений, возрождение некоторых экономистских тенденций среди части рабочего класса требовало от партии активных форм борьбы против этих явлений. КПЧ полагала, что активное участие трудящихся в производственном процессе, повышение их ответственности за результаты производства через включение их во все сферы деятельности предприятия, активизация роли профсоюзов в производстве «позволят на деле продвигаться вперед в изменении производственных отношений, избавиться от тенденции экономизма, лучше сочетать заинтересованность трудящихся с развитием предприятия...»

КПЧ предложила ряд конкретных мер для активизации роли трудящихся и профсоюзов в управлении экономикой и поставила перед руководителями рабочего класса на предприятиях следующие задачи: стремиться к всецелому, оптимальному использованию оборудования; направлять капиталовложения прежде всего туда, где они будут содействовать такому использованию машин и механизмов; поддерживать ежедневный контакт с руководством предприятия, техническими специалистами и трудящимися для решения проблем, возникающих в каждой производственной ячейке; внимательно рассматривать предложения трудящихся и отвечать на них в кратчайший срок; проводить постоянный обмен опытом между трудящимися разных отделов и заводов; ввести моральное и материальное стимулирование лучших трудящихся; стремиться к самоокупаемости предприятий путем уменьшения затрат на производство и увеличения производи-

тельности; связывать повышение заработной платы с увеличением производства и повышением производительности; сделать обязательным выполнение решений и ввести соответствующие санкции по отношению к тем, кто их не выполняет; сделать обязательным отчет управления предприятием перед вышестоящими организациями и перед собранием трудящихся.

Предлагая эти мероприятия, КПЧ использовала опыт тех заводов и фабрик, где такой порядок уже действовал и приносил положительные и ощутимые результаты.

Коммунисты рассматривали борьбу за налаживание экономики как часть главной борьбы — борьбы за всю полноту власти. Только через фронтальное, общее наступление на позиции реакции и монополий это завоевание власти было единственно возможным. Победа на экономическом фронте в тот момент выдвигалась в качестве первоочередной задачи.

Особенностью революционного процесса в Чили было то, что инструментом перестройки общества на первом этапе был буржуазный бюрократический аппарат, который по самой своей сущности не был предназначен и приспособлен для радикальной перестройки общества. КПЧ ставила задачу замены этого аппарата, но подчеркивала, что «достижение этой цели не связано с созданием власти, которая явилась бы альтернативой нынешнему правительству, — оно связано с усилением последнего. Достижение этой цели связано также с созданием новых производственных отношений, с борьбой против бюрократии, с деятельностью различных народных организаций, которые сделали бы более динамичными звенья государственного аппарата или взяли бы на себя выполнение задач, которые этот аппарат не способен выполнить».

КПЧ поощряла и поддерживала всякую инициативу масс, связанную с созданием новых форм организации, направленных на решение конкретных задач революции, таких как хунты по снабжению, крестьянские советы и комитеты, районные комитеты, жилищные и соседские центры, хунты матерей. Эти организации должны были находить пути для координации своей деятельности с Единым профсоюзным центром, не заменяя его или другие массовые организации и не создавая параллельных органов организаций трудящихся, как это пытались сделать ультралевые и троцкисты. Компартия поддержала

также и создание промышленных кордонов, указав, что они должны играть роль первичных организаций КУТ, а не параллельных и конкурирующих органов.

Наряду с обновлением чилийского общества в социально-экономическом и политическом планах КПЧ выдвигала задачу создания возможностей для подлинной революции в области культуры, которая способствовала бы выработке нового сознания и открыла бы всему народу путь к образованию, науке, технике и искусству. Осуществление этой цели требовало перестройки всей системы образования в стране. По замыслу коммунистов и эта задача должна была решаться самими народными массами, путем широкой демократической дискуссии, с учетом интересов различных социальных слоев чилийского общества.

Компартия Чили считала, что, несмотря на большие достижения революции, программа Народного единства не была еще полностью выполнена. В связи с этим, указывалось в тезисах к XV съезду КПЧ, «стратегическая линия партии, содержащаяся в ее Программе и определяющая чилийскую революцию как антиимпериалистическую, антиолигархическую, с социалистической перспективой.., продолжает оставаться генеральной...» В то же время, указывала КПЧ, «успехи, достигнутые в преобразовании экономической структуры, открывают путь к новым производственным отношениям и ставят вопрос о необходимости обеспечить переход к социализму. Этот переход возможен при условии утверждения руководящей роли рабочего класса в жизни страны».

Эскалация контрреволюции

В борьбе чилийской реакции против правительства Народного единства выделялись две основные тенденции. Сторонники одной из них делали ставку на немедленное свержение правительства С. Альенде путем организации переворота с помощью фашистских военизированных групп и реакционно настроенных офицеров. Их поддерживали империалистические компании типа «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорэйшн» (ИТТ)¹. Другое направление в лагере реакции, понимая, что народные силы способны дать сокрушительный отпор такому «верхушечному» выступлению, намеревалось постепенно подрывать позиции правительства, чтобы затем ударить наверняка. Его представители делали ставку на организацию массового антиправительственного движения. По мере развития событий точки зрения обоих направлений сближались и они начали объединять свои действия. Политически это выразилось в координации деятельности Национальной партии, правого крыла ХДП, организации «Патриа и либертад», монополистических корпораций, мелких и средних предпринимателей и торговцев. Они и составили социальную базу контрреволюционного заговора.

Принципиальное соглашение между всеми этими силами было заключено 4 марта 1972 г. на совещании лидеров разнообразных организаций и течений правого толка, состоявшемся в местечке Чиньиуэ. Это совещание получило название «заговор майсового пирога», так как оно состоялось на ферме известного руководителя правых Серхио Сильвы Баскуньяна. От корпораций на совещании присутствовали председатель Общества промышленного развития (СОФОФА) Орландо Саэнс и Доминго Артеага, председатель Конфедерации производства и

торговли Хорхе Фонтен, председатель Национальной конфедерации профсоюзов сельскохозяйственных управляющих Мануэль Вальдес, председатель Коллегии инженеров Эдуардо Ариагада и председатель Коллегии адвокатов Алехандро Сильва Баскуньян.

От государственных институтов, контролируемых реакцией, присутствовали председатель Верховного суда Хосе Мариа Эйсагирре, председатель сената Патрисио Айлвин. ХДП была представлена бывшими министрами в правительстве Э. Фрея — Вильямом Тайером, Максимо Пачеко, Андресом Сальдиваром и Хайме Кастильо Веласко. От церкви присутствовали священники Хосе Мигель Ибаньес Ланглоис и Эдуардо Лекур, от «Патриа и либертад» — ее идеолог Хайме Гусман, от «Опус деи» — его председатель в Чили и бывший министр в правительстве Х. Алессандри — Хулио Филиппи. Собравшиеся заявили, что «пришло время действовать решительно и смело».² На этом совещании руководителей антиправительственных сил был утвержден план действий, который должен был привести к свержению законного президента страны. План включал комплекс мер, направленных на подрыв экономического положения, с тем чтобы вызвать широкое недовольство в стране политикой правительства. Он предусматривал объединение мелких и средних предпринимателей вокруг корпораций, с тем чтобы организовать общенациональное выступление против правительства. На случай неудачи силы крайней реакции и наиболее «нетерпеливые» из участников заговора одновременно и втайне от остальных готовили вооруженное выступление против правительства. Об этом был осведомлен генерал Пиночет.

Хотя правые христианские демократы во главе с Э. Фреем видели себя лидерами всей оппозиции, а остальные противники правительства позволяли им тешить себя этими иллюзиями, ведущей силой заговора стали корпорации крупных предпринимателей, объединенные в Конфедерацию производства и торговли. В нее входили пять главных ассоциаций промышленников и сельскохозяйственных магнатов: Национальное сельскохозяйственное общество (СНА), Общество промышленного развития, Национальное горнорудное общество, Центральная торговая палата и Строительная палата. Характерной чертой их являлась тесная связь с империалистическими компаниями.

Корпорации в отличие от правых политических партий, вынужденных учитывать настроение масс, в большей степени выражали интересы крупной буржуазии и основных кланов финансовой и монополистической олигархии. Поэтому они становились «мозговым центром» войны, которую вели эти группы против правительства Народного единства.

В Чили в силу определенных исторических условий степень концентрации экономической власти и капиталов очень высока. Фактически вся экономика страны находилась в руках нескольких семейных кланов. Среди них наиболее крупным является клан Эдвардса, чьи интересы представлены в угольной и металлургической промышленности, производстве электроэнергии и деревообрабатывающей промышленности, химической, стекольной, пивоваренной, мебельной и других отраслях промышленности. В распоряжении этой группы находились мощные органы массовой информации: газетный трест, радиостанции, издательства. Глава этого клана был руководителем группы «Действие ради развития», объединявшей молодых экономистов-технократов, выпускников американских университетов. После победы Народного единства он предпочел руководить своим «хозяйством» из США, где занял пост вице-президента одной из крупных американских компаний, владельцем значительного пакета акций которой он являлся. Другим не менее мощным финансово-промышленным кланом страны была группа Матте-Алессандри, которая в 1970 году прямо вступила в контакт с ИТТ и ЦРУ с целью свержения правительства Сальвадора Альенде. Многие руководители СНА входили в руководство СОФОФА и наоборот. Связи между промышленными, финансовыми и латифундистскими кругами стали очень тесными и во многих случаях родственными.

Еще при правительстве Э. Фрея корпорации начали определять собственную политическую линию и в целом враждебно встретили реформы ХДП, особенно аграрную реформу и принятие нового социального законодательства, которое облегчило создание профсоюзов и других массовых организаций трудящихся. Новые формы организаций в городе и деревне, а также рост влияния партий рабочего класса привели к тому, что корпорации вынуждены были искать новые методы контроля над страной. Возникла так называемая «линия масс», состоявшая в

том, что корпорации способствовали объединению наиболее связанных с капитализмом категорий населения: управляющих, высших служащих, адвокатов, мелких и средних предпринимателей и торговцев. 12 июля 1967 г. США создало Конфедерацию профсоюзов сельскохозяйственных управляющих, куда входила и Федерация сельскохозяйственных кооперативов. Вместе с созданным еще в 1962 году Аграрным концерном юга эти организации составляли массовую базу США. Кроме них в США вошли 12 ассоциаций сельских предпринимателей, 11 обществ и 4 корпорации. Изменилась основная социально-политическая направленность США: вместо ориентации на латифундистов оно стало ориентироваться на крупный капиталистический сектор в сельском хозяйстве, выступая с демагогической защитой всех сельских хозяев с пропагандистским упором на «хорошего хозяина». Возникла так называемая обновленческая тенденция внутри США, представители которой заявили о разрыве с политическими партиями и начали проводить линию на создание «независимого корпоративного движения». США превратилось постепенно в главного и наиболее сильного врага аграрной реформы. Его действия принимали новый характер: прямые выступления руководимых ею крестьян против чиновников Корпорации аграрной реформы (КОРА) вплоть до убийства некоторых из них, забастовки, саботаж, вооруженная охрана поместий, подлежащих реформе, и т. д. Однако на словах руководители США не выступали против реформы. Один из его лидеров так сформулировал точку зрения землевладельцев: «Мы — за рациональную и плодотворную реформу. Реформа Фрея не такова. Мы должны делать все, чтобы быть в состоянии конкурировать с нашими соседями — аргентинцами и уругвайцами». За такого рода подходом к проблеме явно ощущалась его классовая сущность. Он был типичен для всех корпораций, выступивших против Народного единства и ставших главной силой реакции.

Внешним проявлением этих позиций было объединение сельских предпринимателей в национальном масштабе и опора на массы, выдвижение во главу угла не принципа «перераспределение земельной собственности», а принципа «эффективное хозяйство или неэффективное», упор на модернизацию сельского хозяйства с ориентацией на экспорт, провозглашение аполитичного характера движения.

Новые задачи потребовали нового руководства и перестройки структуры СНА. В 1965 году председателем общества был избран Луис Ларраин Марин, не имевший прямых связей с либеральной или консервативной партиями, традиционно представлявшими интересы латифундистов. Он должен был вести диалог с фреистами, навязывая правительству точку зрения корпорации на аграрную реформу. Началась перестройка латифундий на капиталистический лад и превращение их в рентабельные хозяйства, с тем чтобы противостоять аграрной реформе. Это сопровождалось ускоренной продажей пустовавших земель и перераспределением латифундий с целью получения формальных оснований для уклонения от выполнения требований аграрной реформы. Частично эти цели достигались также благодаря существовавшему взаимопониманию со многими министрами и высшими чиновниками демохристианского правительства.

Таким образом формирование чилийской разновидности корпоративизма началось в середине 60-х годов. В годы правления Фрея СНА открыло двери для средних предпринимателей, стремясь таким образом расширить свою социальную базу. Побеждала точка зрения технократов, требовавших согласиться с необходимостью на свой лад изменить структуру в сельском хозяйстве и промышленности.

На первых порах основные требования корпораций ограничивались сферой экономики. Корпорации выдвинули задачу «восстановить первенствующее положение экономики по отношению к политике», осуществить «модернизацию на основе технических, а не политических норм». В отношении аграрной реформы корпорации заявили: «Единственное мыслимое участие крестьян в реформе — это участие в прибылях». Чтобы бороться с попытками навязать «политическое решение», корпорации призывали создать единый фронт на основе «общности занятий и интересов». «Мы чувствуем себя полностью солидарными с теми, — заявило СНА, — кто так или иначе связан с землей, будь это сельскохозяйственные рабочие, собственники-землевладельцы, фермеры или члены кооперативов».

Избранный председателем СНА в 1969 году Бенхамин Матте продолжал политику своего предшественника. Он принадлежал к новому поколению технократов американской школы, которые в конце 60 — начале 70-х годов

сменили прежних руководителей практически во всех корпорациях предпринимателей.

Подобную же эволюцию претерпело в те годы и СОФОФА, во главе которого стал молодой инженер-технократ Орландо Саэнс, превратившийся благодаря своим воинственным антиправительственным выступлениям в идеолога чилийского корпоративизма (после переворота был назначен экономическим советником военной хунты).

В мае 1972 года, выступая на заседании руководства СОФОФА, он заявил: «Невозможно требовать экономического развития системы, если каждые шесть лет сменяется общая обстановка, в которой она действует!». В качестве выхода из положения Саэнс предлагал установление на продолжительное время несменяемой диктатуры, которая положила бы конец «пятидесятилетним попыткам развивать чилийскую нацию согласно иностранным образцам»³.

В умышленно упрощенной и доступной пониманию обывателя схеме идеология чилийского корпоративизма сводилась к национализму, корпоративизму («гremium») и «интегрированному предприятию».

«Подлинный чилийский национализм,— писал в предисловии к книге Саэнса председатель Корпорации производства и торговли Артуро Фонтен,— неуклонно выступает за независимость, достигнутую через науку и технологию, а не за ту словесную независимость, которая вскоре превращается в рабство у новых колонизаторов». «Новые колонизаторы», по терминологии реакционеров,— это те страны, которые оказывали помощь Чили в период, когда народное правительство предпринимало шаги для полного освобождения страны от иностранного господства и осуществляло глубокие социально-экономические преобразования, способствовавшие решению главных социально-экономических и политических проблем страны.

Корпоративизм представлялся как «профессиональная солидарность», «которая не исключает политические партии и не противоречит им (это было написано до фашистского переворота. — Ю. К.), но не может оставаться равнодушной к судьбам нации, когда она подвергается атакам в самых своих основах». А «атаковывало» страну, по мнению Фонтена и его сторонников, правительство Народного единства, которое «компрометирует внутрен-

нюю и внешнюю безопасность страны и угрожает свободе граждан».

«Интегрированное предприятие» означало «реформу предприятия в целях найти среднюю линию между эффективностью капиталистического предприятия и требованиями участия и равенства, которые вдохновляют трудящихся». Вряд ли нужно подробно останавливаться на демагогическом содержании такого рода постулатов, выдвигаемых представителями крупного капитала. Отметим лишь, что демагогия с самого начала была одним из основных направлений идеологии чилийского корпоративизма.

Корпорации заявляли о невмешательстве в политическую жизнь. Но сама жизнь скоро опровергла эти утверждения. Да и сами идеологи корпоративизма, заявляя об аполитичности, тут же противоречили себе, выдвигая чисто политические и определенно классовые требования. О. Саэнс накануне парламентских выборов 1973 года заявил: «Перед нами стоит срочная и важная задача: мы должны со всей нашей энергией помочь антимарксистской победе в марте...»

Политически идеология корпоративизма смыкалась с концепциями лидеров «Патриа и либертад», части Национальной партии, а также группы правых христианских демократов. Так, журнал «Патриа и либертад» писал, рассуждая об «интегральном предприятии»: «Мы должны окончательно понять, что коммунизм находит пищу в социальном протесте, порожденном капиталистической системой, которая является морально неприемлемой и экономически неэффективной и которая в социальном плане благоприятствует борьбе марксизма за власть. Если мы окажемся способными пойти на настоящие жертвы и исправить существующие ныне несправедливости одновременно с полным преобразованием действующей политической и институциональной системы, марксизм будет разгромлен...»

Но в отличие от теоретиков «Патриа и либертад» корпорации оставляли демагогию для народных масс, действовали, опираясь на реальные силы и возможности, а когда их было недостаточно, предпринимали действенные усилия (шантаж, подкуп, привлечение политических сил и иностранных капиталов) для их создания.

Чилийский корпоративизм создавался как новая политическая организация, привлекая к себе единомышлен-

ников из старых партий и течений реакционного толка, которые переживали серьезный кризис. Пожалуй, нельзя сказать, что «Патриа и либертад», какая-то часть ХДП или Национальная партия выражали полностью интересы корпораций. Обнажившиеся классовые противоречия требовали от монополий, финансовой и землевладельческой олигархии новых и агрессивных форм социально-политической организации. Прежде всего достигли взаимопонимания лидеры корпораций и политические деятели, экономически прямо связанные с деятельностью крупного капитала.

Стремясь найти массовую базу для антиправительственных действий, реакция понимала, что путем убеждения она немногого добьется: массы чилийских трудящихся не желали переворота, даже те из них, кто выступал с критикой и осуждением деятельности Народного единства. Поэтому правые силы и сторонники государственного переворота стремились создать обстановку страха и недовольства в средних слоях и в армии, чтобы заставить колеблющихся не вмешиваться активно в политическую жизнь страны, стремясь использовать наиболее уязвимое место в народном хозяйстве — сектор распределения для дезорганизации экономики. В плане социальном перед ними стояла задача привлечь такие группы населения, которые, обладая значительным социально-экономическим потенциалом, в то же время были бы достаточно немногочисленны, чтобы можно было в случае необходимости просто подкупить их. Таким образом выбор пал на две организации: Конфедерацию владельцев грузовиков, осуществлявших основные перевозки в стране, и на Конфедерацию мелких торговцев и предпринимателей.

Конфедерация владельцев грузовиков была создана в 1955 году. Она контролировала примерно 25 тыс. грузовиков (из 52 тыс. грузовиков общего парка страны), из которых 18 тыс. принадлежали владельцам одной-двух автомашин, а 7 тыс. находились в руках 35 компаний (в среднем 200 автомашин на одного владельца). К 1972 году руководство конфедерацией оказалось в руках Леона Виларина, прямого ставленника действительных хозяев в объединении — крупных предпринимателей, поддерживавшего тесные связи с реакционным профсоюзным руководством США. Именно он ездил в США накануне октябрьской «забастовки хозяев» в 1972 году и получил там

около 40 тыс. долл. на подкуп владельцев грузовиков. Доллары по спекулятивному курсу обменивались на «черном рынке», а затем деньги выплачивались забастовщикам в размерах, значительно превышающих их обычные доходы.

Конфедерация мелких торговцев и предпринимателей была создана в 1965 году. К 1970 году она объединяла примерно 160 тыс. членов. С ноября 1971 года во главе ее стоял член Национальной партии торговец из Сан-Фернандо Рафаэль Кумсилье. В январе 1971 года конфедерация создала совместно с Центральной торговой палатой (против которой она до этого боролась за монополию на рынке) Национальный фронт частного сектора (ФРЕНАП), целью которого было противодействие правительственной политике национализации крупных предприятий. Фактически конфедерацией управляли крупные торговцы Сантьяго. По своей структуре конфедерация мало отличалась от СОФОФА после реорганизации последнего под руководством О. Саэнса, разве что по своему составу шире представляла мелкого предпринимателя. Конфедерация выступала против правительства прежде всего в плане борьбы с попытками упорядочить распределение и взять контроль над ним в свои руки, с мерами, направленными на прекращение спекуляции и подрыв «черного» рынка. Руководители конфедерации, наживавшиеся на «черном» рынке, не желали терять свои прибыли.

Подкуп армии мелких торговцев и предпринимателей обошелся бы слишком дорого, и поэтому к ним применялся другой метод воздействия — запугивание. С этой целью были созданы так называемые команды защиты свободы снабжения, которые совместно с отрядами «Патриа и либертад» устраивали погромы в магазинах, избивали торговцев, подкладывали бомбы.

Помимо этих конфедераций базой реакции стали также некоторые коллегии специалистов, которые в июле 1972 года объединились в Конфедерацию коллегий специалистов. В нее вошли коллегии бухгалтеров, инженеров, врачей, техников, медсестер, дантистов, агрономов, архитекторов, журналистов и др. Всего конфедерация объединила примерно 70 тыс. специалистов.

Еще ранее в Сантьяго была создана так называемая Единая конфедерация специалистов Чили (КУПРОЧ). Официально она оформилась в мае 1971 года, и ее соз-

дание было инспирировано членами и руководством Национальной ассоциации техников меднорудной промышленности. Эта организация начиная с августа 1971 года играла провокаторскую, подрывную роль по отношению к Народному единству: все основные выступления реакции против правительства начинались с забастовки техников и специалистов на медных рудниках. Несмотря на название, в КУПРОЧ объединились не только технические специалисты. Устав позволял принимать любую группу в количестве 25 человек, лишь бы они сами называли себя специалистами. В связи с этим в КУПРОЧ выступали мелкие политические группки реакционно настроенных фермеров, определявшие себя как «специалисты сельского хозяйства», мелкие собственники в городах, реакционные политиканствующие секты от интеллигенции и т. д.

КУПРОЧ выступала в защиту особых привилегий членов своей организации и технической интеллигенции с позиций правого технократического крыла ХДП, смыкавшегося с технократами из Национальной партии и СОФОФА и признававшего идеологическое лидерство О. Саэнса. Среди корпораций «второго сорта» КУПРОЧ была, несомненно, наиболее стабильной и влиятельной. Она поддерживала тесные связи с американскими профсоюзами, откуда регулярно получала крупные денежные суммы.

Коллегии и корпорации специалистов создали в октябре 1972 года Национальный фронт специалистов, вошедший в Команду корпоративного действия, которую возглавили соответственно лидеры транспортников, торговцев и специалистов — Виларин, Кумсилье и Валентин Роблес. В отличие от других руководителей корпоративистского движения, которые прикрывали до поры до времени свои политические цели чисто экономическими программами, руководители специалистов сразу определили свои политические позиции. Национальный фронт специалистов, заявил В. Роблес, создавался для «защиты демократических ценностей страны от марксизма». Роблес принадлежал к Коллегии адвокатов, настроенной крайне реакционно и враждебно по отношению к правительству Народного единства. Коллегия была создана в 1925 году. По своему уставу и структуре это наиболее консервативная организация в стране. Архаический устав коллегии гарантировал сохранение руководства в руках реакцио-

неров. За всю историю существования коллегии во главе ее было лишь шесть президентов, то есть на долю каждого президента приходилось примерно по десять лет правления. К этой организации принадлежали такие идеологические и политические лидеры реакции и организаторы борьбы против народного правительства, как Артуро Фонтен, заместитель директора газеты «Меркурио»; Хайме Гусман, идеолог «Патриа и либертад»; Томас МакХейл, редактор «Меркурио» и «Портада»; Хайме Мартинес, редактор «Портада» и «Ке паса»; Фр. Оррего Вилкунья и Хулио Филиппи, Э. Перес де Арсе и Кристиан Сегерс. Собственно весь штаб антиправительственного заговора, все наиболее яростные сторонники немедленных прямых действий с целью свержения правительства являлись членами Коллегии адвокатов. Это неслучайно, так как по традиции именно адвокаты становились в Чили чаще всего членами правительства, их приглашали на работу в управленческий аппарат иностранных компаний, они, богатея, становились элитой, прямо связанной с местным и иностранным монополистическим капиталом, против которого было направлено острие борьбы Народного единства. Коллегия адвокатов вместе с Верховным судом и Прокуратурой составляла бастион юридической власти в руках реакции. В период правительства Народного единства Коллегия адвокатов потребовала лишения дипломов тех юристов, которые выступили в поддержку политики левых партий, и в то же время взяла под свою защиту членов террористических организаций реакции, таких как «Командо Роландо Матус», и члена коллегии и лидера «Патриа и либертад» Пабло Родригеса.

Неприглядную роль в годы народного правительства сыграла также Коллегия врачей. Она была создана в 1948 году в результате движения прогрессивно настроенных врачей за право на свою профессиональную организацию. Первым президентом коллегии был Сальвадор Альенде, врач по образованию, который вложил много сил и энергии в это движение. Первые мероприятия коллегии были весьма позитивными и привели к демократизации системы здравоохранения в Чили. Однако в конце 50-х годов в коллегии усилилось влияние консервативно настроенных лидеров, которым оказало поддержку правительство Хорхе Алессандри. В период правительства С. Альенде коллегия перешла к поддержке реакционного корпоративистского движения, открыто боролась против

создания в стране единой национальной системы здравоохранения. Тем не менее в Коллегии врачей левые силы продолжали располагать определенным влиянием. В мае 1971 года прогрессивно настроенные врачи создали свой съезд, на котором обсудили действительные проблемы здравоохранения страны и резко критиковали реакционные и антипатриотические позиции руководства коллегии. Однако оно не изменило своих позиций. В период «забастовки хозяев» в октябре 1972 года коллегия пригласила врачей отказывать в медицинской помощи даже остро нуждающимся, однако направила специального врача председателю Национальной партии Онофре Харпа. В 1973 году коллегия исключила из своих рядов одного из основателей организации и президента страны Сальвадора Альенде.

Значительную роль в плане идеологического оформления и политической организации корпоративизма сыграли в Чили реакционно-католические круги, группировавшиеся вокруг религиозной организации «Федусиа», и особенно чилийского филиала «Опус деи». «Федусиа» была создана в 1966 году группой реакционно настроенных студентов и преподавателей Католического университета Сантьяго. Ее члены именовали себя «крестоносцами антикоммунизма». В период правительства Э. Фрея эта организация активно выступала против его политики «этой ужасной смеси христианства и коммунизма», которая вносит в католицизм «губительную путаницу». После победы Народного единства члены «Федусии» предприняли шаги по организации вооруженной борьбы против нового правительства, многие из них вошли в ряды «Патриа и либертад», другие эмигрировали в Бразилию и Аргентину и оттуда продолжали идеологическую и политическую борьбу против революции.

Филиал «Опус деи», созданный в Чили еще в 1958 году, смог распространить свое влияние на значительные слои технократов и предпринимателей новой формации. Эта организация стала самой влиятельной в чилийских корпорациях. Через своих сторонников из группы Эдвардса и Матте-Алессандри идеологи «Опус деи» взяли в свои руки руководство самыми влиятельными органами буржуазной пропаганды, прежде всего газетой «Меркуριο». Они основали журнал «Ке паса», в котором сотрудничали также и реакционные офицеры в отставке. Самый крупный вклад в подготовку переворота в Чили был

сделан, по мнению известного специалиста по проблемам Чили Армана Маттелара, «прослойкой технократов, тесно связанной с монополистическим и зависимым капиталом и состоящей из священников-интегрисов, историков-испанистов, молодых инженеров, экономистов и социологов, в большинстве своем получивших образование в США, и, наконец, из множества бывших чиновников правительства Хорхе Алессандри. Эта группа объединилась вокруг теоретических постулатов полуподпольной организации, основы которой столь же клерикально догматичны, как и основы «Федусии». Название этой организации — «Опус деи»... Именно по инициативе «Опус деи» и начала создаваться «гремиалистская» доктрина, креольский и опошленный вариант старого фашистского корпоративизма»⁴.

Президентом «Опус деи» в Чили является бывший министр в правительстве Х. Алессандри юрист Хулио Филиппи. После военного переворота он был назначен хунтой вести переговоры с национализированными медными корпорациями США о размерах компенсации. Видным деятелем этой организации является также Хайме Гусман, бывший член «Федусии» и «Патриа и либертад». Хунта назначила его в числе других идеологов реакции в комиссию по составлению новой конституции. Экономический обозреватель «Меркурио» Эмилио Санфуэнтес, литературный критик этой газеты Ибаньес Ланглоис, адвокат и редактор «Меркурио» и «Ке паса» Перес де Арсе, редакторы журналов «Портада» и «Ке паса» Кристиан Зегерс, Мак-Хейл, Хайме Мартинес, Хосе Гарридо Рохас и др. — все они являлись активными членами «Опус деи», пособниками и идеологами реакционно-фашистского переворота в Чили, а после победы хунты стали ревностными исполнителями ее поручений. Большинство из них закончили Чикагский университет, поэтому эту «интеллектуальную элиту», на которую опирается хунта, в буржуазной прессе часто называют «чикагские мальчики».

Мы остановимся подробнее на созданной ими идеологии, которую А. Маттелар называл «странным смесью консерватизма и модернизма».

Основные направления атаки идеологов «Опус деи» и наберёванной ею «технократической элиты» против демократических и антиимпериалистических сил можно назвать традиционными: антикоммунизм, антисоветизм, антимарксизм. Правда, пропаганду американского обра-

за жизни в значительной мере сменил махровый национализм, а наряду с темой «защиты демократии» все чаще звучало восхваление «сильной власти», «твердой руки». Весьма показательным было стремление реакционных кругов выступать с фарисейской защитой интересов мелкого собственника и — под этим прикрытием — частной собственности вообще как основы существования демократии. Однако подчеркивалось, что эту демократию могут обеспечить не старая «партийная система» и «бюрократические профсоюзы», а некий «порядок в действии», являющийся благом для всех. «Меркурио», поддерживавшая такого рода тезисы, писала во время октябрьской «забастовки хозяев»: «Социальный состав ее участников не может быть расценен ни как буржуазный, ни как рабочий, ни как крестьянский. Они объединены по профессиональному принципу, а не искусственно разделены на эксплуататоров и эксплуатируемых».

Президент чилийского филиала «Опус деи» Х. Филиппи дал «философское» обоснование политическим спекуляциям «Меркурио». «Концепция общего блага, — писал он, — никогда не может идентифицироваться с благом одного класса или группы... В момент, когда указанное благо, как это понимает марксистская доктрина, имеет тенденцию совпасть исключительно с интересами одной группы или класса, она деформируется и не может служить достижению своих целей»⁵.

Х. Гарридо пытался доказать, что «подлинно национальное», скрытое в «чилийской расе», образовалось в результате слияния расы «интервентов и туземцев», что привело к рождению «нового, в корне отличного национального существа», сущность которого до сих пор не получила своего выражения⁶. Потребность в перестройке общества вызвала поиски новых форм. Но вместо того чтобы искать их внутри «национального, чилийского», их стали искать «за морями». «Таким образом, — писал реакционный политический деятель Э. Кампос, — к нам пришли манчестерский либерализм англичан, политический и философский рационализм Франции, рецепты североамериканского прагматизма, а позже появились энтузиасты немецкого нацизма. На все это навесили формы, заимствованные в итальянском демохристианстве, и, конечно, постоянно и с самых неожиданных сторон проявлялись и присутствовали лозунги, теории и практика марксизма-ленинизма...»⁷. Острие этого узколобого

национализма было направлено в первую очередь против марксизма, против демократического движения. Реакция исподволь, настойчиво и расчетливо отравляла национализмом и шовинизмом сознание мелкой буржуазии, средних слоев, учащейся молодежи. Подлинные ценности она подменяла дешевой националистической мишурой, реальные цели борьбы против империалистического господства, олигархии и капитализма — «интегральной революцией, единственной и подлинной, которую мы осуществляем в нашей собственной душе, внутри нашего собственного „я“».

Демократическую систему, существовавшую в Чили (в целом относительно прогрессивную по сравнению не только с латиноамериканскими странами, но и с развитыми капиталистическими странами мира), идеологи реакции объявляют чуждой Чили и искусственно привнесенной из-за границы. «Чисто иностранного происхождения и неразрывно связанной с международным коммунистическим движением, которое признает в Советском Союзе свою высшую власть...» назвал идеологию партий Народного единства специальный советник ОАГ и консультант Межамериканского банка развития Ф. Оррего Вилуэ. По мнению реакционных идеологов, при правительстве Народного единства не стоило якобы даже думать о «возможности установления объективной национальной общности», и единственным выходом может быть лишь создание «националистической системы, существующей в других латиноамериканских странах», например в Бразилии⁸.

В теоретических построениях чилийских ультраправых соединились стремление отживающих классов вернуть прошлое с пониманием невозможности этого и, как результат этой безысходности, тяга к крайним формам диктатуры буржуазии — фашизму. Они еще пытались сохранить термин «демократия», но вкладывали в него уже совершенно иной смысл. Спекулируя на стремлении латиноамериканских народов добиться экономической и политической независимости от империалистических монополий, реакционеры подменяли антиимпериалистическое содержание народной борьбы национализмом и шовинизмом. Ненависть к иностранным монополиям правые националисты надеялись превратить в ненависть ко всему иностранному, прежде всего ко всему прогрессивному, что приходило в Чили из других стран мира и нахо-

дило благодатную почву для развития: революционный опыт других народов, прогрессивную идеологию, высшие формы демократии.

Политические и идеологические стратегии реакции, чувствуя ослабление своих позиций, стремились сузить фронт атаки. Прекрасно понимая, что в союз демократических и антиимпериалистических сил входят помимо марксистских партий социал-демократическое и левока톨릭ское течения, они, чтобы сохранить видимость логики, объявили левое крыло христианской демократии и радикалов замаскированным марксистским проникновением. К 1969 году, писал А. Фонтен, левое крыло ХДП «показывает свое марксистское лицо, создает движение единого народного действия (МАПУ) и начинает официальные переговоры с коммунистами и социалистами, которые приводят впоследствии к формированию Народного единства». Нечто подобное, по мнению Фонтена, происходило и с радикалами. Это позволило реакции бросить все силы против Коммунистической и Социалистической партий, а под лозунгом борьбы с марксизмом вести разнузданную пропаганду против рабочего движения, демократических институтов, всей политики правительства Народного единства.

Важной стороной пропагандистской деятельности правых было стремление доказать всеми имевшимися средствами, что строительство социализма неизбежно ведет к попранию конституционной законности, что его осуществление не может продолжаться мирными средствами. Основной идеей, которую реакционеры развивали в этом плане, была та, что, дескать, централизация экономики в руках государства и демократические институты несовместимы. Наиболее откровенно ее сформулировал Э. Перес де Арсе. «Попытка чилийского правительства,— писал он,— идти к социализму по демократическому и плюралистскому пути встречает двойное препятствие. Для демократов с каждым днем становится все очевиднее, что концентрация властей, происходящая от того, что государство сосредоточивает источники производства и занятости, делается трудно совместимой с внутренним плюрализмом. Для тех, кто защищает социалистический идеал, свободная критика, характерная для демократии, становится невыносимой...»⁹.

И это говорилось несмотря на то, что в руках народного правительства было сконцентрировано не больше

экономических рычагов, чем у многих буржуазных правительств мира, например английского или шведского, что демократические свободы при правительстве Сальвадора Альенде были самыми широкими, свобода печати и слова неограниченной. Так называемая «свобода критики» превратилась в наглые, беспардонные нападки на правительство, президента и левые партии. Тем не менее виновные в этих действиях не подвергались никаким гонениям. И, наконец, 13-й канал телевидения, принадлежавший крайне правым, функционировал до самого дня фашистского путча — 11 сентября 1973 г.

Реакция стремилась соединить в один узел вопрос о сохранении своего преимущества в средствах массовой информации с борьбой против новой политики, которая этими средствами информации постоянно извращалась. Любая попытка правительства пресечь ложь, обрушивавшуюся на читателя со страниц реакционных газет, вызывала против него обвинения в стремлении скрыть «правду» от народа.

Этот пропагандистский трюк очень широко использовался. Например, борьба против перевода в государственный сектор монополии по производству бумаги велась под лозунгами защиты демократии: левым партиям приписывалось стремление национализировать производство бумаги, чтобы иметь возможность оказывать давление на прессу, предоставлять бумагу только тем газетам и журналам, которые поддерживают правительство.

Постоянной мишенью правых был государственный сектор чилийской экономики. Реакционные органы печати обвиняли правительство в падении производства на предприятиях, перешедших в руки государства, в их нерентабельности, в том, что на работу принималось больше людей, чем это было необходимо. По большей части эти обвинения не соответствовали действительности, а отдельные производственные трудности, с которыми сталкивалась новая администрация, часто объяснялись саботажем противников левых сил. Однако в силу изложенных выше обстоятельств именно версии правых органов печати наиболее широко распространялись среди чилийцев, особенно мелкой буржуазии и средних слоев города. Э. Перес де Арсе выдвинул тезис о том, что на предприятиях, принадлежавших государству, исчезают демократические традиции. В качестве доказательства он ссылал-

ся на случай увольнения ряда представителей старой администрации и технического персонала на национализированных предприятиях меднодобывающей промышленности, работу которых они пытались саботировать. Игнорируя очевидное свидетельство связей уволенных «специалистов» с американскими компаниями, наградившими их синекурами в США, куда они немедленно выехали, Э. Перес де Арсе утверждал, что «администрация нарушила демократию». В действительности эти люди были уволены в соответствии с демократическим решением выборных органов трудящихся, профсоюзов и администрации предприятия.

Одновременно с нападками на государственный сектор реакция всячески превозносила частное предпринимательство. Вынужденная признать рост производства, достигнутый народным хозяйством страны в 1971 году, она полностью относила его на счет предприятий, оставшихся в руках крупных предпринимателей, и критиковала политику правительства, вынуждающую их хозяев «терпеливо ожидать своего конца». Показательно тем не менее, что даже Э. Перес де Арсе не осмеливался утверждать, будто действия правительства в этой области были неконституционны. Больше всего раздражало правых то, что законы, которые создавались для ограничения прав народа, для удобства угнетения трудящихся, обернулись против их создателей.

Чилийская буржуазия, сопротивляясь натиску рабочего класса и всех слоев трудящихся, разработала законодательство, которое под прикрытием демократических фраз и формулировок содержало массу оговорок и уловок, позволявших «конституционно» защищать государство и правительство от угрозы ослабления его власти. После прихода к власти Народного единства буржуазия с ужасом увидела, что новое правительство намерено применять и применяет эти же законы не против рабочего класса, а против его врагов. Главной причиной того, что конституция стала обоюдоострым оружием, была непрерывная и героическая борьба трудящихся за расширение демократии, благодаря которой буржуазные законодатели не могли пойти на признание того, что такой-то ее пункт предполагалось применять только против рабочих, но не против капиталистов. Таким образом, «гибкость» чилийской конституции оказалась для реакционеров палкой о двух концах. Отсюда и идет стремительный

поворот в лагере врагов Народного единства от защиты конституционности к борьбе против нее, от прежнего толкования демократии как мнения большинства (когда этим большинством располагала буржуазия) к новому ее толкованию как «демократии для всех».

Фашизм в Чили оформлялся теоретически и политически в борьбе за реальную власть, которая ускользала из рук иностранных монополий и крупной промышленной и сельской буржуазии. Но он не явился чем-то совершенно новым. Он строился на основе старых реакционных и консервативных постулатов чилийской олигархии.

Преувеличивая экономические трудности, которые испытывала страна, изображая безвыходным положение частных предпринимателей, пугая обывателя угрозой «марксистской диктатуры», подтасовывая факты таким образом, чтобы создать впечатление тупика, безвыходности положения, идеологи реакции нагнетали обстановку страха и неуверенности в завтрашнем дне. Они доказывали, что мирный переход к социализму невозможен, что рано или поздно левые силы выйдут за рамки законности, так как в условиях демократии не может быть социализма, а при социализме не может быть демократии. В Чили, писал Э. Перес де Арсе, социализм может победить лишь после «жесточкой гражданской войны, из которой правительство вышло бы победителем». Нельзя отрицать, эта пропаганда действовала на довольно значительные массы населения: некоторые были запуганы, другие подпали под влияние реакции. Трудно заподозрить, например, Р. Фуэнтеальбу, Р. Томича и других руководителей христианской демократии в намерении сознательно способствовать установлению в стране фашистской диктатуры. Но нельзя забывать и о том, что в определенные (кстати, наиболее сложные) моменты, например во время забастовок транспортников в октябре — ноябре 1972 года и в июле — сентябре 1973 года, эти политические деятели объективно способствовали эскалации фашистской опасности, оказавшись орудием в руках крайней реакции. Показательно, что эти политические лидеры представляли интересы мелкой буржуазии и средних слоев, на которые фашистская пропаганда оказала наибольшее воздействие.

Претендуя на роль защитников интересов «среднего класса», идеологи реакции обвиняли правительство в том, что основной источник богатства страны — добыча

меди приносит меньше прибылей, чем до прихода к власти Народного единства, что бюджетные и внешнеторговые операции дают отрицательный баланс, что имеется нехватка многих товаров первой необходимости (тканей для одежды, запасных частей для автомобилей, строительных материалов), что существует атмосфера нарушения законности, что в производственных и научных центрах царят беспорядок и упадок, что попытки марксистских секторов правительства контролировать образование внушают страх «среднему классу».

Строго говоря, эти шесть пунктов не выражали основных требований средних слоев, а пропагандистски интерпретировали их. У антиправительственных сил не было общей программы, а были только отдельные требования и лозунги, вокруг которых они могли тактически объединиться для достижения стратегической цели — свержения правительства. В то же время эта стратегическая задача прямо не выдвигалась, и создавалось впечатление, что в случае, если эти требования были бы удовлетворены, не было бы оснований для борьбы против правительства. Таким образом к выступлениям против правительства привлекались и те силы, которые не желали его свержения, а лишь имели несовпадения или несогласия с отдельными сторонами его политики. Измельчение, конкретизация требований и лозунгов позволили реакции расширить свою социальную базу для борьбы против Народного единства.

Те же методы реакция пыталась применить и к рабочему классу. Однако выяснилось, что буржуазные идеологи сильно недооценили уровень классовой сознательности чилийского пролетариата. Их разочарование было безмерным, когда на парламентских выборах 1973 года 44% избирателей (в большинстве рабочий класс города и деревни) отдали свои голоса Народному единству. То обстоятельство, что рабочий класс Чили, несмотря на активизацию всей пропагандистской машины реакции, попытки прямого подкупа и измену ряда профсоюзных лидеров из буржуазных партий, остался верен идеалам революции, вызвало по отношению к нему особую ненависть реакционеров. Именно этим объясняется размах репрессий фашистской хунты против трудящихся и их организаций после переворота.

Реакция стремилась дискредитировать все мероприятия Народного единства, даже те, против которых она не

могла выступать открыто. Так, например, национализация медной промышленности и проведение аграрной реформы получили поддержку подавляющего большинства чилийского народа, и реакционеры не могли возражать против их осуществления. Тем не менее идеологи правых искали повод для того, чтобы очернить патриотические усилия правительства Народного единства, предпринятые в этом направлении. Преобразования в сельском хозяйстве, утверждали они, превращали крестьян в «обезличенные существа, оторванные от своей почвы». Главной целью национализации медных рудников объявлялось не завоевание национальной независимости, а якобы стремление «разорвать связи чилийских политиков с предполагаемыми заговорами и помощью иностранного капитала». На руку правым в этом плане играли действия леваков. Фонтен признает, что правым недоставало «волнующей темы» для объединенного выступления против Народного единства. Убийство экстремистами бывшего министра внутренних дел в правительстве ХДП Э. Переса Суховича дало оппозиции таковую. Лозунг защиты демократии снова был пущен в ход и стал первым объединяющим «программным» пунктом для всех антиправительственных сил.

Демагогия и ложь — типичные приемы реакционных идеологов. Признавая, что чилийская революция не прибегала к тюрьмам или расстрелам для уничтожения своих политических противников, Фонтен утверждал, что ее конечной целью было «передать в конце концов власть, которую она берет от имени организованных трудящихся, Коммунистической партии». А для этого «необходимо уничтожить социальные группы, способные оказать сопротивление новой системе, начиная от капиталистов и кончая независимыми, относительно обеспеченными трудящимися, лицами свободных профессий и специалистами, слишком ассимилированными прежним режимом». Фонтен стремился нанести рассчитанный удар, направленный против единства рабочего класса и средних городских слоев чилийского общества, так как сорвать союз пролетариата с этими категориями населения было главной политической задачей реакции в общем плане свержения правительства Народного единства. Линию на раскол демократического и антиимпериалистического движений реакция проводила с завидной последовательностью и упорством. Разрозненные правые круги не

только пытались выработать политическую программу, которая могла бы их объединить, но и искали социальную базу, способную развернуть борьбу за свержение правительства на всех фронтах: экономическом, политическом, идеологическом.

Необходимость создания массового движения, направленного против правительства, вынуждала идеологов корпоративизма соглашаться с формированием организаций трудящихся на местах, даже заявлять о пользе их для страны. Однако эти организации, по мнению теоретиков из «Опус деи», должны были отказаться от «устарелого» принципа, в соответствии с которым в профессиональные организации не включали предпринимателей. «Столкнувшись с опасностью полного огосударствления экономики, — писал Хосе Гарридо Рохас, — частные предприниматели созвали совещание частного сектора, на котором присутствовали не только капиталисты, и приняли решение о создании Национального фронта частного сектора. В этот Фронт вошли организации служащих, рабочих, профессионалов, руководителей производства, частных собственников...»¹⁰. Выступая на этом совещании, Фонтен призвал поддержать корпорации, базирующиеся «на растущем участии всех чилийцев в решении великих национальных задач».

В политике правительства, направленной на передачу в руки государства основных рычагов экономики, реакция увидела главную опасность для себя: монополии, лишённые экономической мощи, не смогли бы оказывать влияние на широкие массы зависимых от них средних слоев населения. Поэтому обобществление производства они рассматривали как стремление «обезглавить средний класс», а развитие классовой борьбы — как «опаснейшее разобщение нации». Для них это так и было: средние слои населения уходили из-под влияния, а классовая борьба вела к полному исчезновению монополий и олигархии. Поэтому они обвиняли правительство в том, что оно якобы создало положение, когда «законность постоянно нарушается», но не могли говорить о нарушении конституции и законов, а лишь о нарушении некоего их «духа».

Рисуя будущее Чили, идеологи реакции должны были учитывать настроения народных масс, вуалировать свою действительную точку зрения. Однако кое-что из их высказываний, особенно в свете происходящих событий в

Чили, проливает свет на планы монополий уже в начальный период Народного единства. «Речь должна идти о собственном пути, — писал Саэнс, — что означает глубокий и быстрый процесс революционных изменений, который через ускоренное экономическое развитие приведет к созданию справедливого социального общества... Это будет великое достижение всех через великую национальную интеграцию».

«Великая национальная интеграция» мыслилась как «производственная интеграция», в рамках которой, разъяснял Саэнс, «мы сможем, не ущемляя законных интересов владельцев капитала, вызвать глубокий процесс упорядоченной демократизации...»¹¹.

Если до марта 1972 года идеологи корпоративизма на словах воздавали хвалу чилийской демократической системе и критиковали лишь отдельные ее недостатки, то впоследствии они переходят к ее полному отрицанию. Такая их позиция становилась все более жесткой по мере того, как обнаруживалось, что даже ограниченная конституция Чили может при определенных условиях быть использована народными силами для коренной перестройки общества.

Наряду с этим руководители корпораций перешли к критике той социально-экономической системы, которая существовала в Чили и до победы Народного единства и недостатки которой привели к тому, что «вся система стала мало симпатичной народу, который олицетворял ее с эксплуатацией и хозяйским патернализмом», в результате чего люди, в частности, стали смотреть «если не с симпатией, то с безразличием на огосударствление предприятий». Хотя целью подобной критики было дискредитировать экономическую деятельность правительства Народного единства (причем Саэнс, которому принадлежат эти слова, умышленно не делает никакого различия между буржуазными правительствами прошлого и народным правительством), она вынужденно направлялась вначале против чилийского капитализма, чтобы соответствовать настроениям тех масс мелких и средних предпринимателей и технической интеллигенции, которые корпорации стремились привлечь на свою сторону.

Такая позиция корпораций определялась двумя факторами. Во-первых, реакция находилась в описываемый период в обороне, так как правительство пользовалось массовой поддержкой в стране и проводило наиболее по-

пулярные социально-экономические мероприятия: аграрную реформу, национализацию иностранных компаний, боролось против безработицы за повышение уровня жизни трудящихся. Во-вторых, правые силы сделали еще только первые шаги по преодолению разброда в своих рядах, возникшего в период перед президентскими выборами и усилившегося после неудачных попыток не допустить народное правительство к власти. Они не могли позволить себе экстремизм, характерным для последующих периодов, оттолкнуть демократически настроенные массы. Однако некоторые основные положения будущей программы уже тогда были намечены, хотя и преподносились в смягченной форме, перемежаясь с призывами к единству нации. Саэнс выделил несколько требований частного сектора к правительству: изменить экономическую политику и отказаться от усиления государственного сектора; признать «творческую роль» частного предпринимательства и определить его статус. Важным также было завуалированное заявление о политических целях корпоративизма: «Помимо профессионального беспокойства мы, трудящиеся частного сектора, испытываем беспокойство как чилийские граждане... Нет сомнения, что чилийская демократия в последние месяцы понесла значительные убытки...»

До марта 1972 года идеологи корпоративизма имели обыкновение говорить о «славной традиции» Чили, которая «обязывает осуществлять преобразования при абсолютном уважении свободы и достоинства граждан». В то же время, акцентируя внимание трудящихся на противоречиях мнимых или действительно существующих, но второстепенных, реакционеры стремились подменить острую направленность борьбы против иностранных и местных монополий, землевладельческой и финансовой олигархии столкновением между рабочим классом и средними слоями. «Здесь находится основная социальная проблема Чили, — говорил Саэнс, — а не... в существовании меньшинства могущественных и праздных князей... Наличие в стране огромного среднего класса при недостаточной производственной структуре — это корень чилийской социальной проблемы». Акцент уже заметно делался на то, что надо, дескать, соблюдать не только букву, но и «дух» законов.

Выступая в мае 1972 года на одном из заседаний руководства СОФОФА, О. Саэнс заявил: «Народное един-

ство пришло к власти не в результате случайности, а в результате разложения чилийского народа... И это разложение не является чем-то новым, оно развивалось и росло на протяжении десятилетий... Опыт Народного единства должен был иметь место, и хорошо, что так случилось... Марксизм продемонстрировал неспособность в теории и практике, что наверняка станет прекрасной «прививкой» против него как альтернативы власти». Таким образом, реакция начала подготовку с дальним прицелом — не только готовить свержение правительства Народного единства, но и создавать идейно-политическую платформу будущего режима. «Структура страны в недавнем прошлом, — заявляли ее идеологи, — уже исчерпала свои возможности для развития. Мы не верим в развитие через огосударствление для Чили, так же как не верим в капиталистическое развитие». Крупный капитал в Чили вкупе с иностранными монополиями действительно уже не желал «старого» капитализма с его системой свободной конкуренции, потому что такой капитализм все-таки оставлял какие-то возможности для демократических свобод, для политической борьбы, для развития рабочего движения. Монополии требовали жесткой власти, способной подавить забастовочное движение. Им нужна была долгосрочная уверенность в неприкосновенности вложенных капиталов. В связи с этим было объявлено, что «капиталистическая структура представляет препятствие для социальной эволюции».

Срыву установившегося накануне парламентских выборов в марте 1973 года «перемирия» способствовали действия как правых, так и ультралевых сил. В то время как реакционные организации устраивали покушения на руководителей Народного единства, распространяли провокационные слухи в печати и по радио, ультралевые вновь начали незаконный захват земель, развернули ожесточенную кампанию против вооруженных сил, компартии, правительства, лично С. Альенде, обвиняя его в проведении реформистской политики. Хотя левацкие организации, в частности МИР, не входили в Народное единство, печать выдавала высказывания их лидеров за мнение руководителей правительственной коалиции. Экстремистская позиция ультралевых оказывала влияние на некоторых представителей Народного единства. В мае 1973 года Л. Корвалан с тревогой констатировал, что внутри блока левых партий существуют серьезные разно-

гласия, подрывающие единство рабочего движения, отталкивающие трудящихся от Народного единства. Коммунисты прямо говорили, что, если не удастся привлечь на сторону Народного единства средние слои, объединить все демократические силы страны, судьба революции окажется под угрозой.

Компартия ставила вопрос о возобновлении диалога с христианскими демократами.

В Христианско-демократической партии были силы, понимавшие опасность гражданской войны. В частности, Р. Томич и Р. Фуэнтеальба считали главной задачей ХДП борьбу за сохранение демократических институтов в стране. Против этих руководителей ХДП была развязана в правой прессе кампания нападок и обвинений. Сторонники Фрея воспользовались ею, чтобы устранить Р. Фуэнтеальбу с поста председателя партии. 12—13 мая 1973 г. на закрытом заседании руководства партии председателем ХДП был избран верный друг Фрея П. Айлвин. Согласившись под давлением левого крыла ХДП пойти на диалог с Народным единством, Фрей и Айлвин не думали всерьез о каких-либо конструктивных решениях, а попытались нажить себе политический капитал, спекулируя понятиями «демократия», «диалог», «защита интересов трудящихся».

Подлинной целью правых в ХДП уже в тот период было свержение правительства. Э. Фрей рассчитывал, что после переворота ему как спасителю нации добровольно и немедленно будет передана власть. Поэтому Фрей и его сторонники оправдывали начавшуюся в стране новую волну диверсий и разнузданную антиправительственную кампанию правых газет. Они активно готовили начавшуюся в июле 1973 года новую забастовку владельцев грузового транспорта. В результате этой забастовки прекратились перевозки по всей стране, под угрозой срыва оказалась посевная кампания, торговцы остались без товаров, усилился инфляционный процесс. Стремясь сделать забастовку всеобщей, руководители Федерации владельцев грузовиков создали специальные вооруженные отряды, нападавшие на те машины, которые продолжали работать. Забастовка буквально обескровила экономику страны.

В этих условиях реакционно настроенные офицеры предприняли 29 июня попытку совершить государственный переворот в стране, которому предшествовала по-

пытка покушения на командующего чилийской армией генерала Карлоса Пратса.

28 июня были опубликованы неоспоримые доказательства готовившегося убийства или похищения генерала Пратса, за которым должен был последовать мятеж в армии. Пресса прямо назвала фамилии офицеров, замешанных в заговоре. Часть офицеров, названных в качестве заговорщиков, скрылась в расположении своих частей и появилась с танками 29 июня 1973 г. возле президентского дворца.

После неудавшейся попытки государственного переворота руководители «Патриа и либертад» укрылись в иностранных посольствах или бежали за границу. Скрылся и лидер этой организации Пабло Родригес. «Патриа и либертад» была объявлена вне закона. Но все правые органы печати опубликовали вскоре интервью с новым ее руководителем Роберто Тиме. Новоиспеченный лидер фашистов заявил, в частности: «Мы думаем, что если ценой за освобождение этой страны является гражданская война, то надо платить ее... Я думаю, что момент пришел. Чем раньше, тем лучше... Мы предупреждаем врагов Чили, что немедленно начинаем действовать... Мы думаем, что дилемма — это марксизм или национализм. Правительство Альенде не является причиной само по себе. Причина кроется в системе, существующей 20 или 30 лет, период которой закончился, — период либерально-демократической системы. В этом причина того, что в Чили пришел марксизм».

Президент СОФОФА Сазнс заявил, что, так как Народное единство получило более 42% голосов, «столкновение неизбежно».

ХДП, пытаясь сохранить видимость законности, добивалась от правительства «добровольного ухода». Председатель ХДП Патрисио Айлвин в последнем письме, которое он послал С. Альенде накануне переворота, требовал создания кабинета при участии вооруженных сил «с предоставлением им достаточных полномочий на высших и средних постах». Это выдвигалось в качестве условия продолжения переговоров между правительством и ХДП.

В то же время очевидный рост опасности гражданской войны заставлял массы рядовых христианских демократов требовать от партийного руководства принятия мер, которые позволили бы избежать кровопролития. Это тре-

бование масс находило выражение в выступлениях лидеров левого крыла ХДП и в ряде органов печати. Орган чилийских иезуитов журнал «Менсахе» писал в июле 1973 года: «Левые знают, что гражданская война не вспыхнет, если не вмешаются вооруженные силы. Разделение в армии произойдет тогда, когда одна из двух сил попытается совершить военный переворот. Пока правительство может продолжать движение вперед, левый переворот маловероятен. Остается возможность правого переворота». Ректор Католического университета Ф. Кастильо Веласко, член ХДП, с тревогой отмечал: «Опасность гражданской войны есть факт, который мы не можем скрывать».

Парламентарии от Национальной партии опубликовали декларацию, в которой без обвиняков заявляли, будто С. Альенде «перестал быть конституционным президентом Чили». Одновременно правые не переставали «стучаться в двери казарм», и им удалось привлечь ряд руководителей армии на свою сторону. Об этом свидетельствовало письмо, направленное «корпусом генералов и адмиралов в отставке» президенту республики. В нем в тоне последнего предупреждения говорилось, что экономические, социальные и политические трудности, переживаемые страной, создают угрозу для национальной безопасности.

В целом стратегия сторонников переворота осталась такой же, как в период октябрьского кризиса: создать экономический и политический хаос, развязать беспорядки, создать впечатление «неуправляемости», чтобы вооруженные силы вмешались в связи с необходимостью заполнить «вакуум власти». Новым в этот последний период стало то, что руководители так называемых демократических партий, в первую очередь Христианско-демократической, стали открыто поддерживать путчистскую стратегию.

Правые лидеры ХДП сорвали начатый по инициативе компартии диалог между Народным единством и христианскими демократами. Радиостанции неделями передавали обращения к С. Альенде, предлагавшие ему либо уйти в отставку, либо «покончить с собой». Фашистская организация «Патриа и либертад» распространила листовку под названием «Восемь мер, чтобы покончить с правительством», первым пунктом которой было: «Объединиться против общего врага (враг — это Народное

единство и Коммунистическая партия, которая им руководит)».

Руководители «Патриа и либертад» постоянно призывали (пользуясь услугами правой печати) к вооруженному выступлению реакции. В условиях парализовавшей экономику страны забастовки транспортников и торговцев, роста инфляции, экономических трудностей правительство Народного единства, президента Альенде стали все чаще обвинять в неспособности управлять страной. Руководство Национальной партии добилось в конгрессе принятия резолюции, обвинявшей президента в нарушении конституции.

Реакция выдвинула тезис о том, что армия не только имеет право, но и обязана вмешаться в случае, если правительство вышло из рамок законности, а правительство Альенде, согласно этим утверждениям, давно уже нарушает законы. Опираясь на реакционную верхушку армии, правые силы активизировали деятельность по обработке чилийского офицерства и солдат, привлечению их на свою сторону. Заговорщикам удалось добиться отставки генерала Пратса, командующего флотом адмирала Монтеро, был убит военно-морской адъютант президента Аррайа. Во всех звеньях вооруженных сил проводились чистки, устранялись прогрессивно настроенные офицеры. Ссылаясь формально на закон о контроле над оружием (принятый против правых террористических организаций), командующие гарнизонами производили облавы, обыски и изъятие оружия на предприятиях, в профсоюзных центрах. К концу августа заговор созрел окончательно.

Глава IV

О некоторых „критиках“ Народного единства

После государственного переворота в сентябре 1973 года, осуществленного военной хунтой, прес-са монополий пыталась возложить всю вину за происшедшее на народные силы Чили. «Правительство Народного единства, — писала лондонская «Таймс», — само сделало переворот неизбежным следствием плохого управления экономикой». Признавая, что «определенные элементы оппозиции способствовали развалу экономики», «Крисчен сайенс монитор» утверждала, что «большая часть вины за это ложится на правительство д-ра Альенде». «Крисчен сайенс монитор» и «Нью-Йорк таймс» считали, что столкновение с вооруженными силами и переворот были неизбежными. Газеты утверждали, что народное правительство, пользуясь поддержкой меньшинства народа, нарушало конституцию страны и ее законы. «Эксперимент Альенде, — писала «Нью-Йорк таймс», — потерпел неудачу потому, что возглавляемое им правительство упорно пыталось навязать радикальную социалистическую систему, против которой яростно возражало более половины населения». «Дейли телеграф» высказывала лицемерное сожаление по поводу того, что Чили оказалась во власти военной хунты, но заявила, что главная вина за это «ложится на президента Альенде». «Обстоятельства были таковы, — добавляла «Таймс», — что любой разумный военный мог с полным основанием счесть своим конституционным долгом вмешаться».

Роберт Мосс в своей пасквильной книге «Марксистский эксперимент в Чили», изданной в Англии вскоре после военного переворота, писал, что правительство Альенде превратило страну из «самой социалистической в Латинской Америке... в самую социалистическую в коммунистическом блоке», и это принесло «катастрофиче-

ские результаты в производстве». Мосс полностью оправдывает действия реакционно-фашистского блока, стремится вызвать сочувствие к его лидерам. «Генералы, — пишет он, — терпели Альенде — первого в мире свободно избранного марксистского руководителя — три года. Они участвовали в трех его кабинетах. Их решение свергнуть его было принято болезненно и неохотно». Мосс чуть ли не слово в слово повторяет объяснение генерала Пиночета и его компаньонов относительно причин переворота: «Вооруженные силы должны были выступить в сентябре не только для того, чтобы спасти страну, но и спасти самим, избегав «ночи длинных ножей». Фашиствующая реакция и после переворота продолжала использовать ложь и демагогию для того, чтобы оправдать кровавые репрессии против демократических сил. Мосс даже утверждал, что решение реакционных генералов выступить против законного правительства «не имеет ничего общего с Вашингтоном»¹.

Р. Мосс лишь компиляторски повторяет все, что высказывали различные представители антиправительственного блока, начиная от идеолога «Патриа и либертад» Хайме Гусмана и лидера чилийской разновидности социал-корпоративизма Орlando Саэнса до руководителей правого крыла ХДП — Хосе Мусалема, Мариано Руис-Эскиде Хары, Клаудио Аррего Видуны и других буржуазных политиков, которые выступали с изложением своих взглядов и концепций в книгах и статьях, ставших пособиями для заговорщиков².

Буржуазная печать спешила убедить своих читателей в том, что «мирная марксистская революция не может выдержать натиска насильственных действий правых...», что она заранее обречена на поражение и приход к власти кровавой диктатуры. Мрачными красками рисуя будущее тех стран, которые пытаются, опираясь на волю большинства избирателей, пойти по пути строительства социалистического общества, буржуазные политики выдавали свою тревогу перед возможностью такого развития событий в собственных странах. «Если в Чили установится военная диктатура, — предсказывала «Таймс», — то это произойдет потому, что существование демократической системы допустило избрание марксистского правительства». Еще откровеннее высказывалась «Штутгартер цайтунг»: «Мы, некоммунисты, должны перестать звать к демократии, как будто так называемая демо-

кратизация сама по себе означает здоровые отношения, соответствующие западным представлениям». «Здоровым представлениям» тех кругов, мнение которых выражают эти газеты, более соответствует Пиночет в Чили.

В дискуссии о Чили получили отражение два основных политических процесса, существующих и вступающих во все более острое столкновение в современном капиталистическом мире. Первый состоит в усилении и разрастании революционных, демократических и антимонополистических тенденций в борьбе народных масс, возглавляемых коммунистами. Второй — в усилении крайне реакционных, неофашистских тенденций в политике империалистических монополий, в отказе их от форм буржуазной демократии и в стремлении «упростить государственный механизм» при помощи введения диктаторских форм правления.

Обострились противоречия между национальными интересами отдельных капиталистических стран и общими задачами мирового капитализма. Не только решительные действия, как это было в Чили, но даже полумеры в направлении утверждения независимости раздражают сверхмонополии, «мешают» им спокойно вершить свои дела. В поисках послушных правительств империалистические монополии вынуждены обращаться к крайне реакционным и профашистским кругам, так как уже не находят других, более благопристойных сил, способных проводить их политику. В самой буржуазии наметился раскол в отношении того, какими средствами защищать свое классовое господство, какие меры принимать для выхода из кризиса, для сохранения капитализма. Если одна часть буржуазии полагает, что возможно продолжение развития в рамках существующих систем на путях некоторых уступок массам и частичных реформ, то другая уже не видит выхода в рамках буржуазной законности. Партии, ранее выступавшие самыми ревностными защитниками буржуазных свобод, пытаются использовать неконституционные методы для подавления борьбы народа. Реакция и монополии поддерживают такие тенденции, считая ультраправых ударной силой в борьбе против социализма. Буржуазно-реформистские партии на словах отмежевываются от неофашизма, но на деле не препятствуют его росту, рассматривая фашистов в качестве противовеса левым партиям.

Поэтому борьба за демократию сегодня не является

по своей сути борьбой за поддержание и сохранение буржуазной демократии. Она выступает как альтернатива тенденциям к фашизации политической жизни и имеет в перспективе установление новой формы демократии — народовластия.

Как правило, буржуазия способна преодолевать внутренние разногласия, когда ее господству угрожает реальная опасность. Однако в обстановке кризиса иногда может сложиться такая ситуация, когда столкновение интересов различных групп империалистической олигархии мешает им объединиться для того, чтобы сохранить господствующее положение. Именно такая ситуация сложилась в Чили в 1970 году, когда буржуазные партии, несмотря на реальную опасность победы левых сил на президентских выборах, не смогли объединиться и выступали двумя группировками.

В такой обстановке неизмеримо повышается роль субъективного фактора в революции: способность рабочего класса ясно определить стратегию и тактику, разработать программу, возглавить борьбу — то, что имеет решающее значение и определяет направление развития событий.

Десятилетия борьбы рабочего класса и всех трудящихся масс заставили чилийскую буржуазию пойти на ряд вынужденных уступок во многих сферах политической жизни. Народные массы добились включения в законодательство своей страны многих положений и пунктов, которые при добросовестном их осуществлении могли служить интересам всего народа. Используя мощные профсоюзные объединения и другие формы массовых организаций, трудящиеся на деле далеко расширили свои права и тем самым повысили свою роль в жизни общества. Коммунистическая и Социалистическая партии и их союзники обладали таким влиянием, что оказались способными оспаривать власть у буржуазии в рамках существовавшей конституции. Народному единству было вполне достаточно той законности и той конституции, которая существовала в Чили, для того чтобы осуществить свою программу на антиимпериалистическом и антиолигархическом этапе революции. В Чили сложилась ситуация, на возможность которой указывали основоположники марксизма, когда рабочий класс, коммунисты, революционеры становятся самыми последовательными защитниками буржуазной законности, а те, кто исторически

эту законность создавал, не видят для себя иного выхода, как пойти на открытую борьбу против нее. Реакция с самого начала использовала все средства для свержения законного правительства, то есть шла на нарушение конституции, а Народное единство стремилось наиболее полным образом использовать эту законность для достижения национальной независимости и решения всего комплекса социально-экономических и политических проблем страны.

Реакционерам в Чили вторили маоисты, троцкисты, неотроцкисты. Маоистская группа в ФРГ распространила в Дюссельдорфе накануне Недели солидарности с народом Чили листовку, в которой, в частности, говорилось, что «коммунистические партии, в особенности Коммунистическая партия Чили.., виновны в кровавых событиях сегодняшнего дня».

Одной из важных особенностей современного периода мирового развития является перемещение центра тяжести борьбы двух противоположных систем в область идеологии. Многоплановость идеологической борьбы, ее усложнение вызывают появление потока псевдотеорий, являющихся прикрытием для всякого рода контрреволюционных и проимпериалистических сил. Они используются для подрыва единства коммунистического и рабочего движения. Огромное число этих «теорий», их противоречивость и разнородность свидетельствуют об исторической бесперспективности и обреченности представляемых ими политических сил.

Опыт политической борьбы в Чили, где левачество и сектантство стали одной из основных причин поражения революции, заставил вновь обратить внимание на опасность, которую несут идеологические диверсии левизны и маскирующегося левой фразой троцкизма. Опасность эта не ограничивается рамками одной или нескольких стран, но принимает международный характер. «И совершенно бесспорно, — отмечают французские коммунисты, — что левая критика смыкается с правой критикой Народного единства в Чили во имя борьбы против народного союза во Франции»³.

Империалистическая пропаганда уже в течение ряда лет проявляет повышенный интерес к так называемым марксистским революционным партиям — секциям троцкистского IV Интернационала, обосновавшегося в Париже. У этих малочисленных групп (даже во Франции они

объединяют едва 6 тыс. человек) есть средства для десятков и сотен дорогих изданий, журналов, газет. На так называемом объединительном съезде французских троцкистов в декабре 1974 года было принято решение помимо имевшихся ранее печатных органов начать выпуск ежедневной газеты (как было заявлено, в связи «с улучшившимся финансовым положением»). Активно распространяются писания троцкистов в Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Индии, Италии, США, Японии и других странах. В Аргентине огромным тиражом были изданы сочинения Троцкого и ряд «трудов» его последователей, которые распространяются по всей Латинской Америке. Троцкизм оживился в среде так называемого рассерженного обывателя. Троцкисты не ставят перед собой задачу открыто действовать в рядах организованного пролетариата. На съезде французских троцкистов было заявлено: «Если мы должны вернуться к массам., то это не означает, что мы могли бы прямо организовать массы независимо от их реформистских руководителей, за исключением каких-либо особых обстоятельств...»

Следует учитывать, что ультралевачество и троцкизм на нынешнем этапе стали фактором идеологической борьбы далеко не своими силами: самую широкую рекламу им сделала буржуазная пресса всех капиталистических стран. Эти течения не имеют действительной социальной и политической силы. Они не могут повести за собой массы и играть решающую роль в революционных процессах. Они вносят дезорганизацию и раскол в ряды трудящихся масс и их политических партий и организаций. Главным их идеологическим оружием является антисоветизм и антикоммунизм.

Так называемые критики «слева» по-разному определяли характер чилийской революции. Одни называли ее «буржуазно-демократической революцией, которая решает и некоторые социалистические задачи», другие — «национальной и социальной революцией колониального типа», третьи — «социалистической революцией». Четвертые считали и считают до сей поры, что с победой Народного единства в 1970 году в стране стала складываться «предреволюционная ситуация»⁴. Все они сходились на том, что судьбу революции решит прямая конфронтация сил социализма и буржуазии, которая выльется в вооруженное столкновение. Ни одна из этих характеристик не давала точного представления о происходившем в стране

революционном процессе, что, в свою очередь, приводило к неверному определению движущих сил революции и ее социальной базы. Действительно, революция в Чили не могла считаться буржуазно-демократической, так как она происходила в капиталистической стране, находящейся в экономической зависимости от империалистических монополий, и ее направленность была антиимпериалистической и антикапиталистической. Но Чили уже более 150 лет не была колонией. Ее экономическая зависимость определялась господством международных империалистических компаний, среди которых главную роль играли североамериканские монополии (самые, кстати, «многонациональные»). Поэтому всякие рассуждения по поводу «революции колониального типа» являются прямым или опосредованным отражением троцкистских схем революции и не имеют под собой никакой реальной основы. В то же время определение чилийской революции как социалистической не учитывало, что «путь к социализму проходит через антиимпериалистические и антиолигархические преобразования»⁵.

Троцкисты, как правило, отрицали национальные особенности страны, пытаясь создавать универсальные рецепты, пригодные для всего мира. Недооценка особенностей, специфических черт, национальных характеристик страны приводила их к ошибочным выводам, разработке мертвых, не пригодных для применения схем революционного процесса. Искусственно ограничивая социальную базу революции и выступая против союза со средними слоями общества, «революционеры фразы» ставили себя вне действительно развивающегося процесса и отвлекали от него наиболее сознательную часть трудящихся. Отталкивая от революции армию мелкой буржуазии, служащих, интеллигенции, они тем самым еще более ослабляли и изолировали рабочий класс. В требованиях чилийских ультра «идти вперед», национализировать средние и мелкие предприятия получила выражение свойственная мелкобуржуазному революционизму тенденция к стихийности, неподготовленности выступлений, что на практике приводило к распылению сил и поражениям революционного движения.

Важной чертой этих теорий является также борьба против политики марксистских партий, направленной на создание широких союзов демократических и антиимпериалистических сил. Так, один из французских теорети-

ков левизны П. Бланкар подчеркивал: «Переворот в Сантьяго должен нас научить., что в моменты обострения классовой борьбы... нельзя демобилизовывать народные массы под предлогом широкого союза. И мобилизация... предполагает создание нового авангарда, который активизирует эту борьбу классов и будет повсюду способствовать рождению наступательной народной власти».

Как иначе понять слова Бланкара о том, что «нельзя демобилизовывать народные массы под предлогом широкого союза», кроме как свидетельство абсолютного непонимания самой сущности союза? Широкий союз демократических и антиимпериалистических сил — это современная, исторически проверенная, действенная форма мобилизации народа на борьбу за решение самых актуальных проблем. Для Бланкара временный отказ от части требований главного действующего лица этого союза — пролетариата, связанный с выработкой общей платформы левых сил, означает демобилизацию народных масс. Фактически это перепев старого лозунга «или все, или ничего», который как раз и приводит к демобилизации, к распылению народного движения. За этим кроется полное непонимание диалектики революции. В. И. Ленин писал, что один реальный шаг вперед стоит сотни новомодных теорий, подразумевая под этим ту разрастающуюся в геометрической прогрессии диалектическую перспективу революции, которая непременно откроется вследствие даже одного конкретного революционного завоевания. Нельзя терять из виду главную цель, но нельзя также не намечать, нельзя не вычерчивать самым скрупулезным образом весь путь к достижению этой цели. Вечная путаница задач стратегического характера с тактикой революционных сил, подмена целей и задач борьбы ее формами, ужасающая мешанина понятий, относящихся к программе, с понятиями стратегии и тактики — явления, весьма характерные для левацких и сектантских течений. Ратуя за большую мобилизацию трудящихся на революционную борьбу (с чем никто не спорит), левосектантские группы выступают против союзов, подрывая таким образом социальную базу революции.

Разного рода ультралевые и троцкисты сходятся в оценке правительства Народного единства как реформистского. Американский экономист А. Гунтер Франк в работе, представленной на международном семинаре «Империализм, независимость и изменения в современ-

ном мире» (Дели, апрель 1972 г.), квалифицировал правительство С. Альенде как «популистское», а Народное единство как «реформистский блок», отрицал революционный характер процесса в Чили, предвещал его неизбежное поражение. Его соотечественник ревизионист Пол Суизи вместе с чилийцем Эктором Белавидесом курс Народного единства на углубление революционных преобразований называл «реакционной теорией консолидации... сдерживающей продвижение народа к социализму». Один из чилийских исследователей левосектантского направления Ф. Делькур считает, что, избрав путь на консолидацию, правительство и левые партии приняли линию «на завоевание владельцев предприятий». Неверная оценка леваками политики Народного единства на консолидацию процесса происходит от непонимания того, что на определенном этапе развитие революционного процесса требует закрепления и углубления достигнутого; это не остановка в развитии, а его новая фаза, подчас даже более важная и имеющая более серьезные последствия для успеха; это неизбежный этап, отмечающий качественные изменения; именно глубина осуществленных преобразований определяет в конечном итоге их необратимость.

Лидер троцкистской группировки (так называемой международной тенденции марксистов-революционеров) М. Раптис писал после переворота: «В Чили трагически скончалась реформистская иллюзия „революции“. Всю вину за поражение Раптис сваливает на руководителей Народного единства, не подвергая анализу ни реальное положение в Чили и возможности революционного движения, ни ресурсы и методы контрреволюции, ни, наконец, раскольническую деятельность ультралевых. Для него сама ссылка на национальные особенности конкретной страны уже достойна самого решительного осуждения.

В книге «Какой социализм в Чили?», написанной вскоре после поездки в эту страну, М. Раптис дал весьма расплывчатую характеристику политической ситуации. «В настоящее время, — писал он, — в Чили создалось положение двоевластия в сложном взаимодействии»⁶. О двоевластии, якобы существовавшем в Чили в период Народного единства, писал также французский журналист и социолог Морис Нажман⁷.

Но в Чили никакого двоевластия не было — было

лишь разделение власти, когда в руках революционных сил оказалась часть институтов власти, предусмотренных буржуазной конституцией, а в руках реакции и ее союзников — другая их часть. Создалось, как отмечал член руководства Коммунистической партии Чили Рене Кастильо, «два центра власти», которые боролись за обладание всей ее полнотой.

Не стоило бы особенно останавливаться на этом, но дело в том, что не только Раппис, троцкисты и неотроцкисты, но также и некоторые последователи других политических убеждений полагают, что в Чили в период Народного единства существовало не два центра власти, а двоевластие. Это, на наш взгляд, в корне неверное определение. Что такое двоевластие? В «Письмах из далека» В. И. Ленин писал о том, что в России после Февральской революции возникло «коалиционное», «национальное», «парламентское» правительство, выражающее интересы миллиардных «фирм», и одновременно существует «главное, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это — *Совет рабочих депутатов* в Питере...»⁸. В работе «О двоевластии» Ленин развивал свою мысль: «В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы рабочих и солдатских депутатов... Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон*, изданный централизованной государственной властью. Это — власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике... Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. *Это* власть — *власть того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват»..; 2) замена полиции и армии... прямым вооружением всего народа..; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредствен-

ной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль...»⁹. Ленин особо подчеркивал, что Советы являются «властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения»¹⁰.

Очевидно, что такого положения в Чили не было ни в какой момент развития революционного процесса. Двоевластие по своей сути означает существование — наряду с политической, законодательной, исполнительной властью одних классов — власти других классов, которая располагает параллельно первой всеми ее атрибутами. Таким образом, существуют две относительно полные структуры власти, очень различные и противоположные по своей сути. В Чили же народные силы и реакция поделили между собой различные институты прежде существовавшей системы власти: в руках народа — часть исполнительной власти, муниципалитеты, важные позиции в экономике, а в руках реакции — законодательная и другая часть исполнительной власти (судебные органы), то есть сложилось два центра власти.

В отличие от Рапписа и других троцкистов Ф. Делькур правильно понял цели, которые ставило перед собой Народное единство, беря курс на консолидацию. «Целью этой политики, — пишет он, — было уменьшить ритм инфляции, устранить недостатки в управлении, нехватку товаров, завоевать доверие средних слоев, чтобы изменить в свою пользу соотношение сил и добиться соглашения с христианской демократией»¹¹. Однако сам автор остается противником установления союза со средними слоями общества. Он противопоставляет такому союзу сближение и установление единства с так называемым городским движением, то есть с движением городской бедноты. Однако руководители Народного единства, делая ставку на союз со средними слоями городского населения, вовсе не порывали с беднейшими слоями — союз должен был объединить все демократические и антиимпериалистические силы. Неверно оценивая политическую ситуацию в стране и расстановку классовых сил, ультраправые искажали характер революции и в связи с этим ошибочно определяли социальную базу революции. Те группы в Народном единстве, которые пошли у них на поводу, разделяли народный блок на правое и левое крыло, относя самих себя к левым, а компартию — к правым. На деле же они проповедовали упрощенный аван-

гардизм и представляли не левое крыло блока, а сектантский, левооппортунистический уклон в нем.

Партии Народного единства придавали огромное значение работе с массами и вели упорную борьбу за организацию масс. Организованные в ходе предвыборной кампании комитеты Народного единства, писал Делькур, были «результатом работы КПЧ, которая создала КУП буквально повсюду: на всех фабриках, в учреждениях, в кварталах, на факультетах университетов». Однако впоследствии, по его мнению, эти организации были оставлены на произвол судьбы и постепенно угасали, так как «Народное единство отказалось от того, чтобы сделать из них что-нибудь кроме инструмента в избирательной кампании». Таким образом, по мнению автора статьи, «эта первая возможность органического объединения рабочего, городского и студенческого движения на базе общей политической программы, с тем чтобы постепенно превратить их в местные народные ассамблеи, была добровольно отброшена».

Такая оценка роли комитетов Народного единства требует, на наш взгляд, некоторой коррекции. Вызывает сомнение, что КУП могли превратиться в «органическое объединение рабочего, городского и студенческого движения».

Закрепление низовых форм политической организации не могло способствовать развитию мобилизации масс, а скорее привело бы к параллелизму, против которого боролись коммунисты и который стремилось провести в жизнь правое руководство ХДП. В народном движении Чили очень распространенной и влиятельной была идея единства всех слоев трудящихся. Она исторически сложилась и воплощалась в существовавших организациях народа: КУТ, крестьянских организациях, студенческих федерациях и т. д. Принципиально важно было вести работу в этих организациях, так как в условиях традиционного для Чили партийного плюрализма и на базе проложившей себе дорогу идеи единства можно было добиваться существенного расширения социальной базы левого блока. КУП могли стать только низовой ячейкой Народного единства, но на местах существовали организации всех партий, входивших в блок, и наличие параллельно с ними еще одного комитета не могло не внести путаницы и дезорганизации в ряды членов партии. Тенденция к превращению КУП в новую форму массовой народной

организации, так же как и в ячейку политического блока, могла лишь внести разлад в массовое движение или увеличить бюрократический аппарат левой коалиции. Это не означает, что коммунисты не уделяли внимания или недооценивали инициативы масс. Наоборот, Коммунистическая партия стремилась к тому, чтобы в огромной массе различных форм организации и борьбы, применяемых сознательно или стихийно народным движением, разглядеть именно те, которые наилучшим образом послужат делу революции, отместы и воспротивиться тем формам, которые возникают в результате неправильной оценки обстановки, злого умысла или провокаций врага.

Ф. Делькур отмечал, что создание и укрепление КУП в качестве новой формы низовой массовой организации «вступило в противоречие с тезисом о единстве рабочего класса и средних слоев», необходимом для успешного проведения программы Народного единства. Принятие любого другого решения неизбежно привело бы к тому, что КУП стали бы осуществлять и функции, параллельные другой, уже существующей форме организации. В этом их априорная слабость. Главное качество народной организации типа Советов состоит в том, что она выполняет новые функции власти, представляющей народ. В данном случае КУП выполнял бы лишь функции органов Народного единства, и без того представленного исполнительной властью и депутатами в конгрессе и в муниципалитетах. Не обладая реальной силой (милицией, рабочими отрядами, оружием и проч.), КУП не могли играть никакой решающей роли. Ф. Делькур вынужден признать, что «партии, которые были не согласны с таким решением, не смогли точно определить круг задач КУП...»

Очень часто формы организации, на которые делали ставку левосектантские группировки, приобретали анархо-синдикалистский и экономический уклоны, что вскрывало внутренние идейно-политические слабости тех политических течений, которые брали над ними шефство. По-нятно, что, приняв на веру заявления леваков о том, что правительство Альенде будто бы является буржуазно-реформистским, население поселков нишеты организовывало забастовки с выдвижением узкоэкономических требований. При этом виновные в таком повороте событий ухитряются обвинять Народное единство в реформистском подходе к массовому движению и даже вину за отход руководимых леваками организаций к синдикализму

или иной разновидности буржуазного реформизма сваливают на коммунистов.

Ф. Делькур выдвинул тезис о том, что «государственный переворот означал крах стратегии Народного единства» и «провал курса на союз со средними слоями». Государственный переворот, несомненно, означал временное поражение революционных сил, так же как явился и свидетельством того, что широкого союза со средними слоями установить на данном этапе в Чили не удалось (точнее, революционным силам не удалось сохранить и расширить тот союз со средними слоями, который возник в 1969—1971 гг.). Но означает ли это «крах стратегии»?

Содержание революции в Чили в основных своих чертах осталось прежним, лишь большее значение приобрела ее демократическая направленность. Не изменились ни состав движущих сил революции, ни их расстановка: рабочий класс как руководящая сила, крестьянство, средние слои, прогрессивная интеллигенция, студенчество, беднейшие слои города и деревни. Прежней осталась и стратегическая линия революционных сил: в широком союзе демократических и антиимпериалистических сил под руководством пролетариата и его политического авангарда — к социализму через этап демократических, антиимпериалистических и антимонополистических преобразований. Претерпели изменения формы диктатуры империализма, монополий и олигархии, и в соответствии с этим менялись формы борьбы революционных сил, их тактика, конкретные задачи. Но, безусловно, сохранялась необходимость создания и укрепления союза рабочего класса, крестьянства с широкими средними слоями населения. Неудача с установлением этого союза явилась одной из причин поражения революции. Курс на такой союз был и остается объективной необходимостью революции в Чили. Непонимание этого ультралевыми и левосектантскими группами лишь означает, что они и сегодня так же далеки от подлинного понимания задач и участия в революционном процессе, как и в период, когда Народное единство находилось у власти и когда левачество постоянно ставило ему «палки в колеса».

Но если бы революционные силы придерживались стратегии леваков, то никакого Народного единства и тем более победы 1970 года не было бы, как не было бы разговоров о том, какой стратегии следовало придерживаться правительству Народного единства. Логика лева-

ков, — это логика отрицания всех действительных завоеваний рабочего класса и его партии, логика борьбы против этих завоеваний, то есть логика врагов революционных сил.

Среди ультралевых группировок и группировок троцкистского толка не было единства. Различия их проявились как в оценке характера и значения так называемых «новых унитарных форм народной власти», так и в определении судьбы «чилийского эксперимента». Часть этих групп придерживалась мнения, что «эксперимент» мог быть успешным, если бы Народное единство изменило свою «реформистскую стратегию», приняло бы «новые формы мобилизации», которые явились бы «автономным инструментом борьбы масс, способным развивать и продвигать процесс так же или более успешно, чем правительство». Они допускали, что победа возможна в случае, если союз левых сил станет более узким, более консолидированным и поставит своей непосредственной задачей установление диктатуры пролетариата. Это, конечно, только ширма, за которой стояло стремление вытеснить пролетарские партии, навязать свои концепции и стать во главе движения.

Другие группы критиковали эту точку зрения. Маоисты заявляли о том, что «взять на себя инициативу — еще не означает одержать победу, но означает помешать врагу добиться этой победы в наиболее благоприятных для него условиях». Они не скрывали своего убеждения в фатальной неизбежности поражений чилийской революции. Они собственно ставили вопрос не о победе над империализмом, над буржуазией, а о неизбежном столкновении с ними. Их цель — нанести поражение партии пролетариата, руководству организованным рабочим движением, которых они именуют оппортунистами. Маоисты и троцкисты признают, что их задачей в периоды кризисов и наибольшего накала классовой борьбы является не мобилизация сил для защиты от буржуазии или выступления против нее, а «ускорение роста собственной гегемонии». Более того, заявляют они, для «революционной партии» (т. е. маоистских или троцкистских группировок), «исторически являющейся меньшинством», важно не раствориться в общем союзе революционных сил, а выдвинуть «автономную инициативу». Поэтому троцкисты и маоисты обрушиваются на тех левых, которые понимают, что в союзе с другими революционными силами

легче добиться победы. Для них предпочтительнее добиться нагнетания ситуации до вооруженного столкновения, используя для этого новые формы организации определенных слоев населения. На практике реализация такой тактики могла бы привести к следующей расстановке сил: рабочий класс плюс маргинальные слои (примерно 35—40% взрослого населения) против городских средних слоев, крестьянства, мелкой и средней буржуазии (около 60%). Учитывая то, что среди пренебрежительно отстраненных от революции масс какая-то часть заняла бы нейтральные позиции, силы оказались бы приблизительно равными. Но вне этой расстановки оставались репрессивные органы буржуазного государства: вооруженные силы и полиция. Что как не провокацию против революции означала в таком случае тактика и стратегия ультралевых? Именно эта провокационная деятельность ультралевых, направленная на обострение ситуации и изоляцию рабочего класса, превратила армию в третейского судью чилийской революции. Идеологи ультралевизны признают, что соотношение сил, если иметь в виду возможности оказания военного давления, «сложилось со значительным перевесом в пользу буржуазии», но обвиняют Народное единство в том, что оно не развернуло массового вооружения рабочего класса. Но стали бы генералы спокойно дожидаться, пока Народное единство вооружит рабочих?

Для леваков является характерным абстрактное рассмотрение проблемы, вне взаимосвязи с другими проблемами. Отсюда и примитивизм в их решении: рабочий класс надо вооружить, чтобы он мог пойти на завоевание власти; армию надо заменить милицией, иначе она выступит против пролетарской революции; средние слои, не готовые к «чистой» социалистической революции, — отбросить. После этого следует начинать борьбу. Леваки не задумываются над тем, что именно единство действий рабочего класса и его союзников может оказать влияние на вооруженные силы, способствовать их политизации, усилению демократических и антиимпериалистических настроений, остановить путчистов. Для них возникший перевес на стороне буржуазии является сигналом к выступлению рабочего класса, хотя, казалось бы, логичнее призвать рабочий класс к выступлению, когда перевес сил на его стороне. Они предпочитают поражение подлинных сил революции победе «реформистской линии».

Значение опыта чилийской революции эти «теоретики» видят лишь в том, что «впервые после войны пролетариат на Западе оказался способным использовать новые условия империалистического и капиталистического кризиса... для того, чтобы вызвать проявление инициативы масс, их самоорганизации и вооружения». Они отказываются признавать опыт многолетней героической борьбы чилийского рабочего класса и его партий за единство демократических и антиимпериалистических сил, опыт трехлетнего периода нахождения правительства Народного единства у власти, социально-экономические преобразования в обществе, в том числе и опыт борьбы против империализма и реакции в сложнейших условиях существования двух центров власти в Чили. Для них имеет значение лишь опыт создания раскольнических организаций, использовавшихся леваками в своих гегемонистских целях, для борьбы против революционной стратегии Народного единства, и прежде всего против Коммунистической партии Чили. Анализ некоторых работ теоретиков маоизма и троцкизма показывает, что их роль не была ролью стихийного бунтарского элемента общества, не создающего в силу своей недостаточной политической подготовки тот вред, который приносят его действия. Расширяя авантюристические и провокационные действия, они сознавали, что их результатом явится отказ средних слоев и демократических кругов армии от поддержки правительства. Так, троцкистский международный журнал, издающийся в Париже, писал: «Как только массы стали выходить за рамки бюрократического руководства партий Народного единства..., значительная часть офицеров стала склоняться к позиции соглашения с реакционными силами страны, которые с самой победы Альенде на выборах готовили государственный военный переворот...»¹².

Троцкисты и находящиеся под их влиянием левозкстремистские элементы считали ошибочным деление вооруженных сил на реакционеров-путчиков и демократов. В вооруженных силах они видели лишь классового врага, несмотря на то что на словах признавали наличие в них прогрессивных тенденций. Та часть буржуазной армии, которая готова была бы поддержать пролетариат, должна была, по их мнению, просто выйти из состава вооруженных сил. Все эти надуманные схемы годились лишь для прикрытия контрреволюционной сущности

троцкизма. Действительно, отмечая, что «окончательный исход борьбы зависит от сил, которые пролетариат сможет противопоставить силам реакции», троцкисты и левоэкстремисты в то же время ратуют за его изоляцию, за «очищение» революционного движения от союзников.

Для ультралевых и прикрывающихся левой фразой троцкистов каждая неудача, каждое поражение сил революции — предлог для враждебной критики тех, кто действительно проводит работу по организации массового движения и руководству им. Наиболее откровенно об этом говорит американский ревизионист П. Суизи, который видит ответственность левых перед международным революционным движением в том, чтобы анализировать и критиковать, «имея возможность не взвешивать немедленно политические последствия всего, что мы говорим и делаем, как вынуждены поступать более влиятельные группы».

В то время как в Чили реакция вершила свою кровавую расправу, троцкисты поспешили выступить с обвинениями не в адрес империализма, а руководителей рабочего движения за то, что те игнорировали их советы. Все происходило так, словно они с нетерпением ожидали разгрома Народного единства и Коммунистической партии, «самым откровенным образом проповедовавшей сотрудничество классов». По словам «теоретиков» троцкизма, Народное единство «ограничивалось призывами к массовым демонстрациям», и трудящиеся «становились на путь революции против воли реформистских руководителей Народного единства, из-за самоубийственной ориентации которых чилийский пролетариат оказался под сапогом своих палачей».

В условиях углубления мирового кризиса капитализма и нарастания революции империализм использует два основных метода контрреволюции: навязывание диктаторских и фашистских режимов и подрыв единства революционных сил. Разжигая противоречия, недоверие между различными революционными течениями и организациями, империализм ослабляет ряды борцов, чтобы затем нанести жестокий и кровавый удар с помощью вооруженных наемников. События в Чили становятся уже хрестоматийным примером подобного рода действий.

Реакция постоянно изыскивала новые способы использования растущего недовольства народных масс в своих классовых интересах. Известно, что оно, будучи

весьма сложным социально-политическим явлением, чревато противоречивыми последствиями: на волне массовых волнений и недовольства в 1970 году в Чили победили силы революции; используя недовольство части мелкой буржуазии и средних слоев в 1973 году, реакционно-фашистская клика Пиночета свергла демократическое правительство С. Альенде. Таким образом, рост недовольства хотя и свидетельствует о созревании условий для разрешения существующих противоречий, сам по себе не является свидетельством того, что они будут непременно разрешаться в интересах народа.

В усилении общественного недовольства скрываются различные политические перспективы. Дело в том, что оно проявляется в различных слоях общества, и это вносит в борьбу элементы разрозненности, стихийности, идеологического разброда, свойственные политически незрелым массам. Их активность отмечена политической инфантильностью, воскрешением революционного романтизма, появлением десятков и сотен групп ультраправого и левацкого толка, всеобщей «рассерженностью». Недовольство питает как силы революции, так и различные формы бунтарства и стихийности, дает простор для маневров оппортунистам и либералам и, выливаясь в иррациональные и обывательские тенденции, является благодатной средой для возникновения всякого рода «популистских» и неофашистских моделей империализма. Эти потенциальные возможности стремятся использовать различные буржуазные круги. Упор при этом они делают на мелкобуржуазный и деклассированный элемент, на низкий уровень классового сознания.

Буржуазная пропаганда стремится создать такую атмосферу, при которой пролетариат — основная сила революции оказался бы в изоляции. Они обвиняют рабочий класс в обострении кризиса, вызываемого якобы, с одной стороны, забастовками, требованиями повышения заработной платы, пособий по безработице и, с другой — проявлениями несознательности и нежелания работать.

В бунтарстве, стихийности, в использовании левизны надеются реакционеры и неофашисты найти опору в своей борьбе против рабочего класса, коммунистических партий и стран социализма, в борьбе против прогрессивных форм демократии и национально-освободительного движения.

Ультралевачество, эта разновидность оппортунизма,

получившая определенное распространение в условиях массового недовольства, благоприятствует политике монополий и реакционных кругов буржуазии. Террористические акции ультралевых ведут к обострению внутриполитической обстановки, создают атмосферу страха и неуверенности, что используют реакционные силы в борьбе против рабочего и народного движений.

Цель левацких организаций — любой ценой нажать политический капитал, воспользоваться вступлением в активную политическую жизнь неподготовленных масс, чтобы посеять новые семена антикоммунизма и антисоветизма. Действиями и разглажениями таких людей пользуется буржуазная пресса всех оттенков для нападок на коммунистов, обвиняя их в стремлении сорвать демократический процесс.

Особое место среди всех раскольников принадлежит троцкизму, и прежде всего потому, что троцкизм в отличие от остальных мелкобуржуазных доктрин — не столько неизбежное следствие метаний мелкобуржуазных и непролетарских слоев современного капиталистического общества, сколько сознательно контрреволюционное политическое направление, являющееся в идеологическом плане конгломератом эклектически соединенных «идеек» модернистского и догматического толка. Однако у троцкизма есть ряд общих положений, которых придерживаются все его идеологи и большинство ультралевых группировок, оказавшихся под их влиянием.

В. И. Ленин более полувека назад точно определил троцкизм как «орудие империалистской провокации», а психологию троцкистов — как психологию «взбесившегося мелкого буржуа»¹³. В наши дни необходимость борьбы против «теорий» троцкизма диктуется в конечном итоге вовсе не тем, что существует какая-то неясность относительно этого идейно-политического явления, и не тем, что в нем появились какие-то новые черты. Троцкисты «обновили» и «осовременили» свою доктрину только тем, что механически (что вообще для них свойственно из-за патологического неприятия диалектики исторического развития) восприняли некоторые методы и выводы буржуазной социологии, хотя совершенно не поняли и не стремятся понять сущности этой социологии. Безнадежно отстав от хода развития истории, троцкисты снова вытаскивают на свет потерянные одежки всех разгромленных большевиками-ленинцами антипартийных групп, в

первую очередь самого Троцкого, стремясь оттолкнуть революционное движение от практической деятельности и навязать ему пустые абстрактные споры и дискуссии.

Живучесть троцкизма объясняется его ревизионистско-оппортунистической сущностью и тем, что его в течение уже многих лет открыто и тайно финансируют буржуазные и реакционные круги. Давно замечено совпадение точек зрения реакции и троцкизма на основные явления и проблемы современности. Буржуазные политики видят в троцкизме удобный инструмент для подрыва народных сил изнутри.

Троцкизм сохраняет основы своего существования, пока существует империализм, и было бы полнейшей наивностью думать, что это является тайной для его идеологов. Поэтому задача коммунистов состоит не в том, чтобы заниматься перевоспитанием троцкистов, а в том, чтобы сделать невосприимчивыми к нему те массы, которые могут увидеть в нем или в отдельных его проявлениях нечто позитивное, способное оказать действенную поддержку в революционной борьбе.

Троцкизм — спекулятивное течение, поэтому он не может существовать как единое движение мысли или политическая организация. Какие бы противоречия ни существовали между его приверженцами, их цель остается одной: подороже продать себя платежеспособному покупателю. Раскол — естественное состояние троцкизма и при этом выгодное для него состояние, так как он может «гибко» реагировать на все уклоны в рабочем и демократическом движениях, за счет которых он, собственно, и существует.

Коммунисты трезво оценивают сложившееся соотношение сил и знают, что лишь последовательная борьба за повышение идейно-политического сознания широких народных масс, выступающих в защиту своих прав, может привести к позитивным результатам. Коммунистические и рабочие партии проводят четкую грань между различными слоями населения капиталистических стран, в той или иной степени и форме борющимися против эксплуатации и угнетения, и различными направлениями буржуазной политики и пропаганды, стремящимися использовать накопившееся в массах недовольство в своих классовых интересах. Все три основных направления буржуазной политики: реакционно-фашистское, буржуазно-либеральное и оппортунистическое—переживают опреде-

ленный кризис. Главную опасность, без сомнения, представляет антидемократическое, проимпериалистическое и неофашистское движение. К пропаганде его идеологов особенно чувствительны значительные массы недовольных в капиталистических странах, так как, будучи бунтарской по своей форме, она психологически наиболее близка и доступна людям с низкой политической культурой.

Буржуазные партии, глубоко потрясенные крахом стабильности, на которую они делали основную ставку, мечутся между необходимостью признать наличие кризиса, упадка и заката капитализма и страхом перед рабочим классом и реальным социализмом. Они выбирают на словах среднюю линию (не капитализм, не социализм), а на деле выступают против социализма и рабочего класса. Эти партии объединяются с крайней реакцией в общем стремлении спасти капитализм.

Левачество как разновидность оппортунизма смыкается как с крайней реакцией, так и с буржуазным либерализмом. С ними его роднит антикоммунизм, стремление расколоть рабочее и народное движение, а также опора на бунтарство и стихийность. Общим для всей контрреволюции является использование элитарной и доктринальной методологии анализа происходящих в мире процессов.

Исторический опыт показывает, что леваки и маскирующиеся левой фразой раскольники ни на каком этапе развития революции не могут стать действительными союзниками революционных сил. Часть заблуждающихся действительно переходит на позиции научного социализма и по праву вступает в ряды подлинных революционеров, но это как раз означает их отказ от левачества. Ультралевизна же — это состояние, если можно так выразиться, патологическое, это отказ от самого трудного, неспособность справиться с действительными проблемами, которые ставит время и конкретная ситуация на каждом этапе развития революционного процесса. Точка зрения ультралевых может совпадать с перспективными задачами революционных сил, за которые сегодня они еще не берутся, потому что для их решения не пришло время и не созрели условия. Ультралевые могут провозглашать сегодня эти задачи, потому что осуществить их невозможно и конкретно браться за них нельзя. Легче всего об этих задачах говорить, и они о них говорят, не

предпринимая никаких практических действий. Это и есть оппортунизм левой фразы. Когда приходит время осуществлять то, о чем ультраевые говорили, они вновь (это видно из опыта чилийской революции) занимаются говорильней, потому что отступают перед действительными трудностями, снова остаются на позициях «революционеров фразы», как писал о них В. И. Ленин. Левизна, по меткому определению В. И. Ленина, — это болезнь, с которой следует бороться, а никак не надеяться, что эта болезнь «на каком-то этапе» может принести пользу здоровому организму. Только решительная борьба с левооппортунистическим уклоном может принести пользу революции в целом.

Однако было бы преувеличением видеть главного виновника поражения чилийской революции в ультраевизне. Ее наиболее жестоким и сильным врагом были международные монополии и местная крупная буржуазия, интересы которых были затронуты мероприятиями народного правительства. Но ультраевые внесли свой вклад в победу реакции и фашизма в Чили, и эту их «заслугу» отметила клеймом позора история.

Развитие событий в Чили доказало правоту линии КПЧ на размежевание с леваками. В то же время стало очевидным, что борьба против ультраевизны — это задача не одного какого-то периода в развитии революционного процесса, она не теряет своей актуальности с завоеванием власти, но становится еще более ожесточенной по мере углубления революционного процесса.

Решение этой проблемы лежит не только в плоскости идеологической и политической борьбы, но и в решении социально-экономических задач революции. Лишь одновременная борьба на всех фронтах революции: экономическом, социальном, политическом и идеологическом — может и должна привести к падению влияния ультраевых.

Коммунисты понимают, что бунт части угнетенных масс против эксплуатации, против архаических и несправедливых институтов — на определенном этапе явление закономерное и естественное. Постепенно с повышением классового сознания и приобретением политического опыта, люди, подверженные бунтарским настроениям, вступят на путь сознательной борьбы за социализм. Задача коммунистов — всемерно помогать им и ускорять этот процесс. Решение указанной задачи открывает

перспективу широкого народного единства в сражении против империализма, зависимости и угнетения за демократию, национальное освобождение и социализм.

Борясь за создание широких демократических и антиимпериалистических фронтов, коммунисты подчеркивают необходимость укрепления единства левых сил, обеспечивающего руководство пролетариата в революции. В то же время латиноамериканские коммунисты указывают, что они не признают революционерами тех, кто, прикрываясь левыми фразами, на деле выступает с антикоммунистических и антисоветских позиций. «Быть некоммунистом и быть антикоммунистом, — указывалось в документе конференции коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, — это разные вещи... Антикоммунизм — это реакционная позиция, основа контрреволюционной идеологии нашей эпохи». Эти слова адресованы тем представителям «революционеров фразы», в первую очередь троцкистам и маоистам, которые превратили антикоммунизм и антисоветизм в основу своих теоретических построений и практической деятельности.

Попытки империалистической пропагандистской машины исказить опыт чилийской революции требуют от марксистской науки глубокого и аргументированного анализа как революционных достижений народа Чили, так и неудач и трудностей, вставших на его пути.

Уроки революционного опыта

Контрреволюционный переворот в Чили произошел в обстановке крайнего обострения классовой борьбы. Его движущей силой было стремление международных монополий к установлению своей авторитарной власти.

Все более наднациональный характер современного монополистического капитала, проводимая им ломка национальных границ, воспитание интеллигенции в духе империалистического технократизма порождают идеи об обществе как о хорошо отлаженном производственном комбинате под управлением директора-диктатора. Попытки империалистических монополий ставить на практике опыты по созданию различных моделей «технократического общества» вызывают растущую тревогу. Этим во многом объясняются колебания капиталистических государств в поддержке режима военной хунты, серьезные разногласия в отношении к этому режиму в различных кругах правящих классов этих стран: значительные группы буржуазии опасаются установления диктатуры монополий, которую скомпрометировал фашизм.

В том, что революционные силы в Чили вынуждены были отступить, не последнюю роль сыграла раскольническая деятельность оппортунистов. Свой вклад в победу реакции и фашизма в Чили внесли ультралевые. Подорвала позиции Народного единства уже упоминавшаяся группа реформистов из Радикальной партии. Впоследствии лидеры этой группы стали вольными или невольными соучастниками фашистского переворота. Борьба против правого и левого оппортунизма постоянно оставалась насущной задачей революционных сил, отвлекая их внимание от главного врага. Сам факт идеологической и политической борьбы внутри Народного единства неиз-

бежно порождал два явления: использование этих разногласий правыми и дезориентацию и рост недоверия различных слоев населения. К этому примешивалось соперничество, которое разжигали некоторые сектантски настроенные элементы среди левых сил.

Некоторые группы, зараженные левосектантскими настроениями, искажали позицию компартии по вопросу стратегии и тактики левых сил в революции. Так, выдвинутый КПЧ лозунг о необходимости консолидации революционного процесса трактовался ими как призыв к сохранению статус-кво или даже как уступка реформистам, ведущая к сохранению капитализма. Правые силы и левосектантские течения с помощью экономистской демагогии и авангардистских лозунгов подрывали единство рабочего класса, препятствовали росту его классового сознания. Раскольническая политика христианских демократов и стихийные действия левацких групп вызывали забастовки на ряде предприятий, мешали работе новых демократических органов управления и контроля на производстве, подрывали производственную дисциплину, вели к недооценке роли инженерно-технического состава, снижению производства.

Несмотря ни на что, рабочий класс Чили оставался ведущей силой революции. Как самая организованная общественная сила страны он оказывал серьезное влияние на другие слои общества, в частности на мелкую буржуазию, крестьянство, студенчество, широкие круги интеллигенции. В районах с развитой промышленностью и боевым и организованным рабочим классом эти слои населения занимали прогрессивные позиции, поддерживая левые партии.

Проблема союза между рабочим классом и средними слоями общества в чилийской революции являлась проблемой номер один. Многочисленные организованные по профессиональному и территориальному признаку средние слои оказывают большое влияние на экономическую и политическую жизнь страны. Контролируя почти полностью такие отрасли экономики, как сельскохозяйственное производство, торговля, транспорт, сфера обслуживания и в значительной степени распределение (агенты оптовиков, владельцы мастерских и т. д.), эта социальная прослойка традиционно выступает как один из наиболее активных в политическом отношении элементов общества. Находясь под двойным гнетом местной крупной

буржуазии и иностранного капитала, эти слои населения поставляли кадры и для крайне реакционных, фашиствующих групп, и для ультралевых организаций, и для «популистских» движений. Значительным влиянием среди них пользовалась Радикальная партия, с середины 60-х годов — Христианско-демократическая. Борьба за средние слои (а значит и за армию) была важнейшим фактором в политической жизни Чили в годы деятельности правительства Народного единства.

Чилийская реакция вела борьбу против народного правительства во всех областях общественной жизни: в экономике, политике, идеологии. Буржуазии удалось удержать в своих руках весьма важные экономические рычаги, подчинить своим интересам и политическому влиянию массу средних и мелких предпринимателей, а также профессиональные объединения инженеров, врачей, адвокатов, администраторов и т. д. Фактически вся сфера распределения оказалась под контролем противников Народного единства, что привело к разрыву экономического цикла производства, распределения и воспроизводства, возникновению «черного» рынка. Оппозиция оказалась в состоянии саботировать производство, поставив страну на грань экономического краха.

Народное правительство не смогло выиграть битву за средние слои общества, что подорвало социальную базу революции, оставив рабочий класс, до конца сохранивший верность ее идеалам, в изоляции. Эта неудача означала и потерю контроля над армией, в которой в конечном итоге взяли верх реакционно настроенные элементы.

Левым партиям не удалось расширить завоеванный плацдарм власти до такой степени, чтобы он приобрел решающее значение: законодательная и судебная власть так и осталась в руках реакции.

Революционные силы не смогли организовать достаточно мощного наступления в сфере идеологии: они не только нередко проигрывали идеологические битвы, но и не сумели сохранить единства своих рядов. Раскол левых сил — одна из главных причин поражения чилийской революции.

Коммунисты помнят слова В. И. Ленина о том, что опыт извлекается не только из победоносных революций, но и из революций, потерпевших поражение. Революции 1848 года во Франции и Германии, Парижская коммуна,

революция 1905 года в России, Испанская республика — все это вехи многотрудного пути к победе социализма. Некоторые сейчас говорят, что поражение чилийской революции свидетельствует о невозможности мирного пути революции. В связи с этим следует напомнить, что возможность мирного перехода власти в руки пролетариата обуславливается сочетанием определенных факторов в конкретных условиях конкретной страны. Это одна из возможностей развития революции, она существовала и будет всегда существовать. Субъективная задача революционеров — вовремя увидеть и умело использовать эту возможность. Тем, кто аргументирует свою позицию отсутствием такого опыта в истории революций, можно напомнить, что Маркс и Энгельс пришли к убеждению о неизбежной победе пролетарской революции в то время, когда опыта успешной пролетарской революции еще не было. Опыт чилийской революции не только не ставит под сомнение возможность мирного пути, но, напротив, предоставляет убедительные доказательства в его пользу. Действительно, факт мирного завоевания исполнительной власти в 1970 году свидетельствует о правильности стратегической линии революционных сил, прежде всего Коммунистической партии Чили. Народному единству в сложнейшей обстановке, в окружении могущественных врагов удалось в течение трех лет удерживать завоеванные в 1970 году позиции и до известной степени упрочить их: был укреплен государственный сектор экономики, уничтожен латифундизм, завоевано большинство в муниципалитетах, расширено представительство в конгрессе. Именно тот факт, что, несмотря на все усилия внешней и внутренней реакции, правительство Народного единства продолжало пользоваться широкой поддержкой масс, в первую очередь рабочего класса, и вынудил реакцию пойти на кровавый переворот.

Опыт чилийской революции не однозначен для различных стран. Страны развитого капитализма извлекают из него уроки с соответствующими поправками на разницу в социально-экономической структуре. Развивающиеся страны со сходной с Чили экономической структурой, как правило, значительно отличаются от этой страны в уровне социально-политического развития. Тем не менее этот опыт имеет огромное значение для всего международного революционного и национально-освободительного движения.

На Конференции коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, проходившей в Гаване с 10 по 13 июня 1975 г., были подведены некоторые итоги изучения опыта чилийской революции. Латиноамериканские коммунисты подчеркнули, что опыт Чили, при всем его своеобразии, дал новые свидетельства верности марксистско-ленинского учения о революции. «Чилийский опыт, — говорится в документе конференции, — прежде всего ясно свидетельствует о действительности марксистско-ленинского положения о том, что старые классы добровольно власть не отдают, а напротив, ожесточенно отстаивают ее. Он подтверждает также руководящую роль рабочего класса и необходимость избежать его изоляции в ходе борьбы за социальные преобразования; он подтверждает необходимость проведения политики широких и гибких союзов и выявляет обязательность единого, твердого и однородного руководства силами антиимпериалистической коалиции. Чилийский опыт ясно свидетельствует, что революционное движение не может отвергать ни один из путей демократического подхода к власти, но вместе с тем должно быть готово к тому, чтобы защищать демократические завоевания силой оружия»¹.

Историческое значение имеют сам факт победы левых сил в 1970 году и три года борьбы за глубокие преобразования в чилийском обществе. «В успехе революционного процесса в Чили, — писал член руководства Коммунистической партии Чили Рене Кастильо, — были глубоко заинтересованы международный рабочий класс, миллионы людей. Разумеется, чилийский опыт не был и не должен быть образцом для слепого подражания. Тем не менее он доказывал, что в нашу эпоху рабочий класс и народ могут открыть путь к власти в рамках буржуазной государственной системы и даже при реакционном режиме, если мощное революционное движение, способное действовать в союзе с различными социальными слоями; добьется демократизации политической жизни, закрепит демократические свободы и приведет к такому соотношению сил, которое не позволит реакции применить вооруженное насилие, чтобы помешать победе революции»². Непреходящее значение чилийского опыта состоит в том, что в этой стране была сделана попытка творчески применить общие закономерности ленинской теории революции к решению конкретно-исторических задач мирного развития революции. Чилийская революция показала

принципиальную возможность и историческую перспективность такого пути революционного развития.

Коммунистическая партия Чили в долгой и трудной борьбе нашла новые формы и пути привлечения масс к революции. Ей удалось добиться создания союза демократических и антиимпериалистических сил, объединившего различные партии и организации, представлявшие интересы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, средних городских слоев. Заслугой Коммунистической партии Чили перед международным рабочим движением является разработка ею при новой расстановке сил в мире и в своеобразных условиях своей страны положений о характере революции, ее движущих силах, этапах, а также программы первого антиимпериалистического, антимонополистического и антиолигархического этапа революции. Чилийские коммунисты обогатили международный опыт братских партий разработкой взаимоотношений между партиями, способными принять участие в борьбе за переустройство общества. Четко определив направление главного удара против американского империализма, связанных с ним местных монополий и землевладельческой олигархии, коммунисты разработали революционную, конструктивную платформу борьбы, определили расстановку классовых сил и возможности их группирования в процессе развития революционных преобразований.

Коммунистическая партия Чили, не отрицая своих возможных ошибок, убеждена в том, что «ее позиция безоговорочной защиты Народного единства, ее шаги, направленные на достижение взаимопонимания с другими демократическими кругами, особенно в «низах», ее стремление вселить уверенность в средние слои населения, ее усилия направить главный удар против основных врагов — империализма и внутренней реакции, ее настойчивость в деле укрепления союза коммунистов и социалистов, единства рабочего класса и взаимопонимания между партиями Народного единства, ее борьба за повышение производительности труда, за рентабельность предприятий государственного сектора, строгое соблюдение трудовой дисциплины — все это были составные части полностью правильной общей политики». Опыт чилийских коммунистов в условиях осуществления радикальных социально-экономических и политических преобразований в рамках действовавшей буржуазной конститу-

ции является большим вкладом в разработку марксистско-ленинской теории революционного процесса.

Высоко оценивают опыт чилийских коммунистов компартии других стран. Выступая на митинге в Гаване в январе 1974 года, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «...Ничто из уроков прошлого не пропадает даром. И, в частности, опыт прихода к власти партий Народного единства Чили, несомненно, будет использован борцами за свободу и национальную независимость»³. Опыт Чили вновь остро поставил вопрос о необходимости установления полного народного контроля революционными силами над государственным аппаратом. «Анализируя трехлетний период народовластия, — пишет член Политкомиссии ЦК Коммунистической партии Чили В. Тейтельбойм, — мы не устаем подчеркивать, что прогрессивные силы должны расширять свое влияние на общество, укреплять с помощью большинства населения контроль над аппаратом государственного управления, изгонять фашистские, реакционные элементы, в первую очередь из вооруженных сил. Все это следует делать одновременно и планомерно, развивая организованную борьбу масс на основе правильного, единого политического курса. В этом ключ к решению основного вопроса переходного периода — вопроса о государстве и власти». Для того чтобы демократические силы могли практически решать вопрос о контроле над государственной машиной, они должны располагать механизмами, способными осуществлять этот контроль. Исторический опыт показывает, что эти механизмы возникают по инициативе народных масс в ходе борьбы, что это институты самой широкой народной демократии — боевые организации, создающие условия всеобъемлющей мобилизации масс для развития революционного процесса и защиты завоеваний трудящихся от реакции.

Для осуществления необходимых преобразований мирным путем важно установление и укрепление союза всех прогрессивных сил. Реакция не останавливается ни перед какими преступлениями, чтобы сохранить свою власть. «Буржуазия, — указывают чилийские коммунисты, — провозглашая демократию своим достоянием, без колебаний убила ее, когда народ превратил демократию в орудие прихода к власти. События в Чили подтверждают историческую закономерность: независимо от того, каким путем развивается революционный процесс, силы

внутренней и внешней реакции всеми средствами стремятся лишить народ власти. Они готовы без колебаний растоптать свободу и демократию, о которых так много говорят, пойти на любые преступления ради достижения своих корыстных целей». По мере того как правые реакционные силы попадают во все большую изоляцию, теряют свои позиции, позволявшие им сохранять в своих руках власть в условиях «демократии», они без колебаний идут на мятеж, на нарушение норм буржуазной конституции, прибегают к помощи реакционных кругов армии и фашистских военизированных отрядов. «Диалектика мирового революционного процесса такова, что ослабление позиций уходящих классов усиливает ожесточенность их сопротивления. Хотя возможности буржуазного либерализма еще не исчерпаны, в настоящее время на первый план выступает борьба между двумя вариантами выхода из того кризиса, который охватывает ныне капиталистическое общество: демократическо-революционным и реакционно-фашистским».

В связи с этим проблема объединения широких социальных сил, выступающих против существующего режима, проблема союзов, правильное решение которой является в конечном итоге главным для успешного продвижения сил прогресса, приобретает особую остроту в случае невооруженного пути. Недостаточно просто декларировать состав движущих сил революции, необходимо найти пути привлечения многочисленных средних городских слоев, крестьянства.

В условиях, когда фашизм и реакция в Чили ложью и демагогией старались привлечь на свою сторону средние слои, необходимо было четко определить главный лозунг борьбы. Не «левая альтернатива», а «демократическая альтернатива» выдвигается на первом этапе революции. Это означает, что союз включает не только рабочий класс и его партии, но и все демократические силы и движения, в том числе леворадикальные и левокатолические.

Марксисты на основе опыта и уроков Чили вновь раздумывают о формах и особенностях союзов, блоков прогрессивных сил, которые, опираясь на ясно выраженные классовые интересы, а также на стихийное ощущение этих интересов со стороны масс, по-разному трактуемое различными политическими организациями, на потенциальные возможности различных классов и социальных

слоев, учитывая возможности повышения их идейного и политического сознания, могли бы действительно преобразовать свои страны, повести свои народы по пути полной национальной независимости, быстрого экономического и социально-политического развития.

Политический межпартийный блок представляется как политическое соглашение между двумя или несколькими политическими организациями на основе общей программы, предусматривающей более или менее долгосрочное сотрудничество. Задача прогрессивных антиимпериалистических преобразований для Латинской Америки и для Чили в частности включает целый ряд уже определенных задач: национализацию иностранных компаний, контроль над местной крупной и средней промышленностью, широкую аграрную реформу, модернизацию всей технологии производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, подлинную перестройку системы образования и ликвидацию неграмотности и низкой культуры в широком смысле этого слова, решительные меры по демократизации всего жизненного уклада и т. д. Под такой программой могут подписаться уже достаточно широкие и влиятельные политические силы во многих странах Латинской Америки, представляющие рабочий класс, средние городские слои и городскую бедноту, крестьянство, интеллигенцию, мелкую буржуазию и часть средней патриотически настроенной буржуазии. Блок возможен при том условии и на том уровне борьбы, когда исправленная и обновленная практикой этой борьбы, сформулированная в своих конкретных пунктах идея единства стала достоянием широких (но не всех) слоев населения, объективно являющихся союзниками. В этих условиях в партийных кадрах каждой политической организации возникает сильная тенденция к единству, отражающая требования ее социальной базы. Перед каждым руководством встает вопрос: продолжать ли борьбу за отвоение рядовых членов у своих политических соперников (дело сложное и долгое) или найти формы совместных действий при помощи блока. Блок, при сохранении известной самостоятельности каждой организации, значительно расширяет сложившееся единство снизу, так как сомневающиеся в необходимости единства члены партий и даже его прямые противники, вынужденные подчиняться партийной дисциплине, в практико-организационной деятельности превращаются в функционеров

этого блока (здесь мы пока не касаемся того, что они могут и вредить этому единству изнутри, проводя и развивая сектантские тенденции). Оговоренная и одобренная общая платформа не ослабляет, а скорее даже обостряет борьбу по остальным программным пунктам. Обострение вызывается тем, что самой природой политической организации предусмотрено наличие целевой конечной перспективы. С принятием общей платформы, включающей тот минимум (и максимум) вопросов, по которым удалось достигнуть соглашения, делаются более очевидными и потому актуальными разногласия по вопросам долгосрочной перспективы. Слабые члены коалиции задаются вопросом: следовать ли линии одного из более сильных союзников или оказаться выброшенными за борт (не из-за отсутствия доброй воли у союзников, а самым ходом развития). Следовать же линии сильного союзника означает на практике лишиться собственного лица и в конечном итоге исчезнуть как партия. Второй вопрос, не менее мучительный, состоит в том, что разница и степень радикальности каждой из программ как бы заранее предопределяют, что на каком-то этапе более умеренная организация должна быть отброшена как союзник. На первом этапе пути «временные попутчики», а это в первую очередь мелкобуржуазные партии, не могут видеть, хотя бы в силу своей мелкобуржуазности, какое воздействие на них самих окажет поступательное развитие революции. Со свойственной мелкобуржуазным революционерам метафизичностью и механистичностью они переносят на будущее имеющиеся или имевшиеся в прошлом схемы.

Оба эти явления неизбежны. Следовательно, перед пролетарской партией стоит задача не отмахиваться от них, не надеяться на то, что в данных национальных условиях такое явление не возникнет, а готовиться к его неизбежности.

Марксисты понимают политический союз не как нечто временное, а соратников по коалиции — не как «временных попутчиков». Диалектический подход, марксистский метод анализа позволяют заключить, что ход развития истории, а в данном случае ее конкретного этапа, определенного задачами развития каждой национальной революции, ставит перед революционерами ежечасно новую задачу, которая неизбежно вытекает из каждого, пусть самого ничтожно малого, но действительно рево-

люционного шага. Революционная практика сама вносит поправки в политические программы. Включившись в революцию, люди и организации уже независимо от их воли подчиняются ее объективным законам. В ходе революции отменяются, отстают и отбрасываются не партии и организации, а люди и руководители, пытающиеся пойти против ее объективных законов. Коммунисты не считают, что истина принадлежит им с первых шагов революции. Но они готовы к тому, чтобы уметь понять требование каждого момента, готовы к тому, что революция будет их учить, а они будут учиться. С ними вместе будут учиться другие союзники по борьбе, и искреннее стремление к истине приведет не к разобщению и неизбежному вытеснению одних другими, а к еще большему укреплению единства.

Создание межпартийного союза, блока, коалиции расширяет сложившийся де-факто союз на уровне социальных слоев и рядовых членов. Одновременно и неизбежно происходит и некоторый «разрыв», который делает идеологическую и политическую борьбу внутри блока более острой и напряженной. При этом вопросы идеологии и идеологическая борьба приобретают особое значение. И тут появляется трудность двоякого рода: нужно вести идеологическую борьбу против своего союзника, но при этом не оттолкнуть его от союза. Кроме того, критика союзника дает в руки врага оружие против него и против всего блока, позволяя спекулировать на теме раскола и оказывать влияние на наиболее слабые и неустойчивые элементы коалиции.

Таким образом, проблема внутриблоковой идеологической борьбы, возникающая тотчас после создания блока, выдвигает еще одну проблему — межпартийные отношения.

Коммунистические партии, имеющие большую практику политики союзов, накопили огромный опыт межпартийных отношений. Но сложность состоит в том, что этот опыт является национальным. Трудно выделить общее для всех коммунистических партий из опыта, например, компартий Франции, Индии и Чили. Однако некоторые моменты все-таки поддаются обобщению. Это лояльность в отношениях, дружелюбный тон в критике, неприемлемость личных выпадов, встречи и контакты (постоянные и на всех уровнях), создание смешанных групп для решения всех проблем — от теоретических до эле-

ментарного участия в расклеивании листовок, в субботниках и т. д., прекращение полемики в сложные политические моменты в стране, трезвая реакция на провокации буржуазных средств массовой информации, прямые контакты для выяснения всех недоразумений, не прибегая к посредникам, и др. Эти положения кажутся очевидными, но в обстановке острых дискуссий по идеологическим и политическим проблемам, как показывает практика, только очень опытные и трезвые руководители оказываются способными их выполнять. Дополнительная трудность для коммунистических партий состоит в том, что не они чаще всего нарушают правила межпартийных отношений. Индивидуализм и слабая партийная дисциплина, характерные для мелкобуржуазных партий, приводят к тому, что именно с их стороны делаются необоснованные, иногда истерические, антикоммунистические заявления. Широкая публичность, характерная обычно для стран, где складываются блоки, гибкость и маневренность буржуазной прессы, умело использующей пропагандистские механизмы воздействия на широкого читателя, подчас делают неизбежной прямую и публичную реакцию коммунистов на выпад. Создание подобной ситуации — старый трюк буржуазной политической машины.

Умело использовала эти методы и буржуазная пресса Чили. Так, «Меркурио», «Сегунда» и другие реакционные газеты в июле 1973 года упорно писали о неких намерениях Социалистической партии, левых христиан, МАПУ и МИР создать новый союз левых сил совместно с так называемой революционной коммунистической партией (мелкой маоистской группировкой) в противовес Коммунистической партии Чили. В тот период мудрость и политическая трезвость чилийских коммунистов помогли сорвать замыслы реакции, стремившейся расколоть Народное единство.

Опыт Народного единства показал, что по мере осуществления программы преобразований положение социальных категорий населения, входивших или примыкавших к союзу, находившихся в противоположном лагере или бывших нейтральными, существенно меняется в общей социально-экономической и политической структуре общества. Например, значительные средние слои, тесно связанные экономически с местными и иностранными крупными монополиями, теряли источники своего до-

хода и существования. Часть мелкой буржуазии, обнаружив огромное поле для деловой активности, стала рассматривать политические проблемы как обузу и помеху своей деятельности. Положение других слоев населения тоже значительно изменилось: масса крестьян и сельскохозяйственных рабочих получила землю, изменения в сфере просвещения создали новые условия для преподавательского состава и студенчества и т. д. В связи с этим возникла необходимость дальнейшего развития разработанной коммунистами и другими левыми силами стратегии и тактики союзов. Нужно было выдвигать новые задачи, находить новые пути для единства, вырабатывать новую платформу борьбы для этих слоев населения. Появилась необходимость в научно разработанном плане наступления, выравнивания фронтов, тактических отступлений, укрепления завоеванных позиций.

После победы Народного единства и в связи с расширением и углублением прогрессивных преобразований, а также все более активным стремлением масс принять участие в революции встал вопрос о формах массовой организации с тем непременным условием, чтобы руководящая роль рабочих организаций не уменьшалась. Наиболее приемлемым в этих условиях было усиление роли Единого профсоюзного центра как общенациональной массовой организации, что практически должно было вылиться во вступление организаций новых типов народной мобилизации в КУТ и принятие ими его структуры. Однако оказалось, что новые организации, носившие отпечаток мелкобуржуазных революционных форм и не подготовленные для восприятия структуры и дисциплины, характерных для развитого профсоюзного движения, часто держались обособленно, а их руководители, движимые гегемонистскими устремлениями, пытались представить новые формы как более высокие революционные формы организации по сравнению с КУТ.

Настойчивость некоторых руководителей КУТ не приносила нужных результатов. Детально же разработанной политики в отношении новых типов массовой организации практически создать не удалось. И хотя для объяснения и оправдания такого положения существует много объективных причин, тем не менее сам факт, что Народное единство и КУТ не смогли структурно объединить стихийно разраставшееся стремление народа принять непосредственное участие в процессе, обусловил из-

вестные слабости левого блока и правительства. Ни в каком случае не пытаюсь поучать или подсказывать в данном случае, мы позволим себе констатировать, что возникшие организации средних слоев и городской бедноты (создание которых правительство и левые партии всеми силами поощряли) в результате указанных выше недостатков ушли из-под контроля руководства левого блока и заняли левосектантские или правооппортунистические позиции, которые реакция смогла на определенном этапе с успехом использовать. Именно это обстоятельство привело в конечном итоге к определенной изоляции наиболее сознательных отрядов рабочего класса от их потенциальных союзников. Недостаточно успешная деятельность правительства и левых партий по мобилизации все более широких слоев населения, сектантские позиции некоторых руководителей профсоюзов и разгул мелкобуржуазного революционизма — вот основные трудности, мешавшие складыванию подлинного революционного единства чилийского народа. В связи с этим упрек в авангардистских тенденциях, имевших место в рядах Народного единства, следует употреблять с большой осторожностью: авангардизм имел место не в смысле опережения хода событий и пуристского подхода к задачам революции, а в том смысле, что организованный пролетариат намного опередил в уровне политического сознания и понимания смысла и требований организации те слои населения, которые с энтузиазмом, но без достаточного опыта вливались в борьбу. Но он не смог достаточно быстро и эффективно представить доказательства преимуществ выработанных им в ходе исторического развития форм и принципов организации. В этом трагедия рабочего класса Чили и чилийской революции.

Теоретическое понимание руководителями Народного единства сложившейся ситуации не облегчало поисков выхода из нее. Вопрос стоял так: продолжать революционный процесс под руководством рабочего класса и укреплять его положение как гегемона революции (эту позицию занимали коммунисты) или пойти на поводу у многочисленной, но стихийной и слабой в организационном отношении мелкобуржуазной массы, которая к тому же не была единой в идеологическом отношении: анархистские тенденции в ней переплетались с крайностями волевого коммунизма и казарменного социализма.

Упомянутую изоляцию передовых отрядов рабочего

класса не следует рассматривать как метафизическое состояние. Вернее было бы сказать, что ряды сознательного и организованного пролетариата ширились и крепили, что широкие массы трудящихся, выступавшие вначале под лозунгами ультралевизны, все чаще солидаризировались с передовыми отрядами. Однако главная тенденция состояла не в усилении изоляции контрреволюционных сил, а в идейно-политической поляризации чилийского общества, в глубоком его расколе на два почти равных по силе лагеря. И хотя в стратегической перспективе время играло на руку левым силам, в конкретной ситуации, когда решающее столкновение подталкивалось сознательно и искусно силами реакции и империализма, речь могла идти лишь об очень небольшом отрезке времени, в течение которого нужно было подготовиться к сражению. Этот отрезок времени оказался слишком кратким...

Место и время сражения не выбирает лишь один из противников. Они определяются как результат тактики, маневров и зависят от глубины тылов, которые успела подготовить и укрепить каждая из сторон. Чилийская революция столкнулась с очень сильным противником. Ее задача состояла в том, чтобы, маневрируя, наносить ему частичные поражения, ослабить его и навязать свои условия для решающего сражения. Кроме того, необходимо было создать глубокие и укрепленные тылы, чтобы облегчить маневр и определить возможный предел для отступления. В этих условиях «идти вперед без остановки» означало распылить силы и растерять по дороге бойцов. Это была бы самоубийственная тактика.

Настоятельной необходимостью для политики союзов, ведущих борьбу с империализмом и буржуазией на их собственном поле, в условиях соблюдения буржуазной конституции, является выполнение ленинского требования о научной разработке каждого политического шага, о необходимости подготавливать и иметь кадры: политиков, идеологов, юристов, — способные бороться с буржуазией ее же собственным оружием. Чилийский опыт, кроме того, показал, и это, видимо, имеет значение для любой страны, которая попытается немирным путем начать переход к социализму, что революционные силы должны располагать штатом экономистов, администраторов, руководителей производства на разных уровнях, которые были бы хорошо знакомы со структурой народного хозяйства, которые знали бы все связующие нити внутри него.

и, овладев одним из звеньев общей цепи, представляли себе, каким образом это отзовется на всех остальных, и вовремя предпринимали необходимые действия, с тем чтобы не повредить экономически и социально своим действительным и потенциальным союзникам, умели бы действительно, а не только на словах, не только одними пожеланиями показать, что, например, у мелкого торговца или предпринимателя, у адвоката, имеющего собственную контору, врача, ведущего практику на дому, толкового инженера или архитектора, ожидающих заказов, есть место для плодотворной работы и жизни в будущем обществе. «Мы, коммунисты, — писал, анализируя события в Чили, В. Тейтельбойм, — должны обладать большим воображением, более творчески подходить к событиям, проявлять большую инициативу, чем наш противник, который составляет свои планы и прогнозы, привлекая целые научно-исследовательские центры и используя современную вычислительную технику».

Научная разработка и проведение политики революционных сил тем более важны, что, как показал чилийский опыт, империализм и реакция при попытке завоевания власти рабочим классом мирным путем стремятся и оказываются способными создать второй центр власти, который является центром притяжения всех сил оппозиции и располагает всеми современными средствами экономического, политического и идеологического наступления. Для успешной борьбы с этим буржуазно-монополистическим центром власти революционные силы должны быть оснащены самой передовой техникой, использовать самые последние достижения науки об обществе, располагать самыми подготовленными кадрами не только профессиональных революционеров, но и технических специалистов. Наличие всех этих элементов позволит разработать правильную политику и стратегическую ориентацию, которая даст возможность выдвигать и формулировать политические программы, обеспечивающие дальнейшее сплочение движущих сил революционного процесса. «Во всяком случае, — считают чилийские коммунисты, — создается возможность решать очень сложную задачу защиты интересов различных социальных слоев в ближайшей и длительной перспективе, более глубокого сочетания текущих требований рабочих, крестьян, интеллигенции, средних слоев города со стратегическими целями, возможность расширить и углубить связь с массами,

поднять их боевой потенциал, повысить бдительность». Большевики, руководимые В. И. Лениным, готовили революцию на базе научных достижений начала XX века. Задача революционеров последней трети XX века — использовать в своей деятельности все научные достижения своей эпохи.

Борьба за укрепление союза демократических и антиимпериалистических сил, рабочего класса подразумевает разработку ближайшей стратегической перспективы не только для союзников пролетариата, но и для самого рабочего класса. Достижение и укрепление единства рабочего класса, привлечение большинства его на сторону революции ставит вопрос, во-первых, о неразрывной взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм, а во-вторых, о непрерывно меняющихся и усложняющихся задачах рабочего класса и, следовательно, о формах его борьбы и мобилизации на эту борьбу.

Рабочему классу в союзе демократических и антиимпериалистических сил должна принадлежать руководящая роль, и только при достижении такого положения преобразующая деятельность этого союза достигнет решающего успеха. В связи с этим революционным силам ни на одном этапе революции нельзя терять главной перспективы — социалистической революции. В. И. Ленин подчеркивал необходимость «уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй»⁴. Весь опыт международного рабочего и коммунистического движения убедительно подтверждает правильность ленинской постановки вопроса. Опыт чилийской революции представил новые доказательства ее непреходящей актуальности. «Чилийский опыт, — указывает В. Тейтельбойм, — блестяще доказал возможность сформировать народное правительство в результате победы на выборах блока левых сил, руководимого рабочими партиями и опирающегося на марксистско-ленинскую идеологию. Разоблачена несостоятельность буржуазного тезиса о «несовместимости» революции и демократии, подтвердилась правильность мысли, что борьба за демократию — это неотъемлемая часть борьбы за социализм». Хотя бы временный отказ от социалистической перспективы, отход от диктуемых ею задач, стремление замаскировать ее из-за ложно понимаемых задач сохранения единства с несоциалистическими союзниками означает правооппортунистический ук-

лон, который немедленно приводит к всплеску левацких настроений, питает сектантство и ультралевицу.

Руководители чилийских коммунистов трезво и самокритично анализируют деятельность Народного единства в период его пребывания у власти. Они выделяют следующие основные недостатки и недоработки левых партий: существование двух борющихся тенденций внутри блока и правительства Народного единства, отсутствие единой и последовательной стратегии и тактики, четкого плана завоевания власти в стране.

Если коммунисты, представлявшие первую тенденцию, опираясь на ленинскую теорию и исходя из конкретных условий, которые выдвигались самим ходом развития революционного процесса, активно содействовали сплочению вокруг рабочего класса народных сил, стремились к завоеванию подлинного большинства народа для того, чтобы «раз и навсегда решить в пользу народа вопрос о власти», то представители другой тенденции занимали сектантские позиции, навязывали бесполезные дискуссии, вносили элементы раскола в рабочее движение, из-за чего трудящиеся теряли политическую перспективу, возникали авангардистские течения. С другой стороны, разрастались реформистские концепции: «Недооценивались некоторые особенности страны, глубоко укоренился предрассудок о неизменности прежних политических институтов. Возлагались чрезмерные надежды на профессионализм вооруженных сил, их верность конституции. Считалось, что хотя бы часть их останется на стороне законного правительства. ...Ошибка заключалась в том, что не учитывался в должной мере классовый характер таких институтов, игнорировалась возможность того, что под давлением империализма и реакционных кругов эти институты, одновременно с переходом средних слоев в лагерь оппозиции, вступят в полосу кризиса и подвергнутся эрозии». Выводы чилийских коммунистов из этого анализа следующие: 1) «ленинские указания о том, что народ — законный выразитель демократии и что он должен установить полный контроль над всем государством, — это истина, которую нельзя игнорировать»; 2) «учитывая жестокий опыт, следует напомнить очевидную истину, что, если народ хочет быть хозяином своей судьбы, он непременно должен добиваться жизненно необходимой демократизации вооруженных сил».

Главный путь демократизации армии лежит через ус-

тановление прочного союза между рабочим классом, городскими средними слоями и крестьянством, через постоянную, серьезную политическую и идеологическую работу с мелкобуржуазными слоями общества и молодежью и, наконец, через материальную и морально-этическую заботу об этих категориях населения и о личном составе вооруженных сил. Существенной стороной идеологической работы со средними слоями, молодежью и непосредственно с армией является разъяснение разницы между буржуазным национализмом, постулаты которого вдалбливаются солдатам и офицерам в школах, академиях и казармах, и подлинным чувством национальной гордости и патриотизма. Таким образом, главный путь к демократизации армии — тесная связь между социальной и военной политикой демократического правительства. Все просчеты социальной политики реакция использует для укрепления своих позиций в вооруженных силах. Борьба за демократизацию армии направлена в конечном счете на то, чтобы расширить связь армии с народом, привлечь на сторону демократии основную часть солдатской массы.

«Каждая партия, — говорил, напоминая ленинские слова Л. И. Брежнев на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в июне 1976 года, — участвует в развитии революционной теории... С большим вниманием относясь к творчеству своих товарищей по коммунистической семье, мы исходим из того, что критерием верности или, напротив, ошибочности тех или иных положений может быть только практический опыт»⁵.

Опыт Чили показал, что империализм, перешедший в целом к оборонительной позиции в борьбе с революционным движением, обладает еще мощными средствами для достижения своих целей. В случае невозможности прямого вмешательства он использует своих сателлитов, пускает в ход экономические и финансовые механизмы международной империалистической системы, финансирует реакционные круги, стремится сохранить контроль над вооруженными силами, направляет деятельность средств массовой информации, засылает «специалистов» по подавлению народных выступлений. В связи с этим возрастает роль координации международного демократического движения, которое, действуя согласованно, способно раскрыть замыслы реакционеров и предотвратить их. Солидарность международного проле-

тариата и демократической общественности не раз помогала народному правительству Чили выдержать натиск империализма и реакции, сейчас она помогает в борьбе народных сил против фашистского режима. Укрепление и расширение этой солидарности — стимул в борьбе революционных народов за освобождение.

Опыт чилийской революции имеет чрезвычайно большое значение для международного рабочего и коммунистического движения. В нем нет незначительных или второстепенных сторон, так же как их нет в деятельности коммунистических партий и революционных сил. «Мы подчеркиваем необходимость изучать положительный и отрицательный опыт, накопленный на протяжении трех лет пребывания у власти народного правительства», — пишет В. Тейтельбойм. «Мы стремимся, — продолжает он в другой статье, — не только осмыслить опыт прошедших лет, но и извлечь уроки, полезные для нашей сегодняшней трудной борьбы, чтобы рано или поздно добиться освобождения родины от фашистского ига. Анализ чилийской проблемы не является монополией чилийцев. Это право всех революционных партий, всех тех, кому небезразлична судьба других народов».

Анализ событий в Чили, проведенный коммунистами, определяет основные направления в изучении уроков чилийской революции для революционно-освободительного движения, позволяет сделать ряд важных выводов. Ход борьбы революционных сил Чили, и прежде всего Коммунистической партии, за победу и создание революционно-демократического правительства представляет собой важнейшее историческое событие последнего времени, огромную по важности школу классовой борьбы. Большое международное значение имеет опыт взаимодействия политических партий, входивших в блок Народного единства. Этот опыт показал возможность многопартийного руководства процессом преобразования экономической структуры общества, во время которого происходило сближение многих принципиальных положений идейно-политических платформ союзников, усиление влияния марксистско-ленинской идеологии внутри блока. Определяющим в характеристике Народного единства было то, что в основе его лежал союз Коммунистической и Социалистической партий — партий рабочего класса страны. Руководящая роль рабочих партий в демократической и антиимпериалистической коали-

ции — решающий фактор успешного развития и укрепления народной коалиции. Опыт Народного единства показывает, что прочность союза прогрессивных партий подвергается серьезному испытанию после завоевания власти и в ходе руководства процессом перестройки общества.

События в Чили подтверждают, что в развитии революции «день второй» является всегда самым трудным днем, что задачи закрепления и продвижения вперед революционного процесса являются наиболее сложными. В стремительно разворачивающемся вихре классовой борьбы, политических и идеологических сражений, глубоких преобразований социально-экономического характера борьба за упрочение достигнутых революционных завоеваний сливается в сплошной поток разнообразных по задачам революционных актов. Тем не менее по своей внутренней сути они легко подразделяются на три вида: действия, направленные на разрушение власти прежде господствовавших классов; действия, носящие оборонительный характер и отражающие попытки реванша контрреволюции, и действия, мобилизующие трудящихся на выполнение задач строительства и создание нового общества. Забвение или недостаточное внимание хотя бы к одной из этих задач чревато самыми серьезными последствиями для судеб революции. Тем не менее очевидно, что если первые два рода задач (их злободневность, необходимость мобилизации сил для их решения) зависят в конечном итоге не от революционных сил, а от степени сопротивления уходящих классов, то созидательная миссия — это долговременная и важнейшая задача революционеров.

Для коммунистов овладение политической властью не является конечной целью. Это лишь начальный рубеж на пути к осуществлению политических идеалов. Поэтому в тактике революционных сил, добившихся политической победы и полностью или частично взявших власть, главное определяется созидательным содержанием их стратегии. От того, насколько глубоко и верно удастся новой власти выразить коренные интересы народных масс и опереться на их широкую и сознательную поддержку, то есть от того, насколько верно созидательная деятельность новой власти отражает надежды и чаяния огромных масс трудящихся, зависит способность рабочего класса закрепить революционное завоевание, удержать власть.

укрепить государство, отражающее интересы прогрессивных сил общества.

Только привлекая на свою сторону самые широкие массы населения, руководство революционного государства может избежать того рокового заблуждения, на которое указывал В. И. Ленин, подчеркивая, что «одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров». Продолжая эту мысль, В. И. Ленин писал: «Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи»⁶.

Объединение пролетариата с другими трудовыми слоями, прогрессивными и демократическими силами общества составляет неперенный элемент революционной стратегии. Но особенно широкие перспективы для такого объединения возникают на мирном пути завоевания власти, ибо, говоря словами Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Л. Корвалана, «в русло мирной революции можно вовлечь больше сил, в том числе слои, которые традиционно проявляют колебания перед лицом вооруженной революции, если только не создается очень острая революционная ситуация, которая вовлечет их в нее»⁷.

В подобных условиях от пролетариата, его политического авангарда требуется повышенная чуткость к интересам, настроениям, запросам приобретенных и потенциальных классовых союзников.

В формировании и упрочении социальной опоры революционной власти многое зависит от того, в какой степени пролетарская партия следует ленинскому призыву — «не принять изжитого *для нас* за изжитое *для класса*»⁸.

Постановка вопроса о завоевании рабочим классом и его союзниками всей политической власти уже содержит в себе самой отрицание по меньшей мере части той конституционности, в условиях которой это завоевание началось. Рабочий класс своей борьбой заставлял буржуазию менять конституцию, вносить в нее те изменения, которых он добился де-факто, например рабочее законодательство, всеобщее избирательное право и т. д. Революционно-демократическое правительство не может, де-

кларировав свою верность конституции, тормозить юридическое оформление фактических завоеваний трудящихся, тем более мешать закреплению этих завоеваний. Твердая защита конституционности в тех областях, где реакция занимает более сильные позиции, и широкое народовластие там, где сильнее позиции революционных сил, — такова основная политическая линия демократических сил в отношении буржуазной конституции⁹.

Опыт Чили вписывает новые страницы в марксистскую теорию развития революционного процесса, обогащает ее разработкой новых путей и форм вовлечения масс в революционную борьбу, объединения народных сил под руководством рабочего класса для осуществления антиимпериалистических, антимонополистических и аграрных преобразований, новой практикой осуществления широких союзов демократических сил.

Важным вкладом чилийских коммунистов является разработка и осуществление взятия исполнительной власти мирным путем, используя особенности чилийской конституции, предоставляющей широкие полномочия президенту страны.

Трехлетний опыт народного правительства доказал принципиальную возможность осуществления коренных экономических преобразований в условиях мирного развития революции и в процессе завоевания всей полноты политической власти.

Доказав, что и мирный путь революции подчиняется общим закономерностям, чилийская революция выявила специфические черты такого пути: усложнение взаимосвязи политического, экономического, социального и идеологического аспектов; необходимость для революционных сил располагать кадрами администраторов, экономистов, технических и военных специалистов, чтобы понимать маневр врага; растянутый во времени период завоевания власти облегчает деятельность реакции и осложняет взаимоотношения между союзниками в блоке прогрессивных сил; необходимость по мере продвижения революции постоянно пересматривать и развивать платформу блока, оценивать реальное соотношение сил и новые социально-экономические и политические связи и отношения; крайнее обострение соревнования между силами реакции и прогресса в их стремлении быстрее, полнее и правильнее извлечь уроки и сделать выводы в практической деятельности.

«Важный теоретический и политический вывод, вытекающий из опыта Чили, состоит в том, что, в какой бы форме ни происходил переход к социализму, на определенном этапе неизбежна прямая конфронтация народных масс и реакционных сил. Это, по существу, определяет узел проблем руководства революционно преобразующей деятельностью рабочего класса по осуществлению перехода к социализму в мирных формах. Важнейшей и первой задачей партии является создание социального, политического, экономического и идеологического механизма, который принудил бы эксплуататорские классы согласиться с волей народа, заставил бы их принять реальность и неизбежность социалистического пути развития, при этом в мирной форме. В случае же отказа эксплуататорских классов от такого пути народные массы должны располагать волей, организацией и силой; чтобы сломить их сопротивление»¹⁰.

Опыт Чили показал, что революционные силы должны в полном объеме владеть всеми формами борьбы, уметь применять мирное и немирное насилие и сокрушительно отвечать на насилие реакции. Это означает, что трудящиеся должны располагать необходимой массовой организацией, подготовкой (в том числе военной) и средствами. На их стороне должно быть активное большинство народа, дающее перевес силам революции в нужный момент.

Опыт Чили показал, что вопрос о неизбежном сломе буржуазной государственной машины в условиях мирного перехода, о темпах и путях демократизации государственного аппарата зависит от всего комплекса упомянутых выше проблем, прежде всего от того, смогли ли революционные силы добиться перехода большинства на свою сторону, осуществили ли организационную и политико-психологическую подготовку масс, и от силы и форм сопротивления господствовавших классов.

В условиях Чили еще раз подтвердилось марксистское положение о необходимости наступательной политики революционных сил. Это не означает, что ежедневно должны переходить в руки государства новые предприятия, новые поместья, новые узловые пункты господства эксплуататорских классов. Каждый такой акт требует подготовки и формирования соответствующей ситуации. Это означает ежедневное завоевание новых союзников, новых масс на сторону революционных сил, нейтрализа-

цию других, работу по демократизации армии, подготовку трудящихся и их авангарда в плане укрепления их боеспособности, работу со специалистами, техниками и инженерами, совершенствование партийных и административных кадров, разработку следующих шагов революционных сил на всех уровнях экономики и политики. Говоря об активном, наступательном характере деятельности сил революции, мы имеем в виду постоянную и действенную готовность пролетариата и народных масс силой подавить контрреволюционное (в том числе вооруженное) выступление буржуазии.

«Революция в Чили, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев с высокой трибуны XXV съезда партии, — явилась ярким выражением страстного стремления народа этой страны освободиться от гнета и эксплуатации собственной буржуазии и иностранных монополий. Ее возглавили люди безукоризненной честности и большого гуманизма. Она подняла на строительство новой жизни широкие массы трудящихся. Но заговор чилийской реакции, спланированный и оплаченный — как это теперь всем известно — иностранным империализмом, захватил революцию врасплох. Военно-фашистская диктатура залила страну кровью. Убиты, замучены, брошены в тюрьмы десятки тысяч лучших, преданнейших сыновей и дочерей трудового народа. Черная ночь террора опустилась над страной. Однако временное поражение чилийской революции не умаляет ее исторических заслуг, значения ее опыта»¹¹.

Трагедия Чили не перечеркнула вывода коммунистов о возможности различных путей революции, в том числе мирного, если для этого в стране существуют необходимые условия. Но она напомнила о том, что революция должна уметь себя защитить. Она требует бдительности против современного фашизма и происков иностранной реакции, усиления международной солидарности со всеми, кто избирает путь свободы и прогресса.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Сальвадор Альенде. История принадлежит нам. Речи и статьи. 1970—1973 гг. М., 1974, с. 379.
- ² «Визит Леонида Ильича Брежнева в Республику Куба». М., 1974, с. 35.
- ³ «Documentos oficiales del Partido Comunista de Chile emitidos en Santiago después del golpe militar fascista», 1975; «Informe entregado por el camarada Orlando Millas a nombre del Secretariado del coordinador para el exterior del Partido Comunista de Chile», 1975; «Chile: ya existen cimientos para la unidad antifascista», «Boletín de información», 1975, N 12; C. Cerda. Genocidio en Chile. Р., 1974; Э. Л. Годдард. Заметки о военном перевороте в Чили. «Латинская Америка», 1974 г., № 5; В. Тейтельбойм. За победу революции с учетом драматического опыта. «Проблемы мира и социализма», 1973 г., № 11; его же. Прелюдия грядущих побед. «Проблемы мира и социализма», 1974 г., № 3; его же. Об анализе чилийского процесса. «Латинская Америка», 1975 г., № 2; Р. Кастильо. Уроки и перспективы революции в Чили. Прага, 1974; О. Мильяс. Хаос в чилийской экономике. Бесславная годовщина правления хунты. «Проблемы мира и социализма», 1974 г., № 9; «Революционный опыт коммунистов. Особенности современного этапа антиимпериалистической борьбы в Латинской Америке. Материалы международного обмена мнениями». «Проблемы мира и социализма», 1974 г., № 5; Р. Рохас. Нас не поставят на колени. М., 1975; П. Бальядарес. Мировоззрение Пратса и борьба чилийского народа. «Латинская Америка», 1975 г., № 2; У. Фасио. Год разрушения. «Латинская Америка», 1975 г., № 2.
- ⁴ Р. Кастильо. Указ. соч., с. 7.
- ⁵ Там же, с. 20.
- ⁶ «Ultraizquierdismo — caballo de Troya del imperialismo. Partido Comunista de Chile. Santiago de Chile. Noviembre de 1975». «Boletín de Información», 1976, N 2.
- ⁷ «Современный фашизм: его обличье и борьба с ним». Прага, 1975, с. 79.
- ⁸ «Al Pueblo Chileno. Documentos del P. C. Ch.». 1975, p. 16.
- ⁹ «Ultraizquierdismo...». Op. cit.
- ¹⁰ «Al Partido y al pueblo de Chile. Documentos oficiales...», p. 181.
- ¹¹ «Ultraizquierdismo...». Op. cit.
- ¹² Ibid.
- ¹³ «Коммунисты в борьбе за демократическое единство. Международный симпозиум, посвященный 40-летию VII конгресса Коминтерна». Прага, 1975, с. 295.
- ¹⁴ В. Тейтельбойм. Об анализе чилийского процесса. «Латинская Америка». 1975 г., № 2, с. 55—56.
- ¹⁵ Е. А. Косарев. Экономика и мирный путь революции. «Латинская Америка», 1974 г., № 5.

- ¹⁰ М. Ф. Кудачкин. Некоторые уроки революции. «Латинская Америка», 1975 г., № 2.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Р. Кастильо. Указ. соч., с. 20.
- ¹⁹ И. Н. Зорина, Ю. Ф. Карякин. Политическая хроника чилийской революции. «Рабочий класс и современный мир», 1975 г., № 5, с. 147—148.
- ²⁰ К. Альтамирано. Критические размышления о чилийском революционном процессе. «Социалистическая мысль и практика», 1974 г., № 9.
- ²¹ Jaime Gazmuri. Aprender las lecciones del pasado para construir el futuro. Santiago, 1974.
- ²² См. L. Maira. Dos años de Unidad Popular. Santiago, 1973; «El Partido Socialista y la lucha de clases». Santiago, 1973; C. Altamirano. Tres documentos. Santiago, 1973; A. Mattelart. Le «gremialisme» et la ligne de masse de la bourgeoisie chilienne. «Politique aujourd'hui», 1974, jan.-fevr.
- ²³ См. A. Uribe. Le livre noir de l'intervention americaine au Chili. Paris, 1974.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ «Chile: ya existen cimientos de la unidad antifascista». «Boletín de Información», 1975, N 13, p. 32.

Глава I

- ¹ «France Nouvelle», 1971, N° 1357, p. 21.
- ² «Principios», 1971, N 139, p. 5.
- ³ «France Nouvelle», 1971, N° 1357, p. 19—21.
- ⁴ «El Siglo», 14. VIII. 1972.
- ⁵ «France Nouvelle», 1971, N° 1357, p. 19—21.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ «El Siglo», 4.X.1971.
- ⁸ «Nation», 29.X.1973.
- ⁹ D. Seers. Chile: is the Road to Socialism Blocked? «The world today», 1972, May 7, vol. 28, N° 5, p. 205, 207, 208.
- ¹⁰ J. Faïvovich. Pourquoi nous avons échoué. «Le Monde», 12 sept., 1974.
- ¹¹ «Le Monde», 13 sept., 1974.
- ¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 194.

Глава II

- ¹ «Programa del Partido Comunista de Chile». Santiago, 1970, p. 9—10, 20, 29.
- ² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, с. 154.
- ³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 14, с. 1.
- ⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, с. 635.
- ⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 4, с. 264.
- ⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 386.
- ⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 117.
- ⁸ Л. Корвалан. Чили: к власти приходит народ. «Проблемы мира и социализма», 1970 г., № 12, с. 5.
- ⁹ П. Н. Федосеев. Под знаменем идей марксизма-ленинизма, «Латинская Америка», 1972 г., № 2, с. 6.

- ¹⁰ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». М., 1969, с. 41.
- ¹¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 135.
- ¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 34.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ «El Siglo», 19.III.1972.
- ¹⁵ «El Siglo», 19.III.1972. Показательно, что после переворота хунта несмотря на все ее попытки сфабриковать уголовные обвинения против коммунистов, и в частности против Л. Корвалана, не смогла найти никаких доказательств «злоупотребления служебным положением» со стороны коммунистов. Даже офицеры, поддерживавшие переворот и занимавшие до этого высокие военные посты, не предъявили коммунистам, с которыми они сталкивались по роду деятельности в период Народного единства, ни одного из тех обвинений, которые хунта так жаждала раскопать.
- ¹⁶ «France Nouvelle», 1971, N° 1357, p. 19—21.
- ¹⁷ «Principios», 1970, N° 136, p. 3.
- ¹⁸ «France Nouvelle», 1971, N° 1357, y. 19—21.
- ¹⁹ «Проблемы мира и социализма», 1971 г., № 10, с. 90.
- ²⁰ «Boletín informativo del Comité Central del Partido Comunista de Chile». Santiago de Chile, 1972, Boletín N 4, p. 8.
- ²¹ «El Siglo», 13.V.1973.

Глава III

- ¹ Подробнее о деятельности «ИТТ», а также различных разведывательных служб США в Чили см. A. Uribe. Le Livre noir de l'intervention americaine au Chili. P., 1974; A. Sampson. The Sovereign State. The Secret History of ITT. L., 1973.
- ² «Los Gremios patronales. Documentos especiales». Santiago, 1973, p. 5.
- ³ O. Saenz. Un pais en quiebra. Santiago, 1973, p. 5—7.
- ⁴ A. Mattelart. Op. cit., p. 36.
- ⁵ J. Philippi. Reflexiones sobre bien comun, justicia, derecho y formalismo legal. «Visión critica de Chile», Santiago, 1972, p. 25.
- ⁶ J. G. Rojas. La creciente participación social. «Visión critica de Chile», Santiago, 1972, p. 211.
- ⁷ E. C. Menendez. Chile de hoy: desvelo y esperanza. «Visión critica de Chile», Santiago, 1972, p. 19—20.
- ⁸ Fr. O. Vicuna. El sistema de la politica internacional. «Visión critica de Chile», Santiago, 1972, p. 105—108.
- ⁹ H. Peres de Arce. Entre el socialismo y la libertad. «Visión critica de Chile», p. 115.
- ¹⁰ J. C. Rojas. Op. cit., p. 199.
- ¹¹ O. Saenz. Op. cit., p. 37, 57, 73, 76.

Глава IV

- ¹ R. Moss. Chile's Marxist Experiment. Newton Abbot, 1973, p. 111.
- ² E. Jaime Guzman. La Iglesia chilena en el debate politico.— «Visión critica de Chile», Santiago, 1972; J. Musalem. Crónica de un fracaso. Frustración de un pueblo. Santiago, 1973; M. Ruiz-Esquide Jara. El Socialismo traicionado. Santiago, 1973;

- C. Orrego Vicuna. El paro nacional. Via Chilena contra el totalitarismo. Santiago, 1972; «Un pais en quiebra. 33 preguntas a Orlando Saenz». Santiago, 1973.
- ³ A. Acquaviva, G. Fournial, P. Gilhodes, J. Marcelin. Chili: trois ans d'unité populaire. P., 1974, p. 168.
 - ⁴ R. Debray. Socialism in Chile. Conversations with Allende. L., 1971, p. 8; A. Pauro, M. Donoso Pareja, C. Suares. Chile: Cambio de Gobierno o toma del poder? Mexico, 1971, p. 12; «Punto Final», 25.IV.1972, N° 156, p. 5—6; «Punto Final», 9.V.1972, N° 157, p. 9; «Politique aujourd'hui», 1974, jan., p. 21; «Quatrieme Internationale», 1974, juin, N° 15, p. 15; «Les temps modernes», 1974, juin, N° 335, p. 2116.
 - ⁵ Л. Корвалан. Путь победы. М., 1972, с. 253.
 - ⁶ M. Raptis. Quel socialisme au Chili? Etatisme ou autogestion. P., 1973, p. 14.
 - ⁷ «Le Chile est proche. Revolution et contre-revolution dans le Chili de L'Unité Populaire. Textes presentes et annotes par Maurice Najman». P., 1974, p. 9, 11.
 - ⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 18.
 - ⁹ Там же, с. 145—146.
 - ¹⁰ Там же, с. 154.
 - ¹¹ F. Delcourt. Le «pouvoir populaire» au Chile. «Politique aujourd'hui», 1974, jan.-fevr., p. 15.
 - ¹² «Quatrieme Internationale», 1974, juin, N° 15, p. 14.
 - ¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 290.

Глава V

- ¹ «Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм». «Коммунист», 1975 г., № 10, с. 95.
- ² Р. Кастильо. Указ. соч., с. 57.
- ³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4, М., 1974, с. 406.
- ⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 49, с. 347.
- ⁵ «Правда», 30 июня 1976 г.
- ⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 23.
- ⁷ Л. Корвалан. Указ. соч., с. 51.
- ⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 42.
- ⁹ Надо сказать, что чилийская реакция постоянно нарушала конституционность и законность в тех сферах, где она удерживала позиции, поэтому защита конституции в этом случае носила наступательный характер. В то же время она требовала от правительства пунктуального соблюдения закона там, где чувствовала себя слабее.
- ¹⁰ «Рабочий класс и современный мир». 1974 г., № 2, с. 15—16.
- ¹¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 36.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПО ПУТИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ . . .	22
ГЛАВА II. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ .	55
ГЛАВА III. ЭСКАЛАЦИЯ КОНТРЕВОЛЮЦИИ . . .	93
ГЛАВА IV. О НЕКОТОРЫХ «КРИТИКАХ» НАРОДНОГО ЕДИНСТВА.	122
ГЛАВА V. УРОКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА . .	146
ПРИМЕЧАНИЯ	171

Юрий Николаевич Королев

**ЧИЛИ: РЕВОЛЮЦИЯ
И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ**

Редактор Ю. Н. Листвинов
Оформление художника
О. Н. Коняхина
Художественный редактор
Р. А. Казаков
Технический редактор
Т. С. Орешкова
Корректор Л. А. Суркова

A13518. Сдано в набор 30/III-1976 г.
Подписано в печать 14/VII-1976 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2.
Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,74.
Тираж 15 000 экз. Изд. № 38-и/75.

Издательство «Международные от-
ношения», 103031, Москва, К-31, Куз-
нецкий мост, 24. Зак. № 326.
Ярославский полиграфкомбинат Со-
юзполиграфпрома при Государст-
венном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств поли-
графии и книжной торговли, 150014,
Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 59 коп.

59 коп.

издательство
«международные отношения»